

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 3 (90)

март, 2024

Содержание журнала
12+
старше
12 лет

S. NIKAS

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ, ПРЕКРАСНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами мартовский, «женский» выпуск литературно-исторического журнала «Александръ». 2024 год объявлен в России Годом семьи, и я искренне рад, что в мартовском «Александре» выступила красивая женщина, замечательная мать, результативная спортсменка и талантливая поэтесса Наталья Карпович, с которой, уверен я, нам предстоит осуществить немало созидательных социальных проектов.

Мартовский «Александръ» – это номер, в котором царствует Поэзия. Но это не только элегия и любовная лирика. Все мы живём в сложное военное время, которое женщины чувствуют острее. Для нас стало большим открытием то, что «женские» стихи о сегодняшней войне намного сильнее, чувственнее и душевнее, чем мужские, как это было в годы Великой Отечественной войны.

Но праздник есть праздник, особенно Международный женский день. И я искренне желаю вам, чтобы рядом с вами всегда находились достойные мужчины, от общения с которыми вы получали бы истинное удовольствие. Пусть ваша жизнь наполняется простыми человеческими радостями! Пусть все в семье будут здоровы, пусть дома царят уют и тепло!

Счастья вам, здоровья и, конечно же, любви!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Литература – это поистине вечное искусство, которое олицетворяет живую мысль. В ней каждое слово, каждая фраза пронизаны эмоциями и чувствами, способными перенести нас в другой мир.

Особое место в мире литературы занимает поэзия – это своего рода концентрат эмоций, который проявляется в ритме и звучании каждого стиха. Какое-то особое волшебство присутствует в словах поэта, они могут вызывать самые глубокие и таинственные чувства.

Строки поэзии возникают от увиденного и пережитого, от невозможности пережить горе или радость в повседневной жизни. Часто поэты находят в поэзии убежище от трудностей и невозможности сделать ещё что-то в реальном мире. Ведь именно в поэзии они могут отразить свои самые глубокие эмоции и ощущения, передать их читателям так, что они будут ощущать их каждым волокном своего существа.

Поэзия – это музыка слов, которая позволяет нам ощутить красоту и гармонию в самых неприметных моментах жизни. В ней скрыты ответы на вопросы, заданные нашей душе, и ключи к пониманию себя и окружающего мира. Поэзия – это вечная живая мысль, которая остаётся с нами на протяжении всей нашей жизни и помогает найти мир внутри себя.

Будь ты спортсмен, депутат, волонтер, мама или убитая горем вдова – творчество даёт новые силы жить, помогать, действовать.

Наталья КАРПОВИЧ,
руководитель секции «Семья, материнство и детство»
в Совете при Правительстве РФ по вопросам попечительства
в социальной сфере, мама семерых детей

Журнал издан при финансовой поддержке Правительства Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3 (90), март 2024 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.03.2024 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6 Наталья Карпович.
Душевный разговор

МАЛАЯ РОДИНА

- 10 Валентина Черемисина.
Люди нашего двора

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 19 Алла Ермак.
«Я соткала себя из любви...»
- 23 Елена Горшкова.
Колокольные звоны России
- 25 Натали Донч

ПРОЗА

- 27 Екатерина Чекановская.
Рябчик
- 31 Виктория Беляева.
Защита Конины

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 34 Елена Осминкина.
На пороге весны
- 37 Валентина Полюенко
- 39 Дина Бабайцева
- 40 Лариса Пушина.
Восход
- 41 Любовь Кубракова

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

- 43 Екатерина Югова.
Учителя истории в жизни великого князя Константина Николаевича

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

- 49 Ольга Пустовалова.
Фильм, фильм, фильм...

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

- 64 Валерия Анненкова.
О чём поёт океан?
- 67 Любовь Глушакова
Ольга Гаутди
- 70 Эмма Густайтис
- 71 Мария Ежова
- 73 Лариса Елисеева.
Кукла
- 76 Елена Ермолаева
- 77 Татьяна Иванова
- 78 Светлана Каданцева
- 80 Анна Крекотень
- 81 Николь Воскресная
- 82 Людмила Павловская
- 84 Надежда Савватеева
Надежда Томчук
- 86 Юлия Шамлова
- 88 Елена Пех
- 89 Елена Болдина

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

- 92 Анатолий Труба.
Весна с запахом миндаля!

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94 Нина Попова.
Новые направления работы Союза писателей России со СМИ

Душевный разговор

***

Здесь всё как было раньше:
Заботы, суета,
Проблемы, что из пальца высасываем зря,
Работа, дом и клубы, музеи, ресторан,
Пустые разговоры, обиды и игра...
Здесь всё как было раньше,
А там другая жизнь,
И нет здесь понимания,
Что рушится весь мир.
Там – смерть, разруха, горе.
Там счастье – тишина.
И если вдруг найдутся одежда и еда,
Уснуть в чистой кровати при свете и воде,
А если дом остался – то счастье вдвойне.
Когда вернуться можно к родному очагу,
Родных своих увидеть,

Смахнув с щеки слезу.
Там ценится минута, что дышишь и что жив...
А здесь как было раньше –
Живёшь ты или спишь?

***

Люди, не делайте деньги на горе!
Люди, поверьте, вернётся вам втрое!
Всё возвращается: доброе, злое –
Всё, что посеете, то и пожнёте.
Ваш результат – это ваши поступки.
Каждый имеет подумать минутку.

* * *

Дорога домой оттуда,
 Где рвутся снаряды и боль,
 Где семьи остались без крова
 И каждый второй – герой,
 Где дети снова сироты,
 Где нет воды и тепла,
 Где люди мечтают о мире,
 Познав, что такое война.
 Что значит сидеть в подвалах,
 Родных потерять навсегда.
 Дни, месяцы, годы –
 Вокруг лишь одна война.
 Бомбёжки, обстрелы, мины...
 Так хочется тишины,
 Увидеть мирное небо,
 Почувствовать запах весны
 И выйти на солнце открыто,
 Без страха стоять во дворе
 И снова услышать счастье
 На доброй любимой Земле.

* * *

Я к вам приеду на часок
 С подарками родных,
 С открытками детей
 И верую людей простых.
 Я с вами посижу часок,
 Послушаю «за жизнь»:
     как вы, что здесь и как дела.
 Когда закончится война, мы молча посидим
 И вспомним тех, кто не дошёл,
     но нами не забыт!
 Я к вам приеду на часок...

* * *

Я снова здесь,
 Где много зла, где боль и где идёт война,
 И где стеной стоят они,
     защитники Родной Страны.
 А дома семьи, дети ждут.
 Их жёны вяжут и плетут всё то, что на войне
     поможет им,
 Родным, любимым, дорогим.

Наталья КАРПОВИЧ

Родилась 19 сентября 1972 года в Ленинграде.
 В 1990 году с красным дипломом окончила индустриально-педагогический техникум, в 1994 году – Государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, в 1997 году – юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в 2009 году – Российскую академию государственной службы при Президенте РФ в Москве, кафедра национальной безопасности.
 Работала в школе, затем с 1990 года занималась бизнесом и охранной деятельностью. С 1998 года – юрист в общественной организации «Союз «Чернобыль» в Санкт-Петербурге.
 С 2007 по 2011 год была депутатом Государственной Думы ФС РФ V созыва, первым заместителем председателя Комитета по вопросам семьи, женщин и детей.
 С 2010-го – президент фонда «Защита детства». С 2014 года – председатель Региональной общественной организации «Объединение многодетных семей города Москвы».
 В 2018 году была доверенным лицом на выборах Президента РФ и выборах мэра Москвы.
 В 2018 году назначена председателем совета по национальному проекту «Демография».
 Руководитель секции «Семья, материнство и детство» в Совете при Правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере
 Уже более 20 лет пробует себя в прозе и поэзии.

Отряды женщин, матерей стоят
     на страже всех детей.
 Они молитвою своей спасают тысячи людей.
 Внутри страны народ встаёт,
     он собирает всё на фронт.
 «Вы не одни! – летят слова. –
 За вами мы и вся страна!»
 Бойцы родные, наш оплот,
 Вас ждём и верим.
 Ваш народ.

* * *

Закрою глаза. Где ты, мой родной?
Моя половинка, мой ты герой.
Представить хочу я тебя и узнать,
С тобой говорить и тебя обнимать.

В объятьях твоих раствориться и знать:
Ты мой навсегда и тебя не отнять.
С тобой пройдем этот путь на земле
И счастьем своим будем радовать всех,

Любить и лелеять друг друга, детей,
Родителей чтить и близких друзей.
Всегда в нашем доме покой и любовь,
За круглым столом соберётся народ,
Поднимут бокалы и скажут слова:
«Любите друг друга. Дай Бог вам всегда
Быть вместе по жизни на все времена».

* * *

Я о любви не знаю много,
Но знаю только, что она
Бывает горькой и недолгой,
Не о такой мечтала я.

Хотелось мне любить безумно,
Быть верной, ласковой с тобой,
Но ты отверг все эти чувства,
Ты пренебрёг своей Ассоль.

* * *

Там у тебя семья, друзья,
Но где сейчас душа твоя?
Как часто думаешь о ней
И сколько ты не спал ночей?
Как часто в снах её ласкаешь,
Целуешь губы, задыхаясь,
И чувствуешь её ты всю,
И шёлк волос, и гладкость кожи,
И запах женщины родной?
Всё в памяти твоей живёт,
Тебя тревожит и терзает,
Но ты ушёл, её оставив,
И спишь с другой, и делишь с той

Всё, что сейчас с тобою в жизни,
Где нет той женщины родной.
Ты был уверен, что пройдёт,
Её забудешь и начнёшь сначала
Всё в той жизни старой,
Вернувшись в дом и ту семью.
Проходит время, только, правда,
Всё больше чувство пустоты
В душе твоей преобладает,
И жаждешь ты её любви.
Ошибка выбора, ты знаешь!
Как изменить и как вернуть
Ту, что молчит, не понимаешь.
Не знаешь ты назад пути,
И это сердце рвёт, терзает,
И это злобой заполняет,
Ты ищешь выход, ты ищи.
Она твоя – ты можешь смело
Идти туда и всё вернуть.
Легко вернуть нельзя – ты крепко
Удар нанёс, и всё ты снёс.
Но если понял, что она
Одна нужна тебе на свете,
Иди и ей скажи об этом,
И делай так, чтоб поняла.
Шанс даст, но только ты пойми:
Обмана, лжи быть не должно.
Иди, люби и береги.
В ней всё, что нужно для того,
Чтоб полоса проблем ушла,
Успех пришел и ты воспрял.
Вернешь её – вернёшь себя,
И всё наладится в делах.
Там звёзды вас соединили,
Но ты разрушил Божий дар,
Ошибка эта болью в сердце
Легла не только лишь для вас.
Она коснулась малышей,
И сын твой болен сей потерей.
Ты всё бросай и к ним скорей –
Своё ты счастье возвращаешь.

* * *

Сейчас пишу о том, что душу ранит,
 Броню мою стирает в порошок,
 Пишу о том, что жизнь меня ломает,
 Забрав блага, оставив слёз мешок.
 Дано одно мне благо писанины,
 Пишу, чтоб легче стало на душе,
 Чтоб не делиться «ерундой» с любимым,
 Оставив душу на листке.

Потом листок сгорит иль разорвётся...

Но вот беда, останется душа,
 Она откроет памяти страницы,
 Замкнётся круг... и снова я одна.

* * *

Дайте силы, и дайте мне руку,
 И скажите мне все те слова,
 Чтобы поверило сердце больное,
 Что разлука не навсегда.
 Что вернёшься, обнимешь и скажешь,
 Как нуждался во мне, милый друг.
 Как боялся, вернувшись, не встретить
 Добрых глаз, нежных губ, тёплых рук.
 А потом ты мне скажешь,
 Как трудно тебе было вдали от меня,
 Как измучился, исстрадался,
 Как сводила тоска с ума,
 Как болело сердце без ласки,
 Без любви и без огня,
 Как хотел ты прижаться к телу,
 Как хотел ты обнять меня
 И испытать поцелуй... О! безумство!
 Я, наверное, сойду с ума,
 Если буду так часто думать,
 Что ты скажешь, вернувшись сюда.

* * *

Ты всегда не один, одинокий мой,
 Я всегда не одна, одна,
 Одинокие души странников
 Привели нас с тобой сюда.
 Тёплый вечер и берег моря,
 А над нами светит луна,

Мы вдвоём одинокие люди,
 Мы с тобою одна душа.

Одиночество бродит рядом,
 Но сегодня не властно оно
 Над парящими душами нашими,
 Что теперь далеки от него.

Одиночество отступило, хоть на миг,
 Но мы не одни.

У меня появился любимый,

У тебя появились мечты.

Те мечты, что согреют в дороге,

Те мечты, что помогут в беде,

Те мечты, что согреют и скрасят

Одинокие годы твои.

Невозможна, виновна, невинна

Я явилась в мечтах твоих,

Одинокого, неповторимого

И невидимого для других.

* * *

И опять обретаю надежду,

Я приду в свой сказочный лес,

Где подружки, друзья и кукушка

Считает количество лет.

Долгой жизни?

Счастливой? Несчастной ли?

Вот на это не даст мне ответ,

А подружки кудрявые головы

Закружат в хороводе своём,

Белоснежных берёзок пленница,

Окажусь в хороводе том.

Ну а ёлочка мягкими лапами,

Отпуская, одарит меня

Своей свежестью и загадочностью,

Что так сильно нужна мне всегда.

Клён кудрявый наклонит голову

И расскажет мне о любви.

Дуб могучий защитой служит

Для моей беззащитной души.

Ветерок тихо шепчет на ухо

Про далёкие страны, моря

И про то, как я вырасту женщиной

И познаю всё это сама.

ЛЮДИ НАШЕГО ДВОРА

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

От жара, от печки или ещё от чего-то лицо этой женщины – звали её Зина – всегда было красным, и думалось, что она работает поваром. «Повар да повар», – так говорили все, и я тоже. Она при этом морщилась. Соседи стали думать, что она больная. Она обиделась: «Какая я больная, самая настоящая здоровая, выросла в крестьянской семье, а там цвет красный всегда был в моде». И тут я заметила, какие у

неё ровные и красивые зубы. В улыбке лицо вдруг осветилось добрым и ласковым светом. Теперь она казалась совсем другой.

А поваром она могла бы быть неплохим, стряпать умела, да ещё как! Когда я заходила после к ней в гости, она тут же усаживала меня за белоснежную скатерть и доставала пирог из духовки. Сначала смазывала его гусиным салом, а потом разрезала на толстые ломти. Вся-

кий раз пироги были с разными начинками, но сейчас все кажутся медовыми. Может, потому что такого уже пирога в газовке не испечёшь, всё равно запах будет не тот, да и вкус тоже.

Воспоминания детства уводят дальше. Теперь я уже вижу лицо Григорьевны, бабы Натальи и Павловны. Баба Наталья выносила свои пироги прямо во двор, и всегда в один и тот же день, день памяти дяди Коли, её мужа, погибшего на фронте, которого я никогда не видела, но, как и все, поминала. В этот день мы, дети, просто объедались. Кроме пирогов баба Наталья выносила нам и постряпушки, среди которых особенно помнятся фигурные печенья, похожие на слоников, петушков, лошадок. В этот день нам разрешали долго бегать и шуметь, так что сейчас кажется, что я дядю Колю знала хорошо.

Выходила на улицу со своей стряпнёй и Григорьевна в праздники престольные, о которых мы, дети, не имели ни малейшего представления, но уминали тоже за милую душу, за всех святых и Христа-Спасителя. И только одна Павловна ничем не угощала. Жила она тогда вдвоём с Нинкой – так звали её тогда взрослые – и козлухой, молоко от которой она продавала на базаре. Выглядела она жилистой и суховатой, такой её запомнили все. Между ней и бабой Натальей шла постоянная борьба. Но за что? Тогда я не понимала смысла их расхождений, но частенько видела их во время стычек. Они касались в основном уборки зимой от снега тропы, ведущей от их дома к воротам, а весной – вспашки огородов, когда одна, как ей казалось, распахла землю у другой при прокладке борозды. Но всё это было только поводом к тому, чтобы в очередной раз одна назвала другую «спекулянткой», а та в ответ – «кулачкой». Действительно, баба Наталья ещё в молодости жила в семье зажиточной, в хозяйстве которой были и лошадь, и корова, и даже мельница.

И здесь, во дворе, по мнению Павловны, она занимала лучшее положение. Квартира её находилась в середине большого деревянного дома, где проживало три семьи. И Павловна часто жаловалась: «Обогреваем её, сколько дров

уходит, как в прорву». Высохшая, словно старый стручок, с жиденькими косичками и острым носом на худых, впалых щеках, она походила на Бабу-ягу, только что без клюки, и мы, дети, забегая вперёд неё, кричали: «Бабка-ёжка, как живёшь-ка?» На что Павловна, взяв палку, замахивалась на нас, выпуская длинный рукав старой кацавейки, которая, как и платье, вечно болталась на ней, как пугало на огороде, и мы с восторгом и визгом бежали прочь. Баба Наталья, хотя и выглядела моложе Павловны, к тому времени тоже сгорбилась, но в отличие от неё была опрятно и чисто одетой. И внешне выглядела доброй и даже интеллигентной старушкой. Двери её сеней всегда были распахнуты настежь. И каждого, кто входил во двор, она могла видеть через окно кухни, которое выходило в сени. Поэтому она всегда была в курсе того, что происходило во дворе. К ней заходили поделиться новостью или услышать её. А вечером на её широком выщербленном крыльце собирались женщины. Здесь они делились своими заботами, рассказывали о случившемся. Мы, дети, тоже любили подсесть рядом и послушать, о чём они говорят.

Часто говорили о людях, с кем они работали. Дочь Григорьевны, тётя Маруся, мать моей подружки, трудилась в типографии, сама Григорьевна и тётка Мария, проживавшая с ними, нянчили детей. Тетя Нюра, соседка Григорьевны, работала на фабрике, мать моя – на заводе. Здесь я впервые услышала о литейщике дяде Мише, а потом он пришёл к нам во двор. Дядя Миша был мастером на все руки. Но особенно хорошо он складывал печи. И потому его прихода всегда ждали с нетерпением. Завидев его ещё издали, мы, дети, бежали и кричали: «Дядя Миша идёт, нам тепло принесёт!» Дядя Миша, подходя к нам, улыбался, и сразу тысячи морщинок возле его глаз превращались в лучики солнца. Таким его я и запомнила на всю жизнь. Говорил он обычно мало. Помню только первую фразу: «Ну, что, бабоньки, делать будем?» Имелось в виду: крышу крыть, чинить сарай или подладить печь. За бескорыстие люди называли его бессребреником. Но такими мне казались и женщины нашего двора.

Бескорыстие было в крови у этого поколения, и наград за добро не ждали. Да говорится же, кто не имеет, тот и даст, что есть. Душа человека дарит. А если её нет, чем делиться? Вот и выходит, истинно щедр даровитый человек, кто жить для себя не умеет. А наши родители с детства приучались жить для других. Росли они в большой семье и уже с трёх лет нянчились с младшими, а потом помогали по хозяйству, а там и своя семья, и старики, о которых заботились до конца – жили с ними рядом. Старик – это старший в доме. Его уважали, с ним считались в первую голову.

Обедали все за большим столом. Хлеб и соль священны. Потому и крестились, садясь следом за отцом. Ждали, когда он возьмёт первый ложку. Мясо тоже делилось на части по старшинству. Придёт время, вырастут сыновья, и круг повторится. Из уважения к старшим вырастало уважение к человеку. Это качество я чувствовала в людях двора. Ценили человека за доброту и бескорыстие, простоту. Зависти к другим не испытывали, поэтому не было к ним ни злобы, ни раздражения. К детям относились как к взрослым, понимая их. Опыт педагогики из детства помогал в воспитании своих детей. Но, пожалуй, самое отличительное качество в них – это чувство собственного достоинства. Именно оно позволяло уважать себя и других. На судьбу не жаловались, хотя рано овдовели.

Помню отпечаток каменной молчаливости на лице матери, таким оно стало после гибели отца. И всегда она каменела, если в дом приходила беда. Видимо, на этом пути шло накопление сил, которые помогали ей преодолеть горе. Поэтому на людях его никогда не выплёскивали, держали про себя. Но, собираясь вместе, любили отвести душу и посмеяться над нелепыми положениями, в которые попадали. Рассказывали о других в лицах живо и убедительно. В разговоре употребляли пословицы и поговорки, даже придумывая их по ходу рассказа. Наговорившись, начинали петь. Тетя Маруся затягивала: «Вот кто-то с горочки спустился». Подхватывали, словно издали, распевались, песня звучала всё громче, раскатистой, пока наконец не разливалась, как

широкая река. Это была их любимая песня. Она вызывала грустное настроение. И в эти минуты казалось, все жили одним. И не было среди нас всех ни вдов, ни сирот, а только одна община, которая всё ещё ждёт не вернувшихся с войны мужчин. Наши матери вышли замуж перед самой войной, но ни к одной из них муж не вернулся домой. Пришёл только сын Натальи Ивановны (бабы Натальи), вернее, пасынок. Я долго не знала, что дядя Коля – её второй муж. Помню, меня поразили слова матери, когда она сказала, что баба Наталья ещё молодой первая в деревне оставила мужа, за которого, по-видимому, её выдала насильно богатая семья. По тем временам это был смелый поступок. В моём воображении она стала чуть ли не героиней, о которых мы слышали из истории нашей страны в прошлом. Да, мы, дети двора, чаще всего познавали историю из живых уст. Наши матери и отцы сами были ещё детьми революции, а их деды и отцы сражались ещё в царской армии. Мать была девчонкой, когда в их деревне началась Гражданская война. Её отец всё время держал подводу наготове. При приближении белых, побросав туда вещички и усадив семью, тотчас гнал лошадей в лес. Бывало, отсиживались там неделями.

История с первым замужеством Натальи Ивановны мне как-то тоже прояснила характер её отношений с Павловной. Она была непримирима с тех пор к тем, кто жил не своим трудом. К ним она относилась и Павловну. Но едва ли Павловну можно было назвать спекулянткой: жили они вдвоём с Нинкой бедно, едва хватало на жизнь. Просто такое отношение тогда существовало ко всем, кто промышлял, а не трудился. Да и государственный сектор вёл на рынке борьбу с частным, стараясь увеличить производство молока и мяса. У людей нашего двора считалось зазорным покупать мясо и молоко на базаре. На рынок или в частный двор, где тогда ещё и в городе держали коров, за молоком шли в основном из центра. Здешние же у них не покупали. Вот и Павловна жила рядом, а молоко у неё не брали. Павловна промышляла не только молоком, но и, отдоив козлуху, продавала её на базаре. Связав рога,

она тянула её через весь двор, потому что та упиралась, чуя недоброе. Добредя до ворот, козлуха останавливалась как раз на выходе. Случись в это время быть здесь бабе Наталье, разыгрывалась сцена.

«Ну, – ехидно начинала Наталья Ивановна, оставив ношу и подбоченясь, словно вызывая соперника на бой, – опять спекулировать пошла?» Павловна взрывалась и, в сердцах стеганув козлуху, едва успевала её удержать, когда та, рванув вперёд, чуть с ног не сбивала противника. «Кулачка», – слышала тотчас Наталья Ивановна, едва оправившись от испуга. Никто во дворе не принимал их ссоры всерьёз. Чаше посмеивались: «Нашла опять коса на камень» – и не пытались выяснить, кто прав, кто виноват. Так к тому времени сложилась их жизнь. Но, бывало, между ними наступал мир, если миром можно назвать ту весёлую перебранку, которая возникала зимой. В лютый мороз обе в худых рукавицах выходили на двор подколоть сухих дров. Наточив топоры, выбирали поленья потолще и посуше. И долго с ними маялись. Когда становилось невмоготу, баба Наталья выпрямлялась и, разглаживая отёкшую спину, кричала: «Ну как тебе, жарко, Павловна? Ещё подпалить костерку?» Павловна, разогнувшись и увидев Наталью Ивановну, укутанную поверх шали платками, смеялась, показывая, что она выглядит как бабка Карга, и заходила ещё сильнее, пока не закашливалась на ветру. Баба Наталья снова брала полено, ставила на чурку: «Вот-вот, будешь знать, как над другими потешаться», – говорила она про себя, уже не обращающая внимания на Павловну. После обе жарко натапливали печи, обмениваясь напоследок немудрёными фразами. «Надоть сегодня кости старые попарить», – говорила Павловна. «А то как же, не ровён час, женихи свататься придут», – язвила вслед баба Наталья.

Растопив печь, Павловна садилась погреться, взяв книгу, над которой время от времени подрёмывала. Читала ли она её? Говорили, что она открывала одну и ту же страницу. И баба Наталья, зная за ней эту слабость, подначивала её, когда та выходила с книгой уже летом в небольшой садик, где под разросшейся

черёмухой стояли стол и скамья, срубленные сыном Натальи Ивановны. «Ну что там, граф ещё не женился на Нинке? Пора уж, девка в соках», – говорила она, заглядывая через плечо Павловны в книгу в то время, когда та клевала в неё носом. От неожиданности Павловна вскакивала, и свесившиеся с носа очки делали её похожей на старую ворону. Этим она уязвлялась очень сильно, и после уж они долго не разговаривали.

Я хорошо помню и Нину, её дочь. Она редко присоединялась к вечерним разговорам. Проходила мимо, сдержанно здороваясь. На вид она казалась важной и выглядела здоровой женщиной. Бабы вслед говорили: «Здорова как корова, а по хозяйству не ходова». Это они ей выговаривали за то, что она не помогала Павловне по дому. Чувствуя неприязнь со стороны общины, Нина больше общалась с нами, детьми. Поэтому мы знали её немного с другой стороны. Любила она пересказывать нам истории из прочитанных книг. За книгой её можно было видеть часто. Мы же, дети двора, любили больше бегать. И нас в этом не ограничивали. Шло это не от неграмотности, как мне кажется, наших матерей, просто они считали, что движение, игры, совместное общение полезней, чем книги и одиночество. И хотя высшего образования не имели, но значение знаний понимали. Недаром же так хотели выучить своих детей, хотя растить до десятого класса было трудновато, а потом ещё учить их в институтах. Относиться к учёбе они заставляли нас так же серьёзно, как сами относились к работе. Помню, даже и при недомогании мать заставляла меня, если я могла, ходить в школу.

Сама она в своё время любила учиться в школе и хорошо училась, но отец окончить не разрешил, надо было помогать большой семье по хозяйству. Мой отец хотя и жил в деревне, но самостоятельно тянулся к знаниям. Недаром же его ещё молодым человеком выбрали председателем сельсовета. В чулане своего дома после я обнаружила его книги: рассказы Ивана Бунина, «Жизнь Клима Самгина» Горького, «Философские тетради» В. И. Ленина. И совсем незнакомый мне как человек отец ста-

новился для меня каким-то реальным лицом. Мать мало о нём рассказывала, но из того, что я знала, поняла, что он был добрым и жизнерадостным человеком и в то же время умел быть серьёзным. До переезда во двор они с матерью жили в коммуналке, в одной комнате вместе с такой же молодой семьёй. И жили очень дружно. Оба главы семей ушли на фронт, но женщины оставались дружны до конца своих дней. Самыми главными качествами, которыми обладали наши женщины, были трудолюбие и совесть. Такими же они хотели видеть и нас. И не думали, что эти качества могут нам повредить в жизни, как считают некоторые сегодня, предпочитая им умение жить, но за счёт силы, ловкости и выгоды.

Были ли и тогда такие? Конечно, но большинством осуждались. Их приравнивали к живущим за чужой счёт. Всё, что не зарабатывалось своим трудом, не считалось честным, в поте лица добытым, и потому не имело цены. Но я уверена, что человек без твёрдых нравственных убеждений всё равно рано или поздно терпит крах. «За счёт других счастья не добьёшься, – говорили наши мамы. – Это всё равно что бить в одни ворота». И они верили в то, что жизнь мудра и справедлива, за всё воздаст.

И всё же, несмотря на желание наших матерей выучить нас, раз уж они сами не доучились, не за книгами мы проводили большую часть времени, а во дворе. Может, потому что любили свой двор. Он был удивительно удобен для человеческого общения, или, как сказали бы сейчас, в нём была благоприятная среда обитания. Судите сами. Прямой, широкий, со штанкетником и воротами, над которыми висела баскетбольная сетка. Это наша спортивная площадка. За ней зелёные лужайки со множеством разных трав и цветов. Лютики, ромашки, кашка устилала ковром всю остальную часть двора, вплоть до огородов, откуда во двор шли запахи петрушки, репы, укропа, огурцов. Осенью вскапывался картофель и собиралась малина с кустарников, разбитых вдоль забора, над которыми возвышались стройные тополя. Они были высажены ещё задолго до революции,

когда двор со всеми его постройками принадлежал купцу, который приторговывал китайским чаем. Чулан нашего дома был магазином, дверь с улицы была перекрыта железной скобой. Сохранилась и вывеска о продаже чая. А напротив нашего дома, со стороны фасада, через проезжую дорогу прямо на наши окна смотрел купеческий особняк, двухэтажный, наверху которого жили родители нашей подружки, а внизу, в подвале, – бывшие владельцы этого особняка. Это старик со старухой, оба подслеповатые, ходили всегда друг за другом, держась за плечо. Так история опять доходила до нас отголосками своего времени, заставляя нас не в книгах, а в жизни видеть её следы. Всегда было любопытно заглянуть в их подвал, как говорят, ради житейского интереса, но разговаривать и общаться с ними не хотелось. Как и все, мы сохраняли дистанцию.

Во дворе этого дома был красивый сад из лиственницы, дуба и тополей. И мы любили лазить по этим деревьям. На одном из них под великолепной кроной был устроен наш шалаш. Здесь нас никто не мог видеть, а мы видели всех и знали всё о том, что происходит вокруг. Отсюда мы совершали налёты на соседний частный двор в сад, собирая в платки и шапки стрясъённые с веточек кисленькие красные яблочки, которые украшали тогда сады местных дворов. Интересно, что рядом с нашим домом был точно такой же сад с точно такими же яблочками, куда нам разрешали входить беспрепятственно. Но налёты на чужой сад, где могут поймать, сопрягались с опасностью, и яблочки, добытые такой ценой, казались слаще. После операции мы живо обсуждали, как кто вёл себя в то время. Совсем как на войне, было страшно, но жить хотелось, тем более выйти невредимыми. Смелость проверялась часто. Придумывали прыгать с крыш. Ног не ломали, но домой я приходила с разбитыми коленями. Паиньками мы, конечно, не росли. Наш детский мир был полностью самостоятелен. Взрослые никогда не вмешивались в наши игры, тем более их не организовывали. Не вмешивались они и в наши отношения, когда мы ссорились. Поэтому мир с ними был прост и ясен. И по-

нимали друг друга лучше, чем сейчас, когда мать, контролируя ребёнка, проводит с ним большую часть времени, но от этого их отношения не становятся лучше.

Да, мы росли как растения. Нас посадили, полили, а там наше дело – вытянуться к солнцу и пустить корни. Поэтому и в организации своего досуга мы проявляли инициативу. Например, часто устраивали концерты во дворе для взрослых. Готовились к ним загодя. Придумывали сами свои номера и тайком репетировали. Отработав, как говорят сегодня, программу, оповещали взрослых через гонца, который в особой словесной форме типа сегодняшних приветствий приглашал на концерт. Особенно популярны в то время были номера с акробатическими этюдами. Где только мы над ними не работали и каких оригинальных номеров не придумывали. Взрослые, бывало, замирали, когда мы создавали высокую пирамиду, а потом спрыгивали вниз. Мать меня после того, отшлёпав, тащила домой: «А если бы убилась, а?» Но в следующий раз всё начиналось сызнова. И мы опять, увлечённые шпагатом, ласточкой, мостиками, стойками на голове, готовились к следующему выступлению. Иной раз сейчас думаешь: ну и дались же тогда нам акробатические этюды. Зато любовь к спортивным упражнениям сохранилась на всю жизнь. И что было характерно для нас, я сейчас вспоминаю, за что бы мы ни брались, всё доводили до конца. Была в нашем поколении эта упрямая чёрточка.

И кроме того, нам была свойственна глубина увлечений. Помню, как мы страстно увлеклись театром. В наш город на гастроли приехал Московский театр сатиры, где играли многие тогда любимые артисты кино. Желание увидеть их живьём заставляло нас каждый вечер бегать в театр. Благо с билетами тогда было свободно. Театр, как и другие зрелища, не входили тогда ещё в кодекс культурного человека. Культура не была только частью досуга. Она, если была, пронизывала всю жизнь человека, его быт и сознание. «Культурным» с иронией называли того, кто правильно держал вилку или ложку, или чересчур модно одетого чело-

века. Просматривая спектакль за спектаклем, мы не могли не увлечься театральным искусством. Особенно же нас привлекали естественные для этого возраста увлечения, отношения невесты и жениха. Их любовь, ссоры и опять любовь. В такой круговерти мы и жили. Дома разыгрывали те же самые сцены, вкладывая в их исполнение чувства, переживания героев. Падали в ноги «возлюбленным», просили прощения, потом ссорились, забрасывали друг друга подушками, кричали, что между нами всё кончено, и разбегались в разные стороны. А на следующий день, по всем правилам игры, не замечали друг друга. Игра в такие сцены вылилась потом в серьёзное увлечение театром, и мы записались в драматический кружок. Помимо наших собственных увлечений, родители заставляли нас вышивать. Дорожки, вышитые гладью, крестом, украшали стены комнат. Мальчишки же столярничали или слесарничали. Почти в каждом доме, если не в сарае, то в чуланчике, имелся верстак. Починить мебель или самому сделать стул, столик считалось в порядке вещей. Не уметь сделать то, что умели другие, было стыдно. Над неумелыми смеялись. Но не в глаза, а примерно так, как у нас на детских концертах. Объявляется номер и тот, кто в нём выступает, а дальше сообщается, что это всё, на что он способен. Постоянное стремление что-то показать, сделать рождало у нас любознательность. Инертными мы не были. У нас был живой интерес к разным сторонам жизни. И свои отношения со взрослыми мы строили самостоятельно.

Так я ближе познакомилась с Ниной. Она пригласила меня как-то в дом. Я увидела её как бы изнутри. Обстоятельства её жизни пробудили во мне интерес к ней как к человеку. В комнате было бедно. Но эту бедность создавало не отсутствие мебели, в ту пору заставляться не любили. Выходцы из крестьян, наши матери и свои городские квартиры украшали как горницы. На окнах белые занавески из строчёного полотна, покрывала узорчатые, тоже своей выделки, на полу – свои домотканые половики. Ничего лишнего, но нарядно, светло и уютно. У Нины ничего не было своего. Может, оттого

квартира выглядела бедной. Но вот прошло время, и в памяти осталась только этажерка с книгами. Она и была тогда предметом внимания Нины. Больше я у неё не бывала. Но дальше произошло событие. Однажды вечером баба Наталья сообщила: Нинка заболела, увезли в психиатричку. А потом рассказала, как было дело. Услышала она через стенку крики, думала, что с Павловной, прибежала, а там Нинка сидит на постели и орёт. На неё никакого внимания. Баба Наталья вызвала скорую помощь, и увезли её на Агафуровские. И только там выяснилось, что у Нинки был рак, а не сумасшествие, тогда о нём мало знали. От боли она могла и кричать, и вести себя как-то неестественно. На Агафуровских Нина и умерла. Хоронили её вместе с нами сослуживцы. От них мы и узнали, что она была больной. Боли заглушала арбузами, на которые тратила почти всю зарплату, а получала она всего 48 рублей (старыми деньгами). За гробом шли как-то уныло. Казалось несуразным хоронить молодую женщину, которой едва было 35 лет. Тогда таких покойников ещё не знали. Когда гроб опускали в землю, женщины не выдержали и всплакнули. Было жалко Павловну, которая осталась теперь одна. Но не прошло ещё недели и не успели отойти от случившегося, как новое событие, связанное с Ниной, потрясло нас. В ворота двора постучали, обычно этого никто не делал. Ворота открылись, и мы увидели незнакомого мужчину. «Здесь живёт Нина Павловна?» Мы не знали, что и ответить, словно онемели. На крыльце появилась Наталья Ивановна, дала знак рукой, и мужчина прошёл к ней. Был он наголо остриженный, в хорошем шевиотовом костюме. От Натальи Ивановны он не выходил долго. Потом мы узнали, что Нина Павловна и есть наша Нинка, а мужчина – это её давний друг. Каково же было наше удивление: с дружками её никогда не видели. Баба Наталья рассказала, как он долго сокрушался, узнав о смерти Нины.

Перед смертью у неё под окном выросла верба, по народным приметам – знак печали. Мужчина вышел от Натальи Ивановны с топором и срубил вербу, вероятно, не желая верить

в неотвратимость случившегося. Эта история с таинственным другом волновала. В воображении рисовались отношения романтические, как раз из тех историй, которые пересказывала нам Нина. Может быть, она и не вычитывала их вовсе, а придумала свои собственные. Не знаю, эту загадку Нина унесла с собой. Жизнь каждого человека, встреченного мной потом в пути, представлялась загадкой, и мне хотелось бы её разгадать.

Немного проходила Павловна после похорон. Пришёл день, когда она сама перестала выходить из избы. И баба Наталья стала её проводить. Заносила ей хлеба и закрывала вьюшку печи. Но тона своего к ней не изменила. По-прежнему при случае подначивала, укоряя теперь в том, что если бы она работала на производстве, то сейчас получала бы пенсию и не жила бы «как жук в навозе». На что Павловна, совсем уже худая на вид, на чём только платье держалось, хотела ответить, как прежде, но выходило одно шипение. Так и умерла, не желая в свой последний час в чём-то уступить Наталье Ивановне. Когда та зашла закрыть вьюшку, Павловна лежала на полу возле опрокинутого навзничь стула, с помощью которого, видимо, пыталась сама закрыть печь.

Вторые похороны из одной и той же квартиры удручали. Откуда-то приехала её старшая дочь. Раньше о ней никто не слышал. Заколотили уже совсем осиротевшую квартиру. Потом кто-то вспомнил, что осталась этажерка. Вынесли через окно. Книг не было. Их взяла дочь. А как этажерка попала ко мне, до сих пор не знаю. Только стоит она сейчас, всегда переполненная книгами да журналами. И хранит память о человеке, заставляя думать о многом. Порой мне кажется, что в ней осталась душа Нины и мне надо её узнать. Ещё думаю о том, почему вещи долговечнее человека. И прихожу к выводу, что, наверное, есть и в этом смысл, когда плоды наших рук или дум достаются другим. Не только для себя приходит человек в этот мир, а ещё для чего-то, о чём мы можем только догадываться и что уходит в тайну времени.

Квартира Павловны долго не заселялась. Заколоченная крест-накрест, она напоминала о былом. Но вскоре во дворе начались большие перемены. Пришли из райисполкома, замерили площадь двора и сказали, что будут сносить. Весть об этом разнеслась по всему кварталу. Но не все восприняли её с радостью. Жители частных дворов, с возведёнными домами и большой площадью под огороды и различные постройки, и потом ещё долго сопротивлялись «новоселью», выторговывая для себя квартиры в центре.

Наших женщин больше всего занимало, как они будут жить в таких домах, где не нужно носить воду каждый день и заготовливать на зиму дрова. И вообще не иметь подсобного хозяйства. Ведь они с малых лет привыкли жить в таких домах, требующих постоянной хозяйской заботы. Да и дом у человека всегда был один. Это сейчас квартиры взаимозаменяемы. Выстроенный руками человека, дом до конца дней хранил память о своём хозяине, и даже когда тот покидал его, в нём оставалось что-то неуловимое от прежнего уклада жизни. Может, потому до сих пор не заселены покинутые в годы укрупнения колхозов дома, а то и целые деревни, как верные стражи, опустившие чело, но так и не ушедшие с поля, где уже давно отшумела жизнь. Многие пустые дома стоят ещё со времён войны. Печальное и грустное зрелище! Сколько в этом чисто русского и правдивого! Вот и дом моих родителей, откуда они ушли в город перед войной, тоже один доживает свой век, теперь уже в заросшей со всех сторон глухомани, куда и дорогу-то трудно сыскать. Я как-то попыталась найти, да не смогла. Угрюмый таёжный лес скрывал от меня эту тайну, как бы догадываясь, зачем я пришла. О чём он молчал? Не о том ли, что я узнала позже? Жители этого села покинули его с той поры, как только перестали ждать не вернувшихся с войны мужчин. Перебрались они за реку. И стала та деревня зарастать травой. Но мне кажется, я нашла ту траву, привезла её домой, высушила. И теперь она напоминает мне о тропе, которую я искала и по которой, может быть, и уходили отец с матерью, чтобы вернуться.

Но возвращаемся сегодня мы к ним.

Когда поездишь по белу свету и хлебнёшь горяшка, родной дом становится дороже Мексики, а крестьянский тяжёлый труд – слаще мёда. Ибо душа не на месте. Вот и женщины нашего двора, размечтавшись о благоустроенных квартирах, не знали, что ждёт их впереди. И что, получив блага, они потеряют гораздо больше: ту радость общения, какая у них была в общине.

Да и мы, дети двора, оглянувшись назад, не раз вспомняем общину, под присмотром которой мы выросли и получили первые навыки братского отношения к человеку. Если нам потом чего-то и будет не хватать, то это чувства родства с теми, кто нас окружает.

С каждым днём разговоров о сносе становилось всё больше, но до него оказалось ой как долго. К тому времени сын Натальи Ивановны построил кооператив, и она первая покинула двор. Не знала и она тогда, как сложится её жизнь впоследствии. Всю жизнь прожив с близкими в мире и согласии, на новом месте она столкнётся с бранью и ссорами, уже в семье своей внучки, которая к тому времени подросла и вышла замуж. Муж оказался человеком ленивым. После работы заваливался на диван, и ничего больше его не интересовало.

Сын Натальи Ивановны, напротив, никогда не сидел без дел. Мастеровой был человек. Да и дочь его тоже мастерица: и шила, и вязала, и вышивала. Окончила она балетную школу, была ладной и хрупкой, голубоглазой, красивой, словно полевой цветок.

Такой ли муж нужен был ей? Сам только что высок, а глаза узенькие, злые, губы словно озябшие. Поневоле задумаешься о судьбе-злодейке. Опять же подумаешь: а если бы хорошие только за хороших выходили, а плохие за плохих, стал бы мир от этого совершенней? А вот то, что любовь нас изменяет, это точно.

После переезда бабы Натальи словно лёд тронулся. За ней переехали Григорьевна, тетя Нюра. Мы были последними. Следом за нами уходил старый двор, уходило детство. Наступила юность, которая тем и прекрасна, что не знает границ и всё ей подвластно, всё она мо-

жет, и кажется, что так будет вечно. Да, юность надолго вытеснила иные события, считая себя главным.

И только когда умерла мать, как раз в тот день, когда она собиралась навестить бабу Наталью, я снова задумалась о них. Долго, наверное, ждала Наталья Ивановна мать, да так и не дождалась. Сообщить же ей об этом было некому, кроме матери адреса её никто не знал. Могла бы Григорьевна, которая проводывала мать, да и она больше не появилась, значит, ушла следом. Жива ли сама Наталья Ивановна, я так и не знаю. Только однажды мне показалось, что я её видела. Промелькнула она, словно старая седая птица, в широкой распахнутой крылатке, накрывавшей тёмную крестьянскую юбку. Шла она, опираясь на посох, согбенная почти до самой земли, к старому двору, на месте которого высился большой многоэтажный дом. Не выдержало, видно, старое сердце, ведь тогда она же не выходила далеко, нашла ведь силы хоть глазком взглянуть на старое подворье, от которого нынче остались лишь пни да трава. И с тех пор я о них уже ничего не слышала. Осталась у меня только фотка. Когда беру её в руки и вижу их вместе, во мне снова оживает старый двор и их дорогие черты. Но сейчас я понимаю и знаю их лучше.

Вот Павловна смотрит на меня из глубины времени с натруженными до боли руками и колючим выражением лица, и в то же время с милосердной улыбкой, которую я разглядела только сейчас, и затаённой печалью где-то в глубине глаз. Рядом с ней Григорьевна сидит, по-крестьянски сложив руки, всегда добрая и покладистая, верующая, но своей веры она никому не навязывала. Справа от неё тётка Мария, грузная пожилая женщина, которую она приютила на старости лет, дочь Григорьевны её тоже называла мамой. В этой семье тётка Мария всем стала родной. А вот и Наталья Ивановна: у неё острый и прямой взгляд и застенчивое выражение лица. Она часто присматривала за нами. Бывало, и накормит, и напоит, и спать уложит за поздним

часом. Тёти Ньюры на снимке нет. В тот день она работала. Была строга и требовательна к нам, но всегда желала добра. Иногда ходила вместо матери на родительские собрания, может, думала, что я буду учиться и вести себя лучше.

А вот Ефросинья Анисимовна, вечная труженица. На вид молчаливая, простая и сердечная женщина. Ещё в детстве сверстники окрестили её «верным копьём». Такой она и была всю жизнь. Да и все женщины нашего двора после войны так и не вышли больше замуж, остались верны мужьям, сложившим головы на поле битвы. Было ли им трудно? Об этом они никогда не говорили. Была в них какая-то сила, как в старых могучих деревьях, корни которых ушли в землю. Я часто думала: откуда она в них? Однажды приглядевшись к их лицам, заметила в их глазах свет души. В добре они находили силу и из добра её творили. В этом и заключалась их мудрость. Ведь добро – сама жизнь, созидание, а зло – разрушение, небытие. И правда жизни – в добре. Только вот не понимаю, почему нынче доброта перестала определять человека. «Сильный, умный, волевой, интеллектуальный», ещё какой-то, а вот «добрый, отзывчивый, честный, прямой» – таких характеристик уже не слышу. Как будто знание, сила сами по себе творят мир. А творит его всё тот же добрый человек, и тот, кто даёт жизнь ребёнку, и те, кто отдаёт ему себя. Ребёнок, вырастая, думает о них, благодаря которым стал и умным, и сильным. Или тоже считает, что доброта – удел слабых или людей вчерашних. Сегодня другое время. А какое наступит завтра? Неужели не будут нужны ни совесть, ни честь и мир будет строиться на других основах – не нравственных?

И всё же, когда я вижу женщину тех лет, не могу не обернуться вослед, её не заметить нельзя: несуетливость в движениях, мягкость в лице – и на сердце становится хорошо, и спокойно, и просто.

И мир воцаряется в душе...

«Я соткала себя из любви...»

Алла ЕРМАК

ПРИЗРАК СЧАСТЬЯ

Я надолго запомню тот вечер,
Нежность рук и камина тепло,
Звон хрустальный нечаянной встречи –
Дорогое в бокалах вино...

Отогрелась душа на прощанье –
Лёд холодный растаял в глазах.
Ни к чему нам с тобой обещанья,
Если музыка слов вся в слезах...

Нарядилась в то самое платье
И цветами украсила дом,
Но в глазах твоих вижу ненастье –
Будь что будет! Об этом потом...

За глоток долгожданного счастья,
За красивый и страстный обман
И за ласковый взгляд, за участие
Помнить буду наш тайный роман.

Отпускаю тебя, не жалея:
Не герой ты – забуду тебя.
По засыпанной снегом аллее
Бродит призрак и ищет меня...

К РОДНОМУ ПОРОГУ

Из сердца дорога – к родному порогу
Сквозь холод, ненастье бежит за тобой.
И плакала мама, скрывая тревогу,
А жёлтый подсолнух качал головой.

Но ветер-проказник, забыв все невзгоды,
Ласкал твои плечи, манил снова в путь.
Колючей стернёю ты шёл в непогоду –
В кровь ноги сбивая, постиг жизни суть:

Коль вьюжит дорогу метель понемногу,
Её ты в путь дальний с собой не бери:
Закружит, застудит, постелет тревогу –
В холодные сны заберёт до зари.

А если расстелет тебе покрывало
Из белого облака сладостных грёз,
Ты кисти бери – и по белому алым
Рисуй своё счастье без горя и слёз.

Как солнце – подсолнух. И алые маки,
Ромашки в саду, у крыльца – василёк.
На радужных крыльях заветные знаки
Родимой земле отнесёт мотылёк.

Из сердца дорога – к родному порогу
Сквозь горе и счастье бежит за тобой.
И «только идущий осилит дорогу»,
Познав жизни суть, он вернётся домой...

МЕЖДУ СТРОК

Плачут капли дождя за окном,
На столе догорает свеча,
И грущу я одна о былом,
Твоё имя, как тайну, шепта.

Я пылала в пожаре любви,
За тобой без оглядки пошла.
Ты душой предо мной не криви,
Что любовь наша мимо прошла.

Стынет кофе в ночной тишине,
И вздыхает подружка-луна.
Сколько лет всё идёшь ты ко мне?
Сколько зим без тебя я одна?

Лист осенний дрожит на стекле,
И тетрадный исписан листок.
Ты один у меня на земле –
Поцелуйи мои между строк...

Догорает, вздыхая, свеча,
Провожая в морях корабли.
Мне б коснуться родного плеча,
Чтобы песни слагать о любви...

ОТМОЛИЛА

У судьбы я тебя отмолила,
Просыпаясь в горячем бреду.
Все обиды вдруг разом забыла –
Шла навстречу по хрупкому льду.

Как опасна была та дорожка:
Поджидали коварство и ложь.
Нагадала весною ворожка:
С нелюбимым всю жизнь проживёшь.

Взаперти свою душу держала,
Остудила и кровь на беду.
Только лодка ждала у причала –
К ней с надеждой последней иду.

Закружило речное течение,
И запела душа, не таясь,

А река продолжала круженье,
Увлекая вперёд и смеясь.

Отмолила навек твою душу
И теперь никому не отдам.
Предсказанье цыганки нарушу
И любви сладкий плен не предам...

МУЗЕ

Мосты свои я за собой сжигаю –
Пускай они мне освещают путь.
Предавших не кляню, не обвиняю,
Но им меня обратно не вернуть.

Забуду боль и горькие обиды –
Зачем нести такой тяжёлый груз?
Кровавые я отменю корриды,
Собрав на праздник всех крылатых муз.

Их помыслы добры, чисты и святы,
Как первый снег, воздушны и легки.
Любовью юной души их объяты,
Как вод прозрачных бьющие ключи.

Я вас молю: не разорвите, музы,
Поэзией подаренную нить.
С душой-скиталицей свяжите узы,
В ладу чтобы с Эвтерпой вечно жить!

РЕКА ВРЕМЕНИ

Ты не спеши, о времени река!
Свой бег замедли на стремнине.
Ещё судьбой протянута рука –
Ей я не дам пропасть в пучине.

Держи меня, как прежде, на плаву
Моих надежд, моих желаний.
Хочу открыть я новую главу
Манящих жизни очертаний.

Дай время, жизнь, дойти не торопясь
К своей мечте. И у предела
Связать волшебной твоей нитью вязь
Прожитых лет, чтоб сердце пело,

Чтоб серебрились искорки в реке,
Мохнатый шмель к цветку прижался
И след мой лёгкий на речном песке
Хоть в чьей-то памяти остался.

Ты не спеши, о времени река...

ПРОСТИ, МОЙ ДОМ...

Там поутру такая благодать:
Сверкают росы, словно бриллианты,
И соловьи, изысканная знать,
Подругам дарят певчие таланты.

Напоен воздух ароматом роз,
Жасмин пьянящий запах источает.
А ты к калитке старенькой прирос:
Там, у крыльца, никто не приласкает...

Качнётся куст калины у ворот –
И горькой правдой сердце отзовется.
Вдруг чей-то тихий шёпот позовет:
– Живой воды испей ты из колодца...

И расцветёт вдруг вишня под окном,
Невестой юной по двору пройдёт.
Малины запах опьянит вином,
И звякнет колокольчик на воротах.

– Прости, мой дом. Разлука тяжела.
Вернусь к тебе, быть может, на рассвете...
Здесь душу я забытую нашла –
Верни мне годы, лучшие на свете.

Я УЖЕ НЕ СПЕШУ...

Добежать я к тебе не могу –
Не помогут ни ветер, ни боги.
Оглянись: я кричу на бегу,
А ты молча стоишь у дороги...

Год за годом бегут – не вернуть,
Зори в небе давно отгорели.
Глух и нем предначертанный путь
Там, где прежде соловушки пели.

Промелькнула годов череда –
Жизнь добавила красок метели,
Но я снова бегу в никуда,
Где взлетали под небо качели,

Где янтарные слёзы сосны
Душу ранили мне почему-то,
А младенчески светлые сны
Оставались бесценной минутой.

Не спешу я уже никуда
И с тобой говорю осторожно.
Коль погасла на небе звезда,
Вновь зажечь её разве возможно?

ЖИЗНЬ ОДНА

А жизнь одна – другой не будет:
Цените каждый её миг!
Пусть с вами доброта пребудет,
А в сердце – чистоты родник.

Встречайте новый день с улыбкой,
Ладочки к солнцу протянув.
Простите глупую ошибку,
К душе измученной прильнув.

И подарите трепет сердца,
Чтоб лучик яркий засиял.
Пусть доброта откроет дверцу
Взойти на жизни пьедестал!

И жизнь оценит вас по праву
Наградой лучшей из наград:
Не роскошь золота, не слава,
А друга благодарный взгляд.

Цените жизнь, беречь умеете
Мгновенье счастья бытия
И свет души менять не смейте
На жалкие лохмотья жития.

АФРОДИТА

Красотой неземной покоряя,
Ты из пены морской в мир пришла.
Посейдон, свой обряд завершая,
Восхищенья не скрыл: «Хороша!»

Два дельфина тебя провожали
И крылатое племя стрекоз,
А русалки кораллы вплетали
В золотые потоки волос.

И, сияя красотой совершенства,
Ты нагая ступила на брег.
Ветерок дуть устал от блаженства –
Не забыть то мгновенье вовек.

Златотканое платье струится,
Диадема венчает главу.
А из леса слетаются птицы,
О богине разносят молву.

Гименей и Эрот с восхищеньем
На священный Олимп повели.
Красотой лучезарной с волненьем
Любовались все боги Земли.

Не нужны ей кровавые битвы –
Не нужны боль и слёзы в глазах.
Афродита слагает молитвы,
Чтоб любовь жила вечно в сердцах.

ПЕЛ САКСОФОН

Глухо вздыхало море,
лениво нагоняя волны на берег...
Последние звуки уходящего дня,
Тягучие, ленивые, сонные...
И серебряный плач саксофона –
блюз-прощание...

Их было двое: он и море.
Плыл звук волшебный в тишине.
Исчезло всё: и смех, и горе –
Качалась чайка на волне.

Мелодия сплелась с волнами,
Душа плыла за нею вслед,
И словно пронеслось цунами,
Когда она сказала: «Нет...»

Рванулось сердце, с горем споря,
Упали руки с её плеч...
Комочки пены – слёзы моря –
Ласкали горечь тайных встреч.

Любовь святую величая,
Пел саксофон на берегу,
А море без конца и края
Вплетало музыку в строку.

КОЛОКОЛЬНЫЕ ЗВОНЫ РОССИИ

ПОСВЯЩЕНИЕ КОЛОКОЛАМ

Как прекрасен колокольный звон!

Замечательный русский учёный Ф. Я. Шипунов, один из руководителей института биосферы Академии наук СССР, говорил: «В пределах биосферы существует созданная Творцом звукофера, которую с недавних пор человек преобразовал в шумосферу, хаос.

Звук целителен для всякой живой клетки, а шум её разрушает, поэтому в шумосфере человеку не выжить. Чтобы усилить звукоферу, и был создан колокольный звон. Там, где он

есть, ощущается симфония природы. И жизнь там поддерживается на максимальном уровне».

Меня заинтересовало это высказывание. И я стала изучать информацию о том, как делают колокола, какое влияние оказывает колокольный звон на организм человека, исторические события, связанные с колоколами. Это была очень интересная, познавательная работа. И знания о колоколах, которые я получила, помогли мне написать посвящение колоколам, которое называется «Колокольные звоны России».

Елена ГОРШКОВА

1

О Русь Великая, святая,
Златоглавая!
Века звучат твои
Колокола.
В годину страшную, где болью
Сердце плакало,
Священным звоном
Сберегли тебя.
Звучаньем благостным
Спасли страну от хаоса,
Пространство звуком
Дивным напоив.
Ты сбереги колокола,
Россия-матушка,
Для всех людей,
Живущих на земле.
Колокола нам Богом
Были дадены
Для разговора
С Матерью Святой,
Чтобы и в горе,
И в великой радости
Соединяться вместе
С Божьею душой.

Колокола!
Их принесли на землю ангелы,
Чтобы звучали
Годы и века,
Чтоб разговаривали люди
С Божьей Матерью
И сообщали
О своих делах.

2

Вот свадьба разудалая,
Весёлая.
И колокольцы заливаются,
Звенят,
Благословляя жизнь
Молодожёнов,
И счастья ритмы льются
В небеса.

Динь-динь-дон,
Динь-динь-дон,
Динь-динь-дон!
Сердец влюблённых
Слышен перезвон.

И Матерь Божья
Их благословляет,
Улавливая ритмы
Этих звонов.

И вся природа,
Радостью наполненная,
Приветствует
Рождение семьи.
И колокольцы под дугою
Тройки свадебной
Звенят,
Как озорные соловьи.

3

А если враг нагрянет
Тучей чёрною,
То всей Руси
Об этом известит
Призывный бой набата
Колокольного:
– Вставайте, воины,
Защитники земли!

И зазвучат молитвы
Повсеместно:
– Святая Мать,
Спаси и сохрани!
И враг сбежит
От силы молодецкой,
И зазвенят колокола:
– Мы победили!

Молитвы русского царя
Иоанна Грозного
Звучали благостно
В рассветной тишине.
Потом он сам в колокола
Звонил к заутрене,
Чтоб Бог услышал
Это царское моление.

А полководец русский
Александр Суворов

В своём селе Кончанском
Удивлял
Всех прихожан и духовенство
Перезвоном,
Когда на звоннице
Он бил в колокола.

Колокола –
Прекрасные помощники.
Но люди предавали
Много раз,
Они переплавляли
В пушки их,
Они в монеты
Их переплавляли.

Они их били
Батогами принародно
И с колоколен
Сбрасывали вниз,
Не пощадили
Тела колокольного,
Подарок, Богом даденный,
Унизив!

Благовест, перезвон и трезвон –
Динь-динь-дон,
Динь-динь-дон,
Динь-динь-дон! –
Убирают болезни, страданья,
Это Бога святое дыхание.

Эта наша защита от бед,
Божьей Матери благостный свет,
Что питает красавицу Русь
И хранит на века во Вселенной.

Колокольные звоны России
Ублажают Божественный слух.
Сберегите их, люди земные,
Для себя, для детей и для внуков!

...В сердце каждого из нас звонит
Колокол Божественной Любви...

Натали ДОНЧ

* * *

Время не бывает подходящим,
Или слишком рано, или поздно,
И «сегодня» станет уходящим,
И проснётся «завтра» грациозно.
И для самых близких и любимых
Не хватает одного денёчка,
В суете всё пролетает мимо,
А потом лишь память, слёзы, строчка...

* * *

Всё чаще хочется услышать,
Как папа на трубе играет,
И день усталость забывает,
И сердце трепетнее дышит.
Растрёпанные хризантемы
И астры-звёзды расцветают,
И нежность душу наполняет,
И мимо пролетает время...

* * *

Вырастают дети, вырастают,
Уезжают в дальние края,
Забывают дом свой, забывают,
И тоскует преданный маяк.
Мы бежим, бежим, бежим за ними,
Всё пытаюсь как-то их догнать,
Все мечты становятся живыми,
Если верить в них и воплощать.
Но не надо грусти и печали,
Это ход естественный времён,
Нам уже не встретиться в начале,
Главное, чтоб встретились потом...

* * *

Динь-дон, динь-дон,
Слышен колокольный звон,
Перезвоны на земле
И при солнце и луне,
Там, где выпал перезвон,
Колокольчик свой поклон
Дарит людям в первый раз,
Взгляд его лиловых глаз
Отмечает ход времён,
Серебрится его звон.

Динь-дон, динь-дон,
Всюду колокольный звон,
Колокольчик-небосвод
Слово Божие несёт...

* * *

Если бы даже в маленьком
Люди могли быть большими
В мире огромном аленьком,
Души бы стали родными.
И с ощущением праздника
Жили бы люди на свете,
И уважали бы странника
В каждом отдельном сюжете...

* * *

Затеряться хочется порой
Между стихотворных строк Благининой,
Все стихи как будто путь домой,
Столько света в добром её имени.
Здесь живут давненько чудеса
На дорогах детства и фантазии,
Вновь звучат родные голоса,
Вновь гуляем под ветвистым ясенем...

* * *

Маленький мальчик жил с дедушкой
стареньким
И в Новый год свои тёплые валенки
Ставил под ёлочку, рядом с кроваткою,
И, наблюдая с постельки украдкою,
Он засыпал сладким сном детства трудного,
Деда Мороза большого и мудрого
Не заставлял он, но утром под ёлочкой
В валенке вместе с зелёной иголкой
Старый носочек с полосками белыми
Он находил и ручонками смелыми
Нежно и бережно брал свой подарочек –
Сказочный вкусный завернутый пряничек,
Чудом, любовью волшебного дедушки
Пахнувший праздником, радостью, хлебушком,
Сколько же счастья в глазах появляется,
Каждую зиму то чудо случается,
Время торопится и не стесняется,
Сказка живёт и пускай не кончается...

Никас Сафронов. Роза, освещённая светом. Х., м. 60 x 40. 2019

Никас Сафронов. Представление о рае X., м. 50 x 39. 2012

Рядчик

Екатерина ЧЕКАНОВСКАЯ

Веселится, хохочет Метелица, ищет на улицах февральской Москвы своих непослушных деток – Порошу и Вьюжку. Разбежались непоседы, прячутся в закоулках, тесных двориках, перебегают бульвары и улочки. То здесь, то там мелькают серебристыми одеждами в свете фонарей и витрин, оставляя следы свои в виде крошечных хрустальных льдинок на лицах и одежде прохожих.

По Дмитровке, Неглинной, по Рождественскому и Тверскому бульварам, по Садовой-Ку-

дринской и Тверской-Ямской летят снежинки, сверкают огни машин. Гудит город, живёт – красота!

И люди бегут, спешат по своим делам, прячут мокрые от снега лица под капюшонами, капорами и шапками. И я иду в этой толпе и тоже прячу глаза от колких снежинок. Вот и Оружейный переулок, и гостиница «Пекин» видна издали. А какая панорама открывается! Слева серые стены с гигантскими афишами, это Московская филармония. Между прочим, там в кафе и летом и зимой можно найти самый вкусный десерт с земляникой. Следом театры Сатиры, Моссовета и их вечерний репертуар на выбор театралов. А ещё дальше по ходу можно увидеть загадочный «Булгаковский дом» номер 10, он же дом Пигита, он же 302-бис. Ах, этот московский модерн!

С правой же стороны Большой Садовой высится вышеупомянутая гостиница «Пекин» и череда парадных «сталинок». Верхние этажи зданий практически не видны. Да, если бы не вечерний снегопад, то можно и всю Большую Садовую разглядеть. Окинув взглядом Триумфальную площадь, замечаю, что гуляющих прибавилось. Все гигантские качели-лавки, расположенные прямо перед филармонией, заняты. Чудное место это загадочным образом заставляет прохожих забыть свои спеш-

ные дела, замедлить бег и как бы невзначай встать в очередь в ожидании освободившихся качелей. И вот уже ни Саввы Константиновичи, ни Татьяны Витальевны, не Елены Львовны, а маленькие Саввушки, Нюсики и Алёнушки с беззаботной улыбкой и покрасневшими щеками набирают высоту и ловят снежинки ртом. А не сыграть ли и мне с Метелицей в прятки? Со всем этим шумом, вывесками, прохожими, машинами, маленькими кофейнями, афишами и фонарными столбами? Да и место есть подходящее, тайное, скрытое от посторонних глаз. Спешно сворачиваю на внутреннюю часть Садового кольца. Прохожу чуть вперёд, резко налево – и попадаю в сад «Аквариум», расположенный аккуратно возле театра Моссовета. И вот уже смотрю сквозь решётку ограды на Большую Садовую. Как же так, только что я была в этой бурлящей толпе, её частью, следовала её ритмам, законам. Но одно мгновение – и уже обитатель аквариума в самом центре города. И чем я сейчас не рыбка Поньо?

Я направилась в глубь сада. На территории, кроме вечернего сторожа, никого не было. Да и сам он находился в противоположной стороне от меня. Шум города остался в стороне и доносился до меня только отдельными нотами.

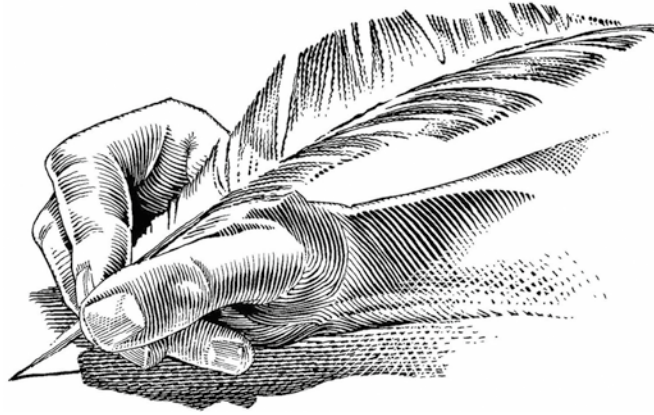
Пройдя ещё вперёд, я увидела знакомую фигуру. В свете вечернего жёлтого фонаря стоял Сатир. Из-за увесистого слоя снега, облепившего его со всех сторон, он стал похож на Деда Мороза. Только острое лицо его с конусообразной резкой бородкой было всё такое же лукавое и хитрое. «Привет-привет, мой древнегреческий друг! Прости, не навещала тебя с самого конца мая». Я совсем не удивилась и не испугалась бы в эту минуту, если бы вдруг он мне ответил. Как-то всё располагало вокруг. И более того скажу вам, давно ждала, когда же он со мной заговорит! Но он лишь хитро смотрел своими глазками-буравчиками. Буквально в 20 метрах от нас, за большим кованым забором парка, бурлила жизнь. Люди шли мимо в одиночестве, парами и компаниями. Смеялись, шутили, громко разговаривали. Но никто не сворачивал к нам и не нарушал наш безмолвный разговор. Я ковыряла носком

ботинка снежный наст рядом с Сатиром. «Пойду, пожалуй, – сказала я моему загадочному собеседнику. – Ещё пройду, заверну в любимое кафе, выпью крепкий кофе, обязательно возьму с собой вкусных пирожных. Дома меня наверняка уже заждался мой маленький сын. Он будет проверять сумку и карманы своими детскими ручками с ямочками. Что же мама принесла ему? Всё, пока-пока, мой друг, не скучай. Обещаю навещать тебя почаще». Наклонившись вниз, чтобы зачерпнуть в руку снег, я увидела, как что-то заблестело рядом с моим ботинком.

Прямо возле меня пробивался из-под снега маленький, тонкий, с розовым стебельком, изящный цветок. Живой цветок в это время года, не может быть! «Как ты не замёрз, малыш? Как тебя зовут?» – «Рябчик», – пискнул в ответ цветок, или мне это показалось. Я протянула к нему руку, чтобы стряхнуть снег с хрупкого стебелька. В тот же миг снежинка больно резанула по глазу, заставив резко зажмуриться. Это точно проделки Метелицы. Всё-таки нашла она меня в этом тайном месте. И когда я снова открыла глаза, то увидела перед собой вовсе не живой цветок, а серебряное изящное украшение, выполненное в стиле ар-нуво. Брошь в виде цветка того самого Рябчика-первоцвета. Да это ведь подарок от Сатира! «Это для меня? Всё правильно, давно пора было подарить цветы, – сказала я ему. – Ты хоть и сказочный герой, но всё же мужчина. Merci, charmante, au revoir, топ ап! Лови воздушный поцелуй! А я мигом за пирожными и быстро домой, чтобы принести в подарок сыну ещё не остывшую, свежеиспечённую сказку».

Полночь на часах. Мой милый ребёнок уже давно спит и видит во сне отголоски сегодняшнего дня. Обрывки фраз, разговоры, эскизы и зарисовки – сон выстраивается чудесным калейдоскопом собранных эмоций и впечатлений. Там и живой цветок Рябчик, и утренний поцелуй, и боль от ушибленной коленки. Всё перемешалось в этом мире Морфея.

А старый парк уже как час закрыт. Прохожих почти нет. Только Сатир, мой давний друг Сатир, всё не спит, не спит, всё ждёт чего-то...

ЗАЩИТА КОНИНА

Виктория БЕЛЯЕВА

– Ваше благородие, не сочтите за наглость. Мы по делу. Жизни и смерти вопрос. Половой здешний, Петька плешивый, божился, что вы юрист-спрудент. В том смысле, что аблакат и душевной глубины человек. Удружить нам сможете.

– Ага. Просим покорнейше вашей помощи в судебном вопросе.

Двое мужиков, по виду из вольнонаёмных, обратились к сидящему за трактирным столом человеку в синем костюме свободного края. Человек глядел в свежий выпуск «Московского листка», внимательно изучая страницу с городскими происшествиями. От внезапного вопроса он перевёл взгляд с газеты на обратившихся. Еле уловимо поднял брови. Подумал: «И эти гэкают».

На вид гэкающим было немногим больше тридцати. Один казался чуть старше и выше. Но внешне удивительно походил на второго.

Человек, сидящий за столом, опустил газету, мягко закинул ногу на ногу. Близоруко сощурился, стал внимательно изучать незнакомцев.

Пока те переглядывались, он отметил их крепкие руки, покрытые мозолями и цыпками, простые, точно выцветшие лица с въевшимся загаром. Светло-русые, курносые, коренастые, в коротких, подбитых ватой зипунах серо-коричневого сукна. Один мял в руках меховую шапку, у второго на голове примостился пыльный

картуз с треснутым козырьком. Штаны каждого были заправлены в высокие нечищенные сапоги. От обоих пахло кислой капустой, горьким луком и пшеничным пивом.

Человек, к которому обратились двое, отложил газету. Кивнул то ли себе, то ли подошедшим. На вид ему было около пятидесяти. Круглое, оплывшее лицо ещё не утратило остатков былой привлекательности. Цепкие миндалевидные глаза орехового цвета глядели с высокомерным интересом. Тонкая линия щеголеватых седеющих усов надломилась в усмешке:

– Значит, вас ко мне половой прислал? Ну и чёртов старик. Чем разжалобили его, признавайтесь? Собственно, я действительно адвокат – Лев Валерианович Конин. А вы, простите...

Адвокат Конин не успел закончить. Обратившиеся, перебивая друг друга, принялись рассказывать о деле. Лев Валерианович пытался вникнуть в суть, но шум трактира и сбивчивая, неровная речь мужчин соединились в единый, назойливый и жужжащий звук.

Наконец адвокат Конин хлопнул пухлой и квадратной ладонью по деревянному столу:

– Господа, извольте прерваться. В эдаком балагане разве разобрать чего? Присядьте, покажите, ежели на то пошло, по рюмочке мне и себе, представьтесь и поведайте, в чём суть вашего вопроса.

Мужики замолкли. Глянули друг на друга, а затем и на адвоката Конины, который равно-

душно приглаживал седые маслянистые локонь. Со скрипом выдвинули стулья, рухнули. Тот, что был постарше, грудным голосом дал указания тощему буфетчику принести три сотки «монопольки» и какой-нибудь закуски, вроде недавно съеденной. Буфетчик огрызнулся. Попросил уплатить за прошлый заказ и забрать, ежели надобно, новый, но с авансом.

Лев Валерианович миролюбиво вставил:

– Степан, полно, ну к чему эти демагогии, уважьте служителя Фемиды скоростью и тактом.

Буфетчик искоса оценил обстановку, кинул на руку полотенце, движением фокусника погрузил на круглый поднос казённую водку и соленья. Смахнул со стола невидимый сор, разместил заказ, дождался расчёта и сразу же после этого исчез.

Адвокат Конин порозовел, взял в руку рюмку, глянул сквозь содержимое на блёклый свет, сглотнул, опомнился и пригласил и гостей последовать его примеру:

– За решение вашего вопроса.

С наслаждением проглотил прохладную водку, захрустел капустой и облепленным укропом пупырчатым огурцом.

– Так в чём, собственно, загвоздка, милейшие?

Мужики тоже выпили, но закусывать не стали.

Тот, что был постарше откашлялся:

– Ваше благородие, фамилия наша Журавлёвы. Братья мы. Я – Михаил, а энтó – Василий. Из воронежских мы. Не местные. Здесь оказались на заработках. Делали кровлю купцу Копеечкину. Может, знаете, он лавку и дом на Новой Басманной держит?

Адвокат Конин откинулся на спинку стула, блаженно потянулся, как будто не слушая рассказа. Сделал жест рукой буфетчику повторить ему рюмочку. Лениво ответил:

– Копеечкин – личность известная во всех отношениях. У вас с ним что за счёты возникли?

Тут в разговор вступил молчавший до того Василий. Громко и басисто зачеканил:

– Обул нас этот гад. Подчистую. За работу не уплатил, маракуша! Мы уже всю кровлю

приладили, а он нас в шею, облудь. Ни шиша не дал. Сговорился. Смоленских на нас натравил, а те подтвердили прилюдно, мол, не мы, а они всю работу отчеканили. Пустобрёхи фуфлыжные! Гришку, брата нашего меньшого, так уделали, что он побитый в заезжем доме еле живой мается. Засудить гада хотим. Сдюжьте, ваше благородие. Пусть по закону ответит.

Лев Валерианович слушал, кивал головой, отслеживая приближавшегося буфетчика. Перехватил рюмку. Молниеносно опрокинул новую порцию «монопольки», вдохнул солоновато-сладкий аромат мочёного яблока, откусил. Прожевал. Ответил:

– Дело ваше ясное. С Копеечкиным такая канитель случается на регулярной основе. Не человек, а дрянь. Вот что, голубчики, надо вам судебное прошение составлять. Вы грамоте обучены? Я вам в общих словах суть укажу, а вы уж писать – сами.

Братья Журавлёвы синхронно втянули спёртый воздух трактира, ссутулились. Василий угрюмо ответил:

– Не пишем.

Михаил потерянно спросил:

– Ваше благородие, может, удружите? Да мы уплатим. Главное, чин по чину бумагу для судьи, чтоб Копеечкин рассчитался по полной. Мы за брата нашего, понимаете?

Адвокат Конин обтёр тыльной стороной ладони крупный рот. Медленно перевёл взгляд с одного брата на другого. Задумался. Простодушные лица вызвали симпатию и жалость.

Василий снова подозвал буфетного, тот опустил на стол графинчик, дождался расчёта.

Лев Валерианович скрестил на груди руки:

– Как быть-то с вами, господа хорошие? Завтра в конторе меня не будет. До конца недели в разъездах. Ну, вы чего носы повесили? Вот у меня дело одно уже к развязке движется. Так оно почище вашего. Имени не скажу, высококой персоне помогаю. Человек хороший, а случилось же такое. Жена с любовником чуть не лишила капитала. Аферку одну подстроить затеяли с карточными долгами и прочим. А там и фабрика, и завод свечной, и мануфактуры – такое состояние. Но, слава Богу, успели.

Вывернули как надо. Спасли моему доверителю и честь, и капитал.

Братья Журавлёвы присвистнули. Василий кивнул:

– Бабы есть бабы. Наши тоже, поди, заждались. Домой охота. Ну помогите и нам. Да хоть здесь. Бумагу найдём. Вам по нашему вопросу написать – как чихнуть, ей-богу.

Адвокат Конин кинул взгляд на графинчик, достал из кармана часы на цепочке, глянул. Махнул рукой, ударил ладонями по коленям и весело ответил:

– Будь по-вашему. Раз так случилось нам встретиться. Бумага и карандаш и у меня в наличии. Имею привычку при себе держать. Составим прошение, строго исходя из закона. Копеечкин ваш раскошелится как пить дать. Давно пора наказать шельмеца.

Михаил, нервно постукивая пальцами по столу, поинтересовался:

– Дорого ли возьмёте?

Лев Валерианович засмеялся:

– А «канарейку» за смелость.

Михаил насупился:

– Целый рубль? Половой говорил, что за двугривенный сладимся.

Адвокат Конин развёл руками:

– Ну уж извольте. Тогда пусть половой и документ оформляет. Я не настаиваю.

Василий махнул шапкой, достал из внутреннего кармана жёлтый, точно певчая птица, рубль, расправил. Положил на стол:

– Пишите прошение. Такое, чтобы сразу пронять судью.

Лев Валерианович одним движением взял со стола рюмочку и рубль, выпил, достал лист и карандаш. Долго и медленно писал, останавливался, уточнял у братьев подробности спорных событий.

Те успели выпить ещё по одной рюмке и кружке пива, чуть не подрались, припоминая разговор с Копеечкиным. Уяснили, что говорить судье, расписались в конце прошения то ли крестиком, то ли буквой «Ж». Бережно свернули полученную от адвоката бумажку, снова чуть не подрались, споря, кому схоронить документ на подкладке.

Ушли.

Лев Валерианович придвинул к себе тарелку с остатками квашеной капусты, брезгливо ковырнул в ней ложкой, зачерпнул полную, набил рот, захрустел, закрыв глаза.

В это момент сзади над его ухом неслышно склонился лысый и бородатый коротышка, крикнул в ухо:

– Лёнька, аферист, долю гони. Где мой двугривенный? Видел же, как на рубль облапошил кровельщиков. И за пиво вчерашнее буфетному не забудь.

Адвокат Конин вздрогнул:

– Тише, Петька. День не кончен, а ты народ пугаешь. Обращайся, как уговорено.

– Ты мне зубы не заговаривай. На сегодня с заовинниками – всё. Вечером приходи в «Медведь» на Конюшенном, там игра намечается. Юристу, значит, понадобится может.

«Адвокат Конин», он же Лёнька-аферист, зарделся, пригладил волосы:

– В «Медведе», стало быть, и Анна Васильевна будет?

– А вот и шиш тебе, Лёнька. Укатила она с охвицером заезжим то ли в Пятигорск, то ли в Петербург. Цветочница лягнула, мол, с концами. Или пока деньги охвицерские не измотают. А ты бы, балда, забыл о волочайке этой. Сколько и в рублях, и в серебре истратил на лярву. Домой, к семье, возвращайся, писака.

Лёнька вытащил из кармана двугривенный, отдал его половому, устав слушать назидания. Подошёл к буфетному, попросил две чарки «монопольки»:

– На посошок.

Буфетный выставил обе:

– Четушка плюсом к долгу.

Лёнька кивнул, хлопнул одну за другой чарки, не поморщился. Молча положил на прилавок полученный от кровельщиков рубль. Тот принялся отсчитывать сдачу, но Лёнька не стал ждать, махнул рукой, пошатываясь вышел из трактира в сумерки и отчаянно весело запел:

По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах,

Бродяга, судьбу проклиная,

Тащится с сумой на плечах...

На пороге весны

Елена ОСМИНКИНА

Член Союза писателей России с 2012 года. Заслуженный деятель искусств Республики Крым. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. Гумилёва (Москва) и литературной Пушкинской премии (Крым). Автор десяти книг и многочисленных публикаций в известных российских изданиях. Книга «Мы с тобой в Крыму живём!» и литературно-художественный альбом «Крым в красках и стихах» как социально значимые изданы за бюджетные средства республики. Постоянный член жюри ежегодных республиканских конкурсов: «Крымская весна», «Прошу слова», «Крымский первоцвет». Член редколлегии альманаха «Литературная Феодосия». Проживает в Симферополе.

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Зимы ускользящий след
В сугробе оплывшем темнел,
Белёсой сосулькой густел.
И таял в туманах рассвет.

В проплешины рвался к земле
Весною запахнувший день
И гнал сиротливую тень
Пока на озябшем крыле.

Туман, продолжая набег,
Вновь облаком сизым завис,
Окутал дубы, барбарис,
Лощины, где прятался снег.

Застыл в ожидании лес,
И птичий умолкнул хорал:
Рубиново день догорал
Прологом весенних чудес.

* * *

Раздула щёки жёлтые луна.
И звёзды многоглазо стерегут,
Чтоб молодая, робкая весна
Ветров не испугалась, что метут
По переулкам тёмным и дворам,
Где ноздреватый снег ещё лежит.
А значит, верю: в окна мне с утра
Она капелью бодро постучит.
Рванётся сердце к солнечным лучам
И к пестроте, устав от белизны,
И по своим сиреневым мечтам
Я побегу, хмелея от весны.

* * *

Весна прошла всё вокруг
Зелёной нежной строчкой.
От солнечных улыбок вдруг
Зашевелились почки
И, расстегнувшись как одна,
В салатовом сатине
Пощеголяли дотемна.
А в небе тёмно-синем
Уже круглится глаз луны.
Отодвигая холод,
Ворвался в комнаты и сны
Весной пропахший город.

ОЖИДАНИЕ

Жду, что он домой вернётся
По следам моих молитв.
И земля слегка качнётся,
Краски тысячи палитр

Заиграют в день весенний
Ярким заревом цветов.
И далёкой станут тенью
Все химеры прошлых снов.

За спиной твоей – Победа,
На плечах – отваги сталь.
И по огненному следу
Вспыхнет розовый миндаль.

Гарь войны истает в силе
Мирной жизни, новых дел,
Лишь бы ты, далёкий, милый,
Возвратиться бы успел.

РУСЬ

Тягучая напевность
В глубоком слове «Русь»,
И родовая древность,
И созерцаний грусть.

И вера в Божью милость
С живительным огнём
Как будто затаилась
Великой силой в нём.

Во времена смятений
Как оберегом пусть
В молитвах о спасенье
Нас крестит слово «Русь».

РУССКАЯ РЯБИНА

Чувства светлые нахлынут,
Сердце тронут: на юру
Кисти жаркие рябина
Остужает на ветру.

Зори или звёзд соцветье
Путь России осенят,
А в поверьях – алой веткой
Дом рябинушки хранят,

Где лампадки освещают
Божий лик и на стене
Фотографии мерцают
Деда с раной на войне.

Испокон веков просили:
«Боже правый, освяти
И даруй России силы
В непроторенном пути».

А на нём – любви глубинной
Жаркий символ от невзгод:
Душу русскую рябина
Отогреет и спасёт.

ФИАЛКИ

Фиолетовая хрупкость,
Фиолетовое счастье...
Ты одним своим поступком
Отведёшь моё ненастье:

Воскреси, прошу, фиалки
Лет забытых, давних, прежних.
Лучше всякого подарка
Фиолетовая нежность.

Лепестков упругих радость,
Эта свежесть, эта тайна
Станут мне опять наградой
В нашей жизни неслучайной,

Эхом прошлым, пережитым
И почти размытым следом...
Фиолетово кружится
Строчка нового сонета.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

* * *

Твоё признание в любви
Мне снова согревает душу.
Я не вспугну и не нарушу
Прозрений чутких визави

О том, что было, что придёт
И нынче – лишь в предначертаньях
Судьбы на тонких планах тайных,
Где и падение, и взлёт.

А наших двух сердец союз
Звучит мелодией и силы
Мне придаёт – спасибо, милый,
За нежный и совместный блюз.

* * *

И звёзды нам указывают путь
То робко, то настойчиво и строго,
К сердцам взывая, чтобы не свернуть
С того пути, что нам назначен Богом.

Тот путь начертан как для всей страны,
Так каждому, кто выбран в ней родиться.
Благословения всему даны:
Земле, воде, зарнице краснолицей,

Народу с духом Родины своей
И памятью о той былинной силе,
Что черпали из широты плечей
У кедрача и от степи ковыльной,

В артериях больших и малых рек,
В берёзовом весёлом хороводе.
И храмом сердца русский человек
Осознаёт единое в народе:

Россия – наша общая душа,
Живёт в которой память родовая,
Где видится в сиянии Ковша
Нам русская Медведица живая.

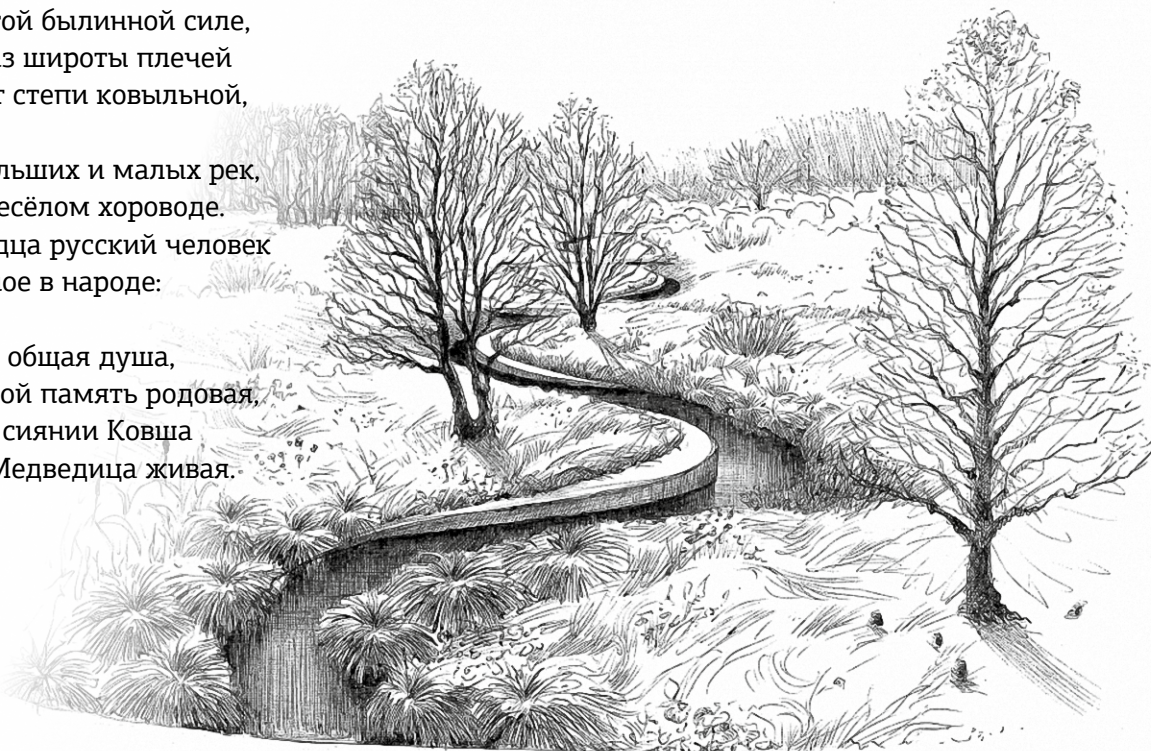
* * *

От вечности дана нам только искра –
Всего мгновение земной судьбы.
И пламенеет от высот регистра
Душа в ответ на музыку борьбы.

Борьбы, в которой свет от мыслей чистых
Преодолеет ненависть и мрак,
И в звоне радостной победной выси
Мы совершаем предreshённый шаг.

И будет это то ли подвиг яркий,
А может, осмысление вины?
Возможно, опыт всепрощений жарких?
И творческая радость новизны?

Опять, опять в плену дыханий лунных
Мы солнце ждём, оглядывая даль,
Чтоб в древних тайнах очертаний рунных
Прочсть свою, заветную скрижаль.

Валентина ПОЛИЕНКО

* * *

Я слушаю стихов знакомый ряд,
Они ложатся в душу, словно эйсы.
Своим изяществом и красотой манят
И недоступны, словно эдельвейсы.

И мир затих. Ни времени, ни дня.
Одни стихи открыты для меня.

Я слушаю стихи. Их кружева
Разбросаны, как нити паутины.
Цепляются крючочками слова.
Их звуки тонки, а касанья длинны.

И мир затих. Ни времени, ни дня.
Одни стихи открыты для меня.

Я слушаю стихи. В них мир иной,
И хочется забыться в их объятьях.
Роняет память горечь за спиной,
Перебирая прошлое, как платье.

И мир затих. Ни времени, ни дня.
Одни стихи открыты для меня.

* * *

Я помню, как учила мама в детстве:
«Не бойся, кроме Бога, никого.
Лишь Господу открой навстречу сердце.
Родная, бойся Бога одного».

Пытливыми, наивными глазами
Смотрела я на мир вокруг себя.
«Я не боюсь», – шептала часто маме,
Пугливо её рыбу тербя.

Вот так и шла вперёд, пусть спотыкаясь,
Пусть падая, от боли сжав кулак,
Шепчу сквозь все обиды, улыбаясь:
«Я не боюсь. А слёзы?.. Это так».

Всевышнего наедине молила
О милости и мире для души.
Я никаких сокровищ не просила,
Себя не предавала за гроши.

Я научила дочку, как ведётся:
«Не бойся, кроме Бога, никого.
Жить с честью в этом мире удаётся
Тому, кто любит Бога своего».

* * *

Я Родину свою люблю,
Её поля, леса и степи,
Её равнины, горы, реки,
За всё я жизнь благодарю.

Когда на сонные луга
Туман роняет свежий полог,
Грибами пахнет лёгкий холод
И чьи-то дальние стога.

Тогда так хочется обнять
Вселенную за то, что рядом
Долина, дышащая садом,
Иль севера морская гладь.

Я Родину свою люблю.
Какой народ, какая сила...
Куда б судьба ни заносила,
За всё её благодарю.

* * *

Я горжусь, что родилась в России,
Что сильнее земли не найти,
Только в ней обновляются силы,
Те, что призваны Землю спасти.

Наша Родина – значит святая
Многотрудная славная Русь.
Богом данная, сердцем простая,
За тебя пред Всевышним молюсь.

За народ, терпеливый, усталый,
С необычной и сильной душой.
За детей, за семью, за причалы,
Что зовут нас вернуться домой.

Только Родиной сердце согрето,
Только с ней обновляется вновь
Сила веры, Россией воспетой,
В Бога, в милость, а значит, в любовь.

* * *

Какой бывает ласковою ложь,
Неуловимой, тонкой, невесомой.
Когда духи её рождают дрожь
Предчувствием пронзительно знакомым.

Ложь многолика, но всего нежней
Она пленяет юных и влюблённых.
Яд зависти навязчивых друзей
Бьёт точно в цель цинизмом изошрённым.

Боль так сильна, что крика не унять.
Обиженное сердце стынет камнем.
Грязь разлилась, её уж не собрать,
И прячется любовь в густом тумане.

Урок жесток. Но может быть права
Душа, постигшая горнила и фанфары.
Пусть ложь горька, да силою жива
Любовь, познавшая жестокие удары.

* * *

На что похоже одиночество?
На дождь холодный за окном.
Оно как тайное пророчество
О чём-то важном, неземном...

На стул без ножки, что качается,
На чашку с трещиной внутри,
На маятник, который мается,
На отблеск утренней зари.

На бархат, что местами вытерся,
На старый пожелтевший луг,
На голос, что из хора выбился,
И на предательство подруг.

На одинокой лодки плаванье,
На тонкий лучик в хмурый день,
Маяк у отдалённой гавани,
В лесу трухлявый старый пенёк,

На водопад с горы заснеженной,
На скрипку в стареньком кафе,
На жаворонка песню нежную
В каком-то дальнем далеке...

А может, сделать одиночество
Союзником и просто жить?
Пусть нас давно зовут по отчеству,
Но как умеем мы любить...

Умеем радоваться солнышку,
Умеем петь, мечтать, творить,
И выпить солнышко до доньшка,
И счастье людям подарить.

Дина БАБАЙЦЕВА

И ЖИЗНЬ МЕНЯ ОПЯТЬ ВПЕРЁД ЗОВЁТ

Заря пробудила меня поутру,
Росой омыла сонное лицо.
И облака, качаясь на ветру,
Роняют дождь на старое крыльцо.

Шумят листвою берёзы под окном,
На лавке тихо дремлет рыжий кот.
И свежим хлебом пахнет отчий дом,
И снова жизнь меня вперёд зовёт.

Я убегу в зелёные луга,
Чтоб насладиться ароматом трав.
Здесь каждая травинка дорога
И каждый шорох, каждый шум дубрав.

Здесь слышится дыхание земли,
И сердце наполняется весной.
Люблю её, кормилицу, как мать,
Омытую прозрачною слезой.

ЛЮБЛЮ, КОГДА СИРЕНЬ ЦВЕТЁТ У ДОМА...

Люблю, когда сирень цветёт у дома
И белая черёмуха в саду.
Щекочет душу сладкая истома,
И замирает сердце на ходу.

Люблю, когда весёлая гармошка
По вечерам разносит чудный звон.
И на скамейке под родным окошком
Я слышу русской песни перезвон.

Люблю, когда, проснувшись утром ранним,
Открыв окно, и свежестью дышать,
И босиком по травке мокрой, росной
На речку по тропинке пробежать.

Услышать родниковые напевы,
Заливистые трели соловья,
В любви своей Земле признаться смело,
Ведь всё в округе – Родина моя.

Так дороги родимые просторы,
Черешен спелость, белых яблонь цветь.
И зимние морозные узоры
Готова каждый день я лицезреть.

ПОСТАРЕЛА МОЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Постарела моя деревенька,
Опустела родная моя.
Ей бы сил вновь набраться маленько,
Чтобы здесь собралась вся родня.

За накрытым столом, как и прежде,
Хлеб да квас, пахнет свойским вином.
Зазвенела, рыдая, гармошка
За простым деревенским столом.

Зазвучали любимые песни
В честь деревни родимой моей.
Оттого, что мы снова все вместе,
Нет деревни родней – Мурылей!

Пахнет свежей крапивой и мятой,
Незабудки цветут на лугу.
Всё знакомо, как в детстве когда-то,
Надышаться опять не могу.

Снова тянет сюда, как магнитом.
И душа чистотою полна.
Радость, счастье, любовь вместе свиты,
Потому что деревня жива!

Восход

Лариса ПУШИНА

МАРСИАНИН

ПОПУГАЙЧИКИ

Попугайчики сидят чудными,
Нежными, весёлыми комками.
Говорят:
– Ухаживай за нами,
Погоди с делами остальными.
Насыпая корм, любуйся вволю,
Представляя, что летать умеешь,
И не как песчинка или ветошь,
А как равный птичьих крыльев полю.
– Ты кормил сегодня попугаев?
– Я поздравил птичек с Новым годом.
А потом прихожей мимоходом
Пожелал мяуканий и лаев.

ПИРОГ

Пирог на славу удался:
Нежнейший, ароматный.
В нём явно вкусов пятьдесят.
Как лето, неохватный.
Алиса хочет два куска.
И третий на добавку.
«Дождись меня, – смеётся скайп, –
И убери собаку».
Пирог исчез. Что был, что нет.
Хвостом виляет Дито.
Варвара в скайпе и букет
На стол глядят сердито.
«Варвара, позже позвоню.
Начну оладий жарку», –
Алиса улыбнулась дню,
Погладила овчарку.

– Минуты две тебя не слышно.
– Пишу картину. Не мешай.
– А кто здесь пьёт янтарный чай,
Как царь, изысканно и пышно?
– Не царь, а марсианин, мама.
Не чай, а лунный эликсир.
На шее – сказочный сапфир.
Вокруг – обычных молний гамма.
– Куда ведёшь волну косую?
Зачем экранчики вискам?
– Никто не знает марсиан.
Так пусть увидят: нарисую.

КОШКА

Играть с бумажкой любит кошка,
За нею бегать, будто луч,
Бои ведущий у окошка
За плавные пространства туч.
А может быть, котейка – геймер,
Играющий с мышом за Марс,
Лавандовый для звёзд контейнер
И небо для морских террас?

ВОСХОД

– Как здорово нарисовал!
Хочу яичницы овал,
Что с ломтиками помидоров,
Задорных овощных сеньоров.
А где тут помидоры, кстати?
– Восход тут, Ольга, в благодати,
Написан рано поутру.
От смеха я сейчас умру:
Под солнышком – кусты, деревья,
А не петрушка и коренья.
– О, вижу: утро, день погожий.
Вот это да! И как похоже...

Любовь КУБРАКОВА

НЕОБЫЧАЙНО ЧУДНЫЙ ДЕНЬ

Какой необычайно чудный день
На смену череды дней хмурых, серых!
Сегодня рассудительной быть лень,
Купаясь в брызгах солнечных несмелых

В лесу седом. Он словно древний маг
В лохматой снежной шубе, с бородою!
Медлителен мой осторожный шаг
В морозном и таинственном покое.

Едва дышу. Блуждает жадный взор
Среди деревьев в сказочном убранстве.
Снежинок восхитительный узор
Пленит меня! Искрится всё пространство!

Под перламутром травы и кусты
Восторгом наполняют ум и душу.
Боюсь коснуться этой красоты
И волшебство нечаянно нарушить.

ДЕТСТВА МИЛЫЙ УГОЛОК

Печь и тёплая лежанка,
В доме пахнет пирогом.
Завтра утром снова санки,
Снова с горки кувырком.

А пока сверчок под печкой,
Мама прялкою жужжит,
Мастерит отец уздечку,
Кот Мурлыка мирно спит.

И лампадка под иконой
В уголке, над ней рушник,
И смотрю я полусонно
На святой и строгий лик.

Только б мама не болела,
И отец чтоб не грустил!
Очень этого хотела...
Боже, дай им больше сил!

В сладкой неге засыпала.
Вкусно пахло пирогом.
Нарезвилась и устала,
Завтра с горки кувырком...

Где ты, старая избушка,
Детства милый уголок?
Где вы, добрые игрушки
И под печкою сверчок?

* * *

Не в городе любовь и жизнь моя!
Простая деревенская крестьянка.
Моя стихия – ветер и земля.
С открытою душою я славянка!

Во мне, возможно, древних россов кровь:
Природе благодарно поклоняюсь,
И к ней во мне безмерная любовь,
Гармонией её я восхищаюсь.

Полна всегда желаньем созерцать
И наслаждаться всей её красою.
И, нежностью наполнясь, трепетать,
Когда все травы утром под россою.

И полной грудью любо мне вдохнуть
Листвы ещё чуть липкой, юной свежестъ
И в запахе сирени утонуть,
Небес лазурных чувствуя безбрежность.

Да разве можно словом описать
Бескрайние луга, леса и реки?
Но счастье, что могу я созерцать
Тот дар, что дан был Богом человеку!

Не в городе любовь и жизнь моя!
Простая деревенская крестьянка.
Моя стихия – ветер и земля.
С открытою душою я славянка!

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

* * *

Выйду в степь, там ветер-забияка.
Летом он горячий и хмельной.
Словно шепчет дерзко мне гуляка:
«Вольный я! Побудь и ты такой!»
Вихрем затанцует предо мною,
Шумом отзовутся ковыли
И седой атласною волною,
Кланяясь, нагнутся до земли.
Лихо разлохматит мне причёску
И потреплет платице слегка.
Видимо, не любит ветер лоска.
Сила в нём порою велика!
Ласковый, но всё же сумасбродный!
Он меня поманит за собой...
В этот час побуду я свободной,
Словно птица, – крылья за спиной...

* * *

Скачет летний дождь по лужам,
Выдувает пузыри.
Он работою загружен
С ранней утренней зари!

Освежает дождь деревья,
Поливает все цветы.
Птицам душем льёт на перья,
Прячутся они в кусты!

С разноцветными зонтами
По отмытой мостовой
Осторожными шагами
Двигается народ толпой.

Шлёпаю и я по лужам.
Побежать бы босиком!
И шепчу дождю: «Ты нужен!»,
Подмигнув ему тайком.

Озорно стуча по крышам,
Дождик моет всё вокруг!
Но, иссякнув, тише-тише...
Прекращает лить он вдруг.

Блещут чистые витрины,
На листве дрожит роса,
В небе дивная картина –
Яркой радуги коса!

* * *

То ли небо, то ли поле –
Это вьюги снежный плен!
Город ёжится в неволе:
Кокон белый крыш и стен...

Словно призрак лес озябший,
Скован шустрой речки бег...
Злюкой, ведьмой настоящей
Вьюга месит рьяно снег!

Воеет, мечется иль стонет...
Ветер – верный спутник ей.
Сёла занавесом кроет,
Строя горки у дверей!

Это небо или поле?
Сильной вьюги это плен!
Путник, вздрогнув поневоле,
Гонит страх из стылых вен...

* * *

Горело сердце, плавилась душа,
Осознавая страшную картину:
Отказывалась мать от малыша,
Не подарив и взгляда даже сыну.
Он, кулачок свой маленький разжав,
Искал её тепла, любви и ласки.
И, тельцем хрупким, нежным задрожав,
Протест свой громкий предавал огласке.
Но безучастна оставалась та.
(Мне сложно женщиной назвать сие созданье.)
Там в оболочке тела пустота,
В ней не найти и грамма состраданья.
И как не осудить её, понять?
Мой разум разлетался на кусочки!
Ведь самое святое званье – МАТЬ!
Но мамы нет у крохи-ангелочка.
И этот факт природе вопреки!
Животные и те хранят потомство.
Но не познал малыш родной руки.
Простит ли он такое вероломство?
О Господи, спаси наш род людской!
И ту, что предала, всё сознавая,
Направь своею праведной рукой,
Святой дар материнства охраняя!

УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ В ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА

Екатерина ЮГОВА

г. Екатеринбург

Изучение истории России является важнейшей частью процесса образования и воспитания человека и гражданина. Знание истории помогает человеку правильно ориентироваться в мире, в котором он живёт, даёт ему возможность найти истоки проблем, стоящих перед ним в настоящем, и определить верные пути поиска решения проблем в будущем.

Изучение истории позволяет человеку идентифицировать себя как участника исто-

рического процесса. Знание прошлого даёт ему прочную опору для его мировоззрения и убеждений, уверенность в правильности своего взгляда на мир; позволяет ему, опираясь на исторический опыт предшествующих эпох и поколений, точнее определить вызовы своего времени и избежать ошибок при принятии решений; даёт возможность сделать верный и достойный выбор своей позиции в существующих общественных и исторических реалиях.

Каким же сегодня должно быть историческое образование? Я думаю, что один из возможных ответов на этот вопрос может дать изучение и исследование процесса получения

образования выдающимися государственными деятелями России, а также определение места и роли в этом процессе преподавания отечественной и всеобщей истории.

Я попыталась исследовать этот вопрос на примере воспитания и образования великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны.

Без сомнения, это был выдающийся государственный и общественный деятель России, достойный гражданин своей страны. Адмирал российского флота, глава Морского министерства – при его непосредственном участии был разработан Общий свод Морских уставов и проведён ряд важнейших реформ в подготовке и образовании морских офицеров. В 1859 году, после возвращения из паломничества в Иерусалим, он возглавил Палестинский комитет, призванный укрепить связи православной России со Святой землёй. При подготовке крестьянской реформы 1861 года он был избран председателем Комитета по освобождению крестьян от крепостной зависимости.

Великий князь Константин Николаевич родился в ночь с 8 на 9 сентября 1827 года, 2 октября был крещён в церкви Зимнего дворца. Высокое общественное положение досталось ему по праву рождения – он сразу же был зачислен в Измайловский полк, а также назначен шефом Грузинского гренадерского полка и 3-го линейного полка Польской армии. На него от рождения были возложены знаки орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого орла и Св. Анны I степени. Его судьба с детства была предопределена отцом – 31 августа 1831 года, когда ему ещё не исполнилось и пяти лет, ему было присвоено высшее морское звание генерал-адмирала, и он был назначен шефом морского Гвардейского экипажа. Он должен был стать в будущем морским офицером и главным начальником российского флота.

Константину Николаевичу было многое даровано от рождения, но при этом ему всю последующую жизнь предстояло доказывать, что он достоин этих даров, всей своей жизнью подтверждать связанные с ним надежды. Сделать это он мог, только получив должное образование и воспитание, о чём и позаботились его родители.

Ответственным в целом за образование великого князя Константина Николаевича император Николай I назначил поэта Василия Андреевича Жуковского. Это назначение не было случайным – В. А. Жуковский с 1824 года был воспитателем и наставником наследника престола цесаревича Александра Николаевича. О том, как он исполнял возложенные на него обязанности, мы узнаём из письма А. И. Тургенева¹ П. А. Вяземскому² от 15 марта 1825 года.

«Жуковский, право, сделался великим педагогом. Сколько прочёл детских учебных книг! Сколько написал планов и сам обдумал некоторые. Выучился географии, истории и даже арифметике. Шутки в сторону: он вложил свою душу даже в грамматику и своё небо перенёс в систему мира, которую объясняет своему малютке. Он сделал из себя какого-то детского Аристотеля и знает теперь всё, чему прежде учился; но знает по-своему и передаёт эти знания также по особенным, им изобретённым или найденным у других методам».

Сам Жуковский писал А. П. Елагиной³ 19 декабря 1825 года: «Помолитесь за меня: на руках моих теперь важное и трудное дело, и ему посвящены все минуты и мысли»⁴.

Жуковский воспитывал своих учеников, внушая им благородные мысли и вселяя в их сердца чувство уважения к личности человека и христианскую любовь к ближнему.

В целом обучение сыновей императора Николая I проходило в соответствии с его «Планом ученья», составленным в 1826 году для цесаревича Александра Николаевича. Жуковский

¹ Тургенев Александр Иванович (1784–1845) – русский историк и публицист.

² Вяземский Пётр Андреевич (1792–1878) – русский поэт, литературный критик, публицист и государственный деятель.

³ Елагина Авдотья Петровна (1789–1877) – российская переводчица, хозяйка знаменитого Петербургского общественно-литературного салона.

⁴ Божеранов И. Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров. М., ООО «Издательство «Пан пресс», 2011. С. 103.

В. А. Жуковский

разделил его на три периода: отрочество – от 8 до 12 лет, юность – от 13 до 18 лет и первые годы молодости – от 18 до 20 лет. Он сравнивал первое время учения, «подготовительный период», с приготовлением к путешествию, когда надо дать ученику в руки компас, под которым подразумевал первоначальное развитие ума и сердца посредством усвоения религиозных правил; познакомить с «картою» – сообщить ему вкратце и в последовательной связи те знания, которые будут впоследствии преподаваться в подробностях; снабдить его «орудиями» для приобретения сведений и для открытий в пути, то есть обучить его иностранным языкам и развить в нём природные дарования. Затем, с 13 до 18 лет, ученик, по выражению Жуковского, предпринимает уже само путешествие, компас в его в руках, он умеет с ним обращаться, карта перед ним раскрыта и изучена; дороги на этой карте обозначены – ему не грозит опасность заблудиться. Ум его приготовлен, любопытство возбуждено, и он смело пускается в дорогу. Наконец, с 18 до 20 лет настанет время окончания путешествия – сведения собраны, остаётся их привести в порядок и определить, какое из них должно быть сделано употребление. В это время занятия должны идти в следующем порядке: 1) обозрение уже приобретённых знаний; 2) взгляд на место, занимаемое человеком

в обществе, и на обязанности, с ним соединённые; 3) отчёт в самом себе, перед самим собой и утверждение в правилах добродетели; 4) выяснение общего значения человека в жизни, и государя в особенности¹.

В своих письмах Жуковский, касаясь вопросов образования сыновей Николая I, не раз обращает внимание на важность изучения истории. Так, в 1827 году он пишет императрице Александре Фёдоровне: «Я занят приготовлением к преподаванию древней истории; тружусь над составлением синхронических таблиц, которые должны служить пособием памяти удерживать общее понятие о всей истории; их должны сопровождать карты и исторические таблицы и карты географические; наконец, всё может служить к исполнению и объяснению простого рассказа»².

В 1834 году в число учебных предметов Константина Николаевича входили русский, английский и французский языки, чистописание, арифметика, рисование и танцы. С начала 1835 года к ним добавились занятия по истории, географии и немецкому языку, а также уроки Закона Божьего, который преподавал великому князю его духовник Василий Борисович Бажанов.

Следует отметить, что религиозному воспитанию сыновей в семье Николая I придавалось первостепенное значение. Особое внимание религиозному воспитанию уделяет в своём «Плане учения» и Жуковский, который специально указывает, чтобы при преподавании «с понятиями историческими и естественными в единое целое сливались понятия религиозные»³.

В религиозной жизни Константин Николаевич с детства видел величайший смысл. Об этом свидетельствует множество записей на духовные темы в дневнике великого князя. Он ревностно готовится к таинствам исповеди и причастия, искренне, со слезами на глазах раскаивается в своём несовершенстве. Уже в ранней юности он пришёл к осознанию своей моральной ответственности перед Богом за свои поступки.

¹ Божеранов И. Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров. М., ООО «Издательство «Пан пресс», 2011. С. 105–106.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 108.

В план В. А. Жуковского не входили специальные морские дисциплины, которые были разработаны для Константина Николаевича как будущего морского офицера. Его учебные занятия по специальным дисциплинам начались 3 ноября 1832 года, когда его воспитателем был назначен морской офицер, мореплаватель и географ Фёдор Петрович Литке.

Граф Фёдор Петрович Литке родился 17 сентября 1797 года в Санкт-Петербурге. В 1817–1819 годах на шлюпе «Камчатка» совершил кругосветное плавание в качестве начальника гидрографической экспедиции. В 1821–1824 годах участвовал в четырёх научных экспедициях в Арктике, составил описание островов Новой Земли, которое принесло ему известность и признание в научном мире. В 1826–1829 годах совершил второе кругосветное плавание на шлюпе «Синявин», за которое был произведён в капитаны первого ранга и награждён орденом Св. Анны II степени, а за свои научные изыскания и труды был избран членом корреспондентом Академии наук.

Воспитанию и образованию великого князя Константина Николаевича он посвятил 16 лет своей жизни.

Если «План ученья» Жуковского предполагал разностороннее образование великих князей, то Литке, как морской офицер, должен был привить своему воспитаннику любовь к морю и знание морской службы.

Из их переписки мы узнаём о принципах воспитания и образования, которых придерживался Ф. П. Литке. Он первостепенное значение придавал специальному образованию Константина Николаевича. Вот что писал он в одном из писем Жуковскому: «Опасений Ваших, почтенный друг, чтобы специальное образование моряка не помешало общему образованию принца, я не разделяю. Во-первых, не понимаю я, каким бы образом можно было, стремясь к общему образованию, избежать специальностей. Если принц не должен быть специально моряком, то не должен быть специально и воином, столь же мало, как и камералистом, дипломатом, судьёю, учёным, художником. Чем же

он будет? Неужто всем понемножку и в одинаковой степени? Но это значило бы не быть ничем. Вы, может быть, скажете: “он должен быть принцем”. Но что значит быть принцем? Неужто заниматься всем и ничем? – “Государственным человеком?” – Он им должен быть; но какой специальный рецепт для составления государственного человека? Всякий государственный человек был сначала чем-нибудь специально... Специальное приготовление, конечно, может увлечь в мелочи и тем отвлечь от главного, общего; но на это можно сделать два замечания: первое, что этому подвергается только ум мелочный, который, не имея специального назначения, создаёт себе мир мелочей; и второе, что генерал-адмиральство у нас менее всех других назначений влечёт за собой этого рода опасность... Наконец, что ж составляет наше специальное образование? Науки морские? Навигация, астрономия и т.п.; это никому не мешает. Наши морские вояжи, право, здоровы и для души, и для тела: молодой человек привыкает к порядку, и к лишениям, и к подчинению себя долгу. Немножко морского духу, морской прямоты и для принца не лишнее»¹.

Великий князь должен был изучить такие специальные дисциплины, как фортификация, артиллерия, стратегия и тактика, корабельная архитектура, пароходство, навигация.

4 июля 1836 года началось освоение на практике морской службы – Константин Николаевич вышел в море на фрегате «Беллона» под командованием контр-адмирала Ф. П. Литке в сопровождении 26 кораблей Балтийского флота. Эскадра проследовала в Ревель и Свеаборг, а затем возвратилась в Кронштадт.

Таким образом, если Жуковский главное внимание уделял образованию великого князя, то Литке отдавал предпочтение его воспитанию как будущего морского офицера.

И даже курс лекций по истории, который Ф. П. Литке прочитал великому князю в 1842–1843 годах, тоже носил специальный характер – это был курс истории русского флота, а также истории морских путешествий и открытий.

Подробное представление об образовании

¹ Письма Ф. П. Литке к В. А. Жуковскому // Русский архив. 1897. Т. 2. С. 159–160.

Ф. П. Литке

и воспитании великого князя нам дают «Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича», собранные и обобщённые его близким другом и соратником А. В. Головниным¹.

Вот распорядок дня, составленный Ф. П. Литке для Константина Николаевича. Подъём в 6 часов утра. С 7 часов утра – выполнение домашних заданий, причём сначала выполнялись задания по сложным предметам, а потом по тем, которые давались легко, и по любимым. Первый урок – с 9 до 10 часов утра. С 10 до 11 – визит к родителям, гимнастика или фехтование, с 11 до 12 – второй урок, в 12 часов дня – завтрак, затем до 2 часов дня прогулка или верховая езда. С 2 до 3 часов – третий урок. В 3 часа – обед, в 4 часа – посещение матери. С 5 до 6 вечера – четвёртый урок. После занятий – два часа на игры с братьями и сёстрами или урок музыки. В 8 часов – вечернее чаепитие.

В 9 часов вечера – сон.

Таким образом, занятия были разумно распределены по времени, Константин Николаевич занимался 4 часа в день. Только в последний год обучения число учебных часов было увеличено до пяти.

Распорядок дня был изменён в 1843 году, когда великий князь вступил в пору юности – уроки стали проходить с 8 до 10 часов утра и с 11 часов до часа дня, а после обеда он выполнял задания².

Курс всеобщей истории и географии Константин Николаевич прошёл с инспектором уроков А. Ф. Гриммом³. Первый урок истории состоялся 10 августа 1837 года. За 1838 год Константин Николаевич изучил историю древней Греции и древнего Рима до падения республики. В 1839 году он прошёл всю Античность, в 1840–1843 годах – историю Средних веков, в 1844–1845 годах – историю Нового времени и Французской революции.

А. Ф. Гримм привнёс в процесс его обучения новый метод. Он требовал, чтобы великий князь во время уроков делал подробные конспекты его лекций, а к следующему уроку должен был подготовить изложение прочитанной лекции на немецком языке. Кроме того, он должен был рассказать содержание этой лекции преподавателям русского, французского и английского языков на том языке, который они ему преподавали⁴. Благодаря этому методу Константин Николаевич не только запоминал уроки истории, но и свободно стал говорить на иностранных языках.

Российскую историю великому князю Константину Николаевичу преподавал профессор Иван Петрович Шульгин⁵. Он также прочёл ему специальный курс лекций по истории сопре-

¹ Головнин Александр Васильевич (1821–1886) – русский государственный деятель, действительный тайный советник. С золотой медалью окончил Царскосельский лицей. Министр народного просвещения во время великих реформ в 1861–1866 годах. Почётный член Петербургской академии наук.

² Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. С. 24.

³ Гримм Август Фёдорович (1806–1878) – немецкий педагог. С 1827 года – инспектор классов в учебном заведении Муральта в Санкт-Петербурге. С 1835 года – инспектор уроков великого князя Константина Николаевича, учитель истории и немецкого языка великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, а также великой княжны Александры Николаевны.

⁴ Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. С. 25.

⁵ Шульгин Иван Петрович (1795–1869) – профессор и ректор Петербургского университета, член Петербургской академии наук. Окончил Костромское училище. В 1810 году был отправлен в Петербургский педагогический институт, который окончил в 1813 году и был определён гувернёром, учителем географии, истории и логики в Благородный пансион Император-

дельных с Россией государств – Венгрии, Польши, Турции, Скандинавских стран.

Великий князь во время занятий делал краткий конспект его лекций, эти записи он использовал при подготовке к следующему уроку, отвечая на заданные вопросы. В ходе ответа И. П. Шульгин давал дополнительные пояснения по пройденному материалу, а также исправлял неточности в ответе. Великий князь должен был самостоятельно учесть его замечания и внести их в окончательный вариант конспекта.

В 1840 году Константин Николаевич изучил период древнерусской истории до начала монголо-татарского нашествия. Составил жизнеописание выдающихся деятелей того времени и родословные таблицы русских князей. В 1841 году был пройден период российской истории до начала царствования Михаила Фёдоровича. В 1842 и 1843 годах была подробно изучена история Петра Великого. В 1844 году изучалась эпоха дворцовых переворотов до воцарения Елизаветы Петровны, в 1845–1847 годах – история России вплоть до завершения царствования Екатерины Великой.

Из дневников Константина Николаевича мы узнаём, что история была его любимым предметом. Он часто пишет об уроках истории, указывает темы занятий. О том, насколько любимым предметом для него была история, свидетельствует тот факт, что, пытаясь добиться от него большего внимания к математической науке, перед ним поставили условие, что уроки истории не состоятся, если он не достигнет таких же успехов в математике, каких он достиг в истории.

Таким образом, Константин Николаевич в течение десяти лет под руководством

А. Ф. Гримма и И. П. Шульгина прошёл подробный систематический курс всеобщей истории и истории России.

Без сомнения, эти занятия были направлены на формирование у него чувства гордости за свою страну и представления о службе Отечеству как о высшем предназначении человека. Эти занятия воспитали в нём чувство долга и чести, чувство ответственности за порученное ему дело, которыми он руководствовался в течение всей своей жизни: и во время Крымской войны, когда он, вступив в управление Морским министерством, организовал защиту Кронштадта от нападений англо-французского флота, полностью профинансировав из своих личных средств создание флотилии винтовых канонерских лодок; и в 1859 году, когда после возвращения из паломничества на Святую землю он возглавил Палестинский комитет, стремясь укрепить значение и влияние России в православном мире¹; и когда в 1860 году он, возглавив Адмиралтейств-совет, провёл ряд важных реформ, направленных на укрепление обороноспособности российского флота, – учредил академический курс, минные и артиллерийские классы в Морском кадетском корпусе, сократил срок службы с 25 до 10 лет, отменил телесные наказания, увеличил содержание морским офицерам и пенсии тем, кто вышел в отставку².

И можно уверенно сказать, что Константин Николаевич в полной мере оправдал ожидания и надежды своих учителей и наставников, надежды, которые выразил в своём напутствии ему В. А. Жуковский: «Наша дорога есть лестница; кто взошёл на одну ступень, если он не слеп и не безумен, узнает только то, что он ещё не дошёл, и что ему следует подниматься, а не считать себя в высоте. Добрый вам путь в высоту!»³

ского Царскосельского лицея. В 1816 году поступил воспитателем и учителем географии и истории в Царскосельский лицей, где оставался в течение многих лет. В 1820–1830-х годах преподавал в Морском кадетском корпусе, Инженерном и Артиллерийском училищах, Пажеском корпусе, школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. В 1832 году определён профессором истории и статистики в Военную академию. С 1840 года – член Совета Министерства государственных имуществ. С 1839 года – учитель русской истории, географии и статистики у великого князя Константина Николаевича, с 1845 года – у великих князей Николая и Михаила Николаевичей.

¹ Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: Из предыстории ИППО. М., 2012.

² Паничкин В. Реформы в Морском министерстве и роль в их проведении великого князя Константина Николаевича // Морской сборник. 2009. № 12. С. 59–67.

³ Письма В. А. Жуковского великому князю Константину Николаевичу // Русский Архив. М., 1867. Ст. 1428–1429.

ФИЛЬМ, ФИЛЬМ, ФИЛЬМ...

Ольга ПУСТОВАЛОВА

Было время, когда казалось, что из плотного облака человеческих страстей, которыми было насыщено кинопроизводство на «Мосфильме» в те годы, что я там работала, мне не выбраться никогда, а уж забыть происходившее там – и вовсе нереально. Но нет, у времени свои законы, и иногда его хочется за это благодарить.

Мой путь на «Мосфильм» иначе как Божьим промыслом или волею судеб назвать никак нельзя, ибо я никогда не была горячим поклонником кино, не читала «Советский экран», не собирала фотки актёров и знала по именам лишь единицы наших знаменитостей; и тем не менее, как любят говорить жёны при разводе, отдала этому «монстру» свои лучшие годы жизни, работала полноценно, творчески и очень продуктивно. И не случайно, что всего лишь третьим моим фильмом стал фильм «Родня» Н. Михалкова. По понятиям «Мосфильма» случилось невероятное, и это факт.

«РОДНЯ»

Я стояла в съёмочном павильоне – только начались съёмки двухсерийного телефильма «Три года» по Чехову (реж. М. Долинин и С. Любшин), где я была «худжкостом», – когда ко мне подошли два студийных мужика и стали пихать мне в руки очередной сценарий. «Что? Современный? С тётей Марусей? Но я работаю только с историческим костюмом!» – возмутилась я. Не знаю, насколько нужно быть погружённой в себя, чтобы, проработав уже лет семь на студии, не знать ни в лицо, ни по фамилии П. Лебешева и А. Адабашьяна. А уж что за ними стоит Михалков – мне и вовсе не могло прийти в голову. А если бы и пришло? Я ведь твёрдо решила: отработаю эту картину и уйду в автономное плавание – по своим морям и волнам. Тут мужики представились и в тот же миг поняли, что мне их имена ничего не говорят. Полагаю, подобное было с ними впервые, и они безропотно удалились восвояси.

* * *

Возможно, им стало бы легче на душе, если бы они узнали, что незадолго до этого я ехала в лифте вдвоём с Аленом Делоном и не заметила его – так пристально разглядывала в зеркале лифта своё отражение, в котором отсутствовала одна бриллиантовая серьга, бабкино наследство. Бриллиантик был крошечный, но сама серьга была сработана двоюродным дедом, знаменитым ювелиром, в виде ветки какого-то растения, и уж работу мастера оценить я могла, а значит, и саму потерю. Когда лифт остановился, я не сразу повернулась лицом к выходу – всё смотрела в зеркало, пока толпа у лифта не навалилась на меня и кто-то не выкрикнул: «Ну как Алик?» – «Какой ещё Алик?» – не поняла я. «Алик Делон! Ты же с самим Ален Делоном в лифте ехала!»

Да здравствует «Тегеран-43»!

Перещеголяла меня, пожалуй, только Лида Рахлина, тоже художка, принявшая Марчелло Матростяни за бригадира осветителей. А что – в ковбойке и кепке, вполне интеллигентный мужчина, такие у нас на студии были только бригадиры осветителей! За кого же его ещё принимать – не за звезду же советского экрана?

* * *

Но пора вернуться к истории моего знакомства с «Роднёй».

Сразу, как я пришла на студию, в коридоре со мной почему-то стали здороваться два человека – Михалков и Любшин. Годы спустя узнала, что они меня заприметили именно как художника, а Любшин даже сказал мне, что годы наблюдал за мной и решил, что если запустится с собственной картиной, то «худжкомом» непременно буду я. Кстати, «худжком» – худая кость, она же художник по костюмам – это изобретение Адабашьяна, предназначенное исключительно мне.

Наши съёмочные группы – Любшина и Михалкова – находились рядом, и Михалков дал задание Павлу Тимофеевичу и Саше под любым предлогом затащить меня к нему в кабинет, а там – он был в этом уверен! – уговорит. Думаю, что моё природное нежелание запоминать в лицо всяческих знаменитостей, о котором они не подозревали, придало особый азарт этой истории, ну в итоге меня всё же заманили в группу Михалкова, и он, разумеется, меня уговорил, хотя первое, что я сделала, – расчихвостила сценарий В. Мережко по своей костюмерной линии. «Он что, обалдел? На дворе лето восьмидесятого года, а у него тётя Маруся в чёрной плюшевой жакетке?» И т. д. «Ну а что надо?» – спросил Михалков. «Понятия не имею! Но так нельзя!» – гордо ответила я и ушла. Со сценарием.

Обычно работа над костюмом идёт по дорожке, давно проторённой поколениями художников: читаешь сценарий, и если он исторический, а чаще всего это именно так, то начинаешь собирать иконографический материал, а это море фотографий, которые поначалу изучаешь с завидным интересом, а потом начинаешь их тихо ненавидеть, т. к. понимаешь, что есть смета, склад с убогими тканями, очередь в красилку, пошивочный цех, не справляющийся с огромным объёмом работы, а главное – ВРЕМЯ, ограниченное время подготовительного периода, в которое надо

успеть уложиться с воплощением всех твоих замечательных идей, запечатлённых уже в эскизах. Эскизы же обычно делались ночами, а те заветные десять (всего десять!!!) рабочих дней, которые, по идее, отводились на их изготовление, художник пластался на костюмерных складах, «работая с подбором», т. е. рылся в траченных молью и временем костюмах с уже отснятых фильмов в надежде отыскать хоть что-то, что могло бы пригодиться. Когда я вычитала, что Бакст по полгода делал эскизы костюмов к своим постановкам, я чуть в обморок не упала от зависти и недоверия – столь фантастическими мне показались эти сведения! В подготовительный период все художники ходили со стеклянными глазами, ненавидя друг друга из-за скудных мощностей орденоносной киностудии. Впрочем, так дело обстояло и на всех других студиях, да и в театрах дело было не лучше. И тут все художники начинали курить, даже некурящие, т. к. постоять десять минут в курилке с сигаретой и послушать трёп окружающих почему-то считалось единственной уважительной причиной для передыха. Я мало чем отличалась от других – так же мусолила сигарету трясущимися руками, понимая, что этой ночью мне опять не спать, а заканчивать смету, куда надо не забыть включить гуталин, кальсоны для утепления, расходы на химчистку и дизкамеру после завершения очередного высокохудожественного шедевра. Смету в несколько миллионов я обсчитывала на детских счётах, чем потрясла раз и навсегда сметный отдел и стала их любимицей. Нормальные художники ждали, когда им всё обсчитают сметчики, но я не могла себе позволить стоять ещё в одной очереди и терять драгоценное время. Как особый дар институтского прошлого я воспринимала своего преподавателя по истории костюма Раису Владимировну Захаржевскую, научившую меня не рыться в кипах фотографий и не строить крепостные стены из книжных штабелей, т. е. не заниматься пустым делом, а просто совершить путешествие во времени и открыть дверь в пошивочный цех любого века и любого государства. И у меня это легко получалось: надо было просто

представить себя художником, живущим в том самом месте и времени, куда тебя отправлял сценарий, сообразить, какие возможности были бы у тебя тогда, какие материалы были бы в твоём распоряжении, и... вперёд!

Здесь же, на «Родне» (кстати, рабочее название картины – «Была не была!»), даже никуда не надо было отправляться. Я была в Москве, было лето 1980 года... Мои современники в самых разнообразных одеяниях мелькали перед глазами, но почему-то мозги лопались, и решение ускользало, никак не даваясь в руки! Понимала, что надвигается Олимпиада-80, эмблемы которой не было разве что на униформах в вокзальных сортирах, но решение не приходило. И вот однажды я ехала в метро на студию, а передо мной встал юноша – такой весь чистенький, в голубой рубашечке, блондин из блондинов, но пряжка на его брюках, оказавшаяся напротив моего лица, дала идею решения костюмов всей картины. Эта пряжка из жёлтого металла была сделана в виде картинной рамы, а внутри было изображено распятие Христа. Я даже сейчас словами не смогу объяснить, что там замкнулось во мне, но я всё поняла, как должно быть. Во многом это был театр для себя, который современные зрители не воспринимают: подумаешь, чёрная бретелька под люрексковой кофточкой, надетой на работу с утра, – сейчас кого этим удивить? – но Париж стоя аплодировал моим костюмам, они поняли.

Короче, я вышла из поезда и вернулась домой. Несколько дней, ссылаясь на недомогание, делала эскизы. И когда пришла в группу и выложила на полу пятнадцать первых эскизов (36 x 48 см) – Никита на радостях крепко поцеловал меня в шею на глазах у всей группы: до этого у него самого не было никакой идеи по части костюмов. Позже Михалков сказал, что до меня его обсуждения костюмов с художниками проходили на уровне застёжек и букетиков. Полагаю, он несколько преувеличил реальность, как и газеты и журналы, писавшие позже, что фильм решён за счёт костюмов, – тоже перебор, хотя доля правды в этом есть,

и это приятно осознавать. А Галя Галаджиева, искусствовед Института кино, написала обо мне настоящую искусствоведческую статью, которая вошла в сборник Совэкспортфильма, – «15 лучших художников по костюму СССР», – но узнала я об этой статье лишь шесть лет спустя, да и то случайно. Тем временем вся работа по костюму на фильме «Три года» легла на плечи моего ассистента Веры, и хотя все костюмы были уже отшиты, навалили там ерунды предостаточно, обидно до сих пор. Ну разве можно идти на поводу у актёров, как бы знамениты и прекрасны они ни были – у всех своя профессия, и каждый должен заниматься своим делом.

Изготовление костюмов продвигалось, хотя и со скрипом. Всё пришлось делать вручную: и набойку «олимпийский мишка» на футболке Богатырёва, и заготовку «американского фартука», за который потом меня отымели в «Комсомольской правде»! А сколько раз мы съездили на метро с Мордюковой в ателье индпошива – за «колхозной курткой»! Зато шикарные финские куртки продавались на каждом углу, но, как пел Высоцкий, «мне туда не надо»! Самым сложным в нашей профессии на «Мосфильме» тех лет было «одеть» современную картину. Купить ничего невозможно, а тонированными кружавчиками, как на исторической, точно не обойтись! Вот и тащили из дома всё, что могло хоть как-то пригодиться.

ВОЛОДЯ...

Но вот наступила ночь с 24 на 25 июля 1980 года. Ночь была душной и на диво тяжёлой. Я, тогда совершенно здоровая и молодая, вдруг почувствовала, что если я позволю себе заснуть этой ночью, то могу не проснуться. Почему мне это пришло в голову? Отыскала валерьянку, выпила и просидела всю ночь, опираясь на подушки и глядя в раскрытую балконную дверь. Утром, приехав на студию, первым делом пошла в медпункт и попросила что-нибудь накапать. Медсестра щедрой рукой налила из бадейки с краником «коктейль Мосфильмовский» – травяную настойку с бромом, без которой далеко не все справлялись с рабочим процессом. При этом она произнесла

странную фразу: «Ты что, тоже из ЭТИХ?» – «Каких этих?» – не поняла я. «Ну из Володькиных?» Я пожала плечами и пошла в группу, и только там я узнала о смерти Высоцкого...

* * *

История моего первого общения с Высоцким получасовая, но рассказ о ней может занять гораздо больше времени. По образованию я художник-модельер, но в этой профессии мне катастрофически не хватало драматургии. И в поисках этой самой драматургии костюма в 1975 году я оказалась на «Мосфильме», вначале на короткометражке, а затем на картине «Емельян Пугачёв» того самого знаменитого А. С. Салтыкова, снявшего фильм «Председатель». Но в это время Алексей Саньч был уже другим: гибель Урбанского, лживые обвинения, лишение званий сделали своё дело. Но мощь личности и талант нельзя было даже пропить, как он ни старался.

Те, кто читал чьи-либо воспоминания о Высоцком, знают, что друзья придумывали различные поводы для того, чтобы Влади и Высоцкий оказались вместе. В качестве одного из таких масштабных «поводов-проектов» Володарским был задуман фильм «Емельян Пугачёв».

Я много раз встречала Высоцкого и Володарского в коридорах «Мосфильма», мне даже казалось, что они были похожи, как братья, но Володя более хрупкий, а Эдик выше и мощнее. И одеты они были почти одинаково: джинсы и модные тогда короткие серые куртки: у Володарского из плащовки, а у Высоцкого из серо-сизой замши.

Многие люди, вспоминая о Высоцком, рассказывают, что, даже первый раз общаясь с человеком, он говорил с ним очень доверительно, как с хорошо его понимающим старым знакомым. И это правда: с теми, с кем он не мог так говорить, он просто не разговаривал. И эту сопричастность и доверительность даже при коротком общении мне довелось ощутить лично, хотя сама ситуация была непростой и достаточно напряжённой.

Итак, сценарий «Пугачёва» был написан Э. Володарским специально для Высоцкого. Предполагалось, что Влади сыграет в этом фильме роль Екатерины Второй, которая в первоначальном сценарии была довольно значительной. Я даже видела фотопробы Влади – в историческом платье за круглым мраморным столиком с золочёными ножками, но потом эти фотографии куда-то испарились, словно их никогда и не было.

К началу фотопроб я работала на картине всего около двух недель, но сразу же почувствовала в группе некий надрыв и интригу. Володарский постоянно нервничал, спорил, что-то доказывал до полной багровости в лице, но фэйсы его оппонентов скорее напоминали каменных идолов, чем живых людей. Обстановка на картине была очень тяжёлая и даже тягостная – подковерная борьба ощущалась ежесекундно, но мне, человеку, пришедшему только что из другого мира, вернее, «дамского модельерского мирка», было очень трудно понять первопричину. А первопричиной и был сам Высоцкий, борьба «за» и «против» его утверждения на главную роль. На роль Пугачёва претендовали многие: от ведущих артистов до партийных выдвиженцев. Фотопробы шли полным ходом, не пробовали только Высоцкого...

Участь Высоцкого (и Влади) была предрешена давно и сразу «на верхних этажах», ещё до запуска. Но отказ должен иметь формальную причину, т. е. неудачную фотопробу!

И вот эту фотопробу «сбросили» на меня, на девчонку, которая меньше месяца работала на студии. Назначена она была на поздний вечер, когда уже не было замечательного нашего художника-фотографа Славы Манешина, закреплённого за картиной, а была дежурная тётка... А это уже означало, что фотографии будут скорее напоминать фотки на паспорт, а отнюдь не фотопробы на роль главного героя. Костюмерные были уже опечатаны, и узелок из рваной простыни с несколькими жалкими костюмами, не подходящими ни по размеру, ни по фактуре, ни по образу, ни вообще по чему-либо, был брошен на стул в коридоре фо-

тоцеха вторым режиссёром. Но костюм – это уже была моя епархия, и, заглянув в узел, я попробовала возмутиться: мне было просто стыдно как человеку и профессионалу предлагать Высоцкому надеть что-то из этой кучи тряпья. Второй режиссёр мне ответил матом и вышел, шваркнув дверь.

Я осталась в пустом цехе покорно дожидаться Высоцкого. Прижимая узел к себе, я просидела часа два. Высоцкий задерживался, а я, помирая от стыда, представляла себе всё вновь и вновь, как предложу ему для пробы на роль Пугачёва надеть эту массовочную кольчужку, связанную на спицах из верёвки и отфактуренную графитом, и бархатный кафтанчик какого-то сказочного царевича, возможно, самого князя Гвидона...

И вот наконец Высоцкий пришёл с грима, глянул на эти тряпки, на мои пылающие от стыда щёки и всё понял. Смотрю в глаза Володе, он смотрит в глаза мне и всё прекрасно понимает. И претензий ко мне у него нет никаких – мы по одну сторону баррикад, только весовые категории разные. Минуту-другую он колебался, а потом решился, и я по какой-то молчаливой команде развязала узелок. Вещи сказали ему больше, чем слова. На какое-то время он зажмурился, мотнул головой и процедил: «Всё не так, братцы!.. всё не так!..», и было такое чувство, словно он хотел успокоить меня, дать понять, что не винит меня в этой лаже... Стиснув зубы, мы стали обряжаться. Я помогла ему одеться здесь же, в коридоре фотоцеха, благо со мной всегда была коробка английских булавок.

Было очевидно, что после каждого щелчка фотоаппарата ему хотелось разодрать на себе ворот этого дурацкого кафтанчика, но он только мотал головой и повторял: «Всё не так... всё не так, братцы...»

Утром я пришла рано, но, вероятно, не первая, т. к. в мусорной корзине у двери группы уже валялись никому не нужные фотопробы Высоцкого. Я поняла, что Салтыков их не видел, да никто и не собирался их ему показывать. Я вытащила из корзины эти четыре фотографии и забрала себе. Позже Эдуард Володарский всё

же добился для Высоцкого кинопробы, и она состоялась, но его судьба на «Пугачёве» была уже решена кем-то там, наверху. И о Высоцком в группе больше никто не заикался, словно ни его, ни этих фото- и кинопроб не было вовсе. Вот такая история. Вот такая история.

ДЕДОВЩИНА

Дедовщина на «Мосфильме» была делом обычным, привычным и даже считалась штучкой полезной, ибо, как любил говаривать один кинодеятель, «мы не делим людей на талантливых и бездарных, мы делим их на своих и чужих». Я осталась «чужой» на веки веков, и как только при этом обрела (или невольно завоевала?) уважение окружающего мира – долгое время для меня оставалось большой загадкой. Пока я не поняла простую вещь: здесь ценят людей, умеющих самоотверженно работать, даже если их нутро недостаточно подгнило, чтобы соответствовать мосфильмовской норме. Очень трудно добродушно повествовать о кинематографе, разумеется, в памяти всплывают и всякие забавные истории, но они похожи на росу на траве, а сама трава – та, что тянула сестрицу Алёнушку на дно и держала крепко-накрепко, не давая всплыть.

* * *

Первая «проба пера» – музыкальная короткометражка, диплом режиссёра Горковенко «Что наша жизнь?» из альманаха «Ау-у!». И сразу знакомство с целой плеядой знаменитостей: Сергей Филиппов, Владимир Басов, Леонид Куравлёв, Савелий Крамаров, Ирина Муравьёва – всех уже не припомню. Зато помню другое: срок на костюмы две недели – это вообще ничто, если учесть, что нужны исторические костюмы, пусть и для провинциального театра. И хотя, как и положено по мосфильмовским законам, я согласилась эту картину отработать ассистентом художника у Тамары Ивановой, работавшей до этого художником по костюму во МХАТе, чужаками мы оказались обе! И обе попали в жернова дедовщины. Нашей погипе-

ли желали все! Если мы спрашивали дорогу на склад – а территория студии огромная, в несколько троллейбусных остановок, – нам в ответ просто ржали. Хорошо, что у Тамары эта ситуация поубавила фанаберии, и она попросту разделила задание пополам: она делает своими ручками все мужские костюмы, а я своими ручками – все женские. За выбитую ногами у директора наличку мы купили в «Пассаже» отрезы разноцветного гипюра, ленты, цветочки и прочую лабуду. Подходящие мужские костюмы отобрали на складе, и Тамара начала декорировать их в пошивочном цехе, высоко держа голову, любуясь каждым бантиком, как райским яблочком, и мурлыча что-то из «Баядерки». Мне же пришлось, прежде чем отыграть свою партию в пошивочном, выбить по гарантийному письму старые «шопеновские» пачки в Большом театре! Вот где началась настоящая школа Вернера Хольта!

Но мы с Тамарой и спели, и сплясали не только в срок, но и «на ура!». Лично, своими ручками на глазах у всего цеха. В последние дни несколько мастериц даже решились прийти нам на помощь! Круто? Думаю, да!

ТАМАРА

На фильм «Пугачёв» я попала не сразу. Тамара Иванова как-то умудрилась взять с меня слово, что я продолжу работу вместе с ней и на «Сибириаде», которая на тот момент была то ли в подготовительном периоде, то ли в очередной пролонгации. И я уговорилась, хотя работа мне нужна была срочно, а бесконечное ожидание не устраивало меня никак. Позже я поняла, что Тамаре нужен был человек, с которым она могла бы делиться своими иногда престранно-наивными выводами из происходящего. Как-то она попросила приехать – хотела показать эскизы. Эскизов было много, очень симпатичные, но если они и имели к чему-то отношение, то скорее к сказке «Снегурочка», но никак не к «Сибириаде». Тогда же она мне с горечью рассказала о своём визите к Кончаловскому – ездила показывать первые костюмы. Я тоже увидела их. Они были прекрасны, им было

самое место на выставке СССР в Монреале по формуле «Привет из России». Это были абсолютно модельерские работы, даже для театра они не подходили при всей своей офигенной красоте! Но, к сожалению, Тамара, по-моему, так и не поняла разницу между театральным и киношным костюмом. Костюм для фильма должен быть «пожившим», даже если он только что вышел из пошивочного цеха. И как часто мы палили, имитировали пот и кровь, выгоревшую на солнце ткань и т. д. на совершенно новехоньких вещах! Жалко было. А что делать? Я рада, что ко мне, модельеру, понимание этого момента пришло ещё до того, как я приступила к самостоятельной работе.

Я быстро поняла, что общего языка в работе мы с Тамарой не найдём, и мы мирно расстались, изредка перезванивались.

* * *

Я уже давно работала на «Пугачёве», была зима, за несколько дней до этого мы встретились с Тамарой в коридоре. Она рассказала, что работает на «Отце Сергии», и показала, какой замечательный вышитый кожушок она купила по случаю.

Уже не помню, кто именно зашёл в костюмерную и, покосившись на мой живот, пробормотал: «Вот даже не знаем, говорить тебе или как?» – «А что случилось?» – «Тамара Иванова умерла». – «Как? Мы же только виделись!» – «Отёк лёгких: температура поднялась, а она себе то ли банки, то ли горчичники...» – «Подождите, я спущусь вниз!» – «А некролога нет! Ассистент по актёрам матерится по всем коридорам, что Иванова умерла, а костюмы так и не дошила!»

Вот так чужаки остались чужаками даже после смерти. «Фильм, фильм, фильм...» Этот рефрен бесконечен, ведь шоу должно продолжаться!

ЕЩЁ РАЗ ПРО «НАШУ ЖИЗНЬ»

Конечно, вспоминается многое, стоит только пуститься в это путешествие, но кое-что

плавает на поверхности. Не могу забыть сцену между Сергеем Филипповым и Крамаровым. Располагались мы с костюмами в Актёрских комнатах. Наша костюмер тётя Маша без остановки утюжила каждую ленточку, каждый бантик на наших костюмах – костюмеры оценили наш титанический труд, что было гораздо важнее оценки актёров и прочей киношной братии. Уж не знаю, что ударило в голову Савелию, но он начал чудить – ходить в белых чулках без обуви в туалет, в столовую на первый этаж, плюхаться всем своим шёлковым оперением на кушетку, не сняв плаща и кафтана. Тётя Маша переживала, без конца ходила за ним с утюгом... И за всем этим безобразием некоторое время наблюдал Сергей Филиппов, который знал Марию Петровну ещё с юности. И в какой-то момент он не выдержал: «Ты где учился, г*но косое? Кто тебя так научил обращаться с игровым костюмом?» – неслось по этажу наподобие грома небесного. Савелий сжался в комочек и, не выдержав, удрал домой. На следующий день он не вышел на работу под предлогом, что боится Филиппова, тот пришибить грозился. И только обещание второго режиссёра списать смену за его счёт, а это 3000 советских рублей, заставило его приехать и продолжить съёмки.

«ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЁВ». ТАТЬЯНА ЧАПАЕВА

Первым человеком, с которым я познакомилась в группе, была Таня Чапаева – художник по костюму и родная внучка того самого Василия Ивановича. По идее, мы должны были быть с ней напарницами – два молодых художника с первой самостоятельной картиной, и за сей героический труд нам полагалось по 90 рублей на нос. Таня, как человек студийный, пришла на картину на две недели раньше, её оформили художником третьей категории, а когда пришла я, то оказалось, что в штатном расписании на 90 рублей есть только должность ассистента высшей категории. Меня убедили в том, что это чистая формальность, оформить же этот договор как-то документально – обещали

ведь должность художника и зачисление в штат по окончании фильма – мне и в голову не пришло, ну я и согласилась, за что и поплатилась впоследствии.

Мы ровесницы, Таня старше всего на год... НО! Она человек студийный – и именно так, как теперь принято выражаться, позиционировала она себя. Она уже успела поработать ассистентом у штатного художника Фирсовой и как-то в пылу раздражения сказала, что та не только с ней вместе чай не пила, но и заставляла вдевать ей резинки в трусы, а она, соблюдая законы студии, подчинилась. Строптивых и тех, кто много о себе понимает, мол, здесь не жалуют!

Какое счастье, что сейчас нет таких трусов, в которые вдевают резинки, – одним поводом для унижения меньше!

Скорее всего, я относилась и к строптивым, и к тем, кто много о себе понимает, так что пришла я на студию напрасно: моя карьера там была обречена. Сейчас я могу, конечно, иронизировать в своё удовольствие, но тогда я была в ужасе: ведь я ощущала себя полноценным художником, и не только потому, что окончила институт с красным дипломом. Мои работы уже выставлялись и у нас, и за рубежом, у меня были публикации, а главное – я уже имела возможность почувствовать уважение к себе как к профессионалу. И вот тебе раз: я, оказываясь, должна быть признательна, что меня пускают за один стол и не заставляют вдевать резинки в трусы.

Позже я узнаю, что группа «Пугачёва» считается очень тяжёлой в эмоционально-нравственном плане, и мы с Татьяной попали на картину только потому, что никто из других художников по костюму не захотел здесь работать. Впрочем, по-моему, Татьяну это не пугало, она твёрдо решила делать карьеру на этом поприще, а историческая картина была достойным плацдармом.

Татьяна круглолицая, волосы на прямой пробор собраны в пучок, улыбка – ослепительная, зубы – восхитительные, есть в ней что-то по-кошачьи вкрадчивое, особенно когда она пытается что-то объяснить. Речь чуть-чуть

замедленна, она аккуратно подбирает слова. И до самой невыносимой жары – неизменное коричневое платье из джерси, под горлышко, похожее на школьную форму. Но если она и из кошачьей породы, то наверняка это не домашняя киска. Человек она волевой и очень упрямый. Татьяна тоже любила порассуждать на тему, что я должна «узнать студию», т. е. мне вновь давали понять, и не единожды, что речь идёт вовсе не о расположении цехов, павильонов и прочих служб, а о неписаных законах студийной дедовщины. Однако именно их мне постигать и не хотелось: я не настолько любила и была предана кино, чтоб цепляться за студию любыми способами и на любых условиях.

РАБОЧИЕ БУДНИ

Кандидаты на главную роль продолжали прибывать «от Москвы до самых до окраин...». Были среди них и настоящие будущие звёзды советского кинематографа: Вельяминов, Хмельницкий, Васильев... Были и более удивительные персонажи.

Однажды из станицы Семикаракоры явился Борис Николаевич Куликов, донской писатель, лауреат Госпремии. Мужик он был удалой и шумный – настоящий казак. Командировал его на роль Пугачёва обком партии. Человек он был замечательный, мы с ним, можно сказать, подружились. Жаль, что я не оправдала его надежд, но об этом потом. Но большая часть претендентов получили роли в окружении Пугачёва. И как ни сражался Володарский, сделать он ничего не мог: на главную роль «верхи» выдвинули Евгения Семёновича Матвеева, и ставку ему сделали (он при мне и помреже Саше Михееве крайне требовательно звонил Гришину, мол, с голоду может умереть, коль срочно не утвердите!) индивидуальную – 70 рублей за съёмочный день – штука небывалая!

Бухтеть по этому поводу осмеливался вслух только Куликов: «Да какой он, к чёрту, Пугачёв – от него за версту творогом пахнет! Тьфу!»

Как я уже писала, о В. Высоцком больше никто не вспоминал.

ЧИКА

Актёрский ансамбль формировался туго, хоть на картине было два ассистента по актёрам. Иногда Салтыков прислушивался и к барышням из костюмерной. Благодаря Татьяне и мне на картину попал Григорий Григориу.

Дело было так. Подходит в один прекрасный день ко мне Чапаева с самым загадочным видом и истомой в глазах и спрашивает:

– Ты «Табор уходит в небо» видела?

– Нет, – отвечаю. – Не люблю я фильмы про войну.

– Про какую ещё войну? – не поняла Чапаева.

Здесь требуется пояснение. В тот год афишами «Табора» была увешана вся Москва, но почему-то я решила, что это фильм о цыганском таборе, который сожгли в печи крематория, – такую именно ассоциацию вызвало у меня название, и я даже не собиралась смотреть фильм про такую жуть.

– Да ты что, это же совсем про другое! И там такой красавчик играет – Григорий Григориу! Ты уговори Салтыка взять его на Чикю Зарубина, он тебя послушает, а я с ним в экспедиции буду роман крутить!

От такой постановки вопроса я несколько обалдела, но студия меня уже начала приучать не удивляться всему подряд. Ну я и подкатила к режиссёру. На роль Чики Зарубина претендентов не было, и мы вместе с Салтыковым пошли смотреть творение Лотяну. Так я в первый раз увидела Гришку. На экране. С подачи Чапаевой.

* * *

Подготовительный период шёл полным ходом. Мы зашивались в прямом и переносном смысле этого слова, что для студии вообще норма жизни. За примерками актёрских костюмов обычно надзирала Татьяна, а моё место – склады и красилка. Но однажды Татьяна подошла ко мне и попросила провести примерку у Григориу.

– Ты чего? – удивилась я. – Это же твой предполагаемый объект!

– Да ну его, изнуделся весь на примерках. То ему не так, и это ему не этак. Осточертел! Я этого Григориу уже почти ненавижу!

Примерку я провела без проблем, а с Татьяной у них возник такой напряг, что всю картину они друг друга на дух не выносили. Если честно, то претензии к костюму у актёра были вполне обоснованные, Танька наверняка всё видела сама, но упёрлась из вредности, а ему было просто неудобно двигаться в такой необъятной хламиде. И ещё в связи с травмой, поскольку вся роль практически верхом, он хотел получить широкий кожаный пояс, почти корсет, да ещё с цацками и наворотами. Уж не знаю, как там обстояли дела с травмой, возможно, желанный пояс был некой данью цыганскому романтизму, таким своеобразным приветом от Зобара – Чике Зарубину. Вот Танька и взвилась до небес!

Я спорить не стала: кафтан закройщик подколол, порты обузил. Сапоги и папаху заказали. Пояс я надеть разрешила, но только так, чтобы его не было видно – на нижний кафтан, исключительно для самоощущения, зато в качестве компенсации пообещала подыскать медную серьгу в ухо, чем умаслила нашего Чикю, как капризного языческого кумира. Короче, все проблемы с Григориу и его костюмом я решила, Татьяне доложила и через полчаса благополучно забыла о его существовании. Оказалось, не навсегда.

* * *

До начала первых съёмок времени была прорва. Мы все успели подружиться, переругаться, перепиться, влюбиться либо возненавидеть друг друга, а я ещё умудрилась подвергнуться разбойному нападению, в результате чего – на почве лёгкого сотрясения мозгов – начала писать стихи. И сразу «по-взрослому»! И оказалось, что читателей и поклонников у меня море, а роль «дядьки-молоточка» взял на себя Б. Н. Куликов. Он чуть ли не пинками и матом гнал меня в издательство, злился, обещал познакомить с Юнной Мориц и Беллой Ахмадулиной, но не случилось... запил. А сама я никуда не пошла – издательств боялась по-

чему-то до смерти, в отличие от худсоветов любой инстанции.

И тут вдруг, забыв про стихи, все увлеклись гаданием – любим и всяким: гадали на картах, по руке, чуть ли не на растворимом кофе: мы были молоды, и любовь жаждала нас, а мы – её! Так, один раз я подлетела с протянутой ладошкой к молдавскому актёру Володе Шакало, и он мне нагадал, что через год я рожу ребёнка... Я отошла от него в полной растерянности, но так и случилось.

* * *

Прошло много лет, прежде чем я поняла: при всех подлостях и «свинцовых мерзостях», которые происходили на территории фильма «Пугачёв» (не только по отношению к слабому полу, но и к сильному – досталось всему мужскому актёрскому составу, за исключением Е. С. Матвеева), это время было реальной суровой школой жизни, которая здорово научила разбираться в людях, не окрашивая при этом весь мир в чёрно-белые цвета. Да, из этой «школы» хотелось постоянно сбежать – за первые полгода я написала три заявления по собственному желанию, но их тут же рвал в мелкую крошку на глазах у директора второй режиссёр Генка Морозов, приговаривая: «Никто ещё добровольно со студии не уходил. Все мечтают здесь работать! Нас в производственном отделе будут пытаться: почему? И что, ты думаешь, мы ответим? Да мы тебя с дерьмом смешаем, чтоб самим выпутаться!» Итогом беседы были раздавленные прямо на моей руке отцовские офицерские часы, которые, по идее, ничего не боялись, даже такой грязи, совсем как танки...

Так я доработала практически до конца фильма, не только получив сотрясение мозга и трещину в крестце, но и начав писать стихи, вступив в молодёжное отделение СХ СССР, издав свой перевод книги А. Дзеконьской-Козловской «Женская мода XX века», научившись ездить верхом, а главное – родив дочь Катерину. Имя придумала Вия Артмане, приглашённая на роль Екатерины Второй, которую забыли, уж как водится в кино, предупредить, что её

роль сокращена до крошечного эпизода. Но Вия даже виду не подала, потрясающий человек!

Да, ещё у меня появилось что-то вроде чувства юмора или иронии, без этого выжить было вообще нереально!

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ. ПЕРВАЯ КИНОЭКСПЕДИЦИЯ

В Переславле заселили нас в какое-то общежитие. В одной комнате Чапаева, старший костюмер Хафисова и я. Самым примечательным в этом общежитии было уникальное расположение туалетов: к самой кабинке, помещавшейся в центре коридора, можно было подойти со всех сторон света сразу через четыре предбанника. Когда я рассказывала про это чудо архитектурной мысли профессионалам – мне попросту не верили. Но мы-то там жили! Представляете, открываются четыре двери разом, и четыре человека разного пола и степени нетерпения с четырёх сторон рвутся к единственному унитазу!!!

Но столь уникальным архитектурным сооружением воспользоваться можно было только в светлое время суток. На ночь нам приходилось запирается на ключ и придвигать мебель к двери. Сбылись самые худшие предсказания о неуправляемости группы Салтыкова: вечером мужская часть группы (господ артистов я не имею в виду) напивалась до поросычьего визга и начинала вышибать нам двери. Утром мы продолжали работать, словно ничего этого не было. Мол, коллеги...

«КАРТОНОЧКИ»

Костюмерная располагалась в спортзале какой-то школы. Обычно Татьяна с актёрами уезжала на площадку, а мы с Хафисовой оставались одевать групповку, массовку и каскадёров. Однажды заявила группа пацанов. Ребята стояли в дверном проёме, не решаясь войти, и было в их облике нечто странное: какая-то смесь опасной наглости и робости в одном флаконе. Мы с Лидой переглянулись: актёрские костюмы дорогушие, натуральные меха, доспехи, а головой убор одного татарско-

го князя... Мама не горюй! Но Хафисова – человек не из робкого десятка, к тому же опытный.

– Ну что, молодые люди, сниматься будем? Если так – давайте ваши паспорта, и начнём одеваться! – Хафисова постучала указательным пальцем по циферблату маленьких часиков на левой руке. – Вон у меня на столе целый список – героев не счесть! Кем быть желаете: русскими или татарами? Пока ещё можно выбрать!

– Так у нас паспортов нет, – откликнулся тот, что стоял первым, потом выяснилось, что его звали Славик (мне он показался самым симпатичным из всей этой братии).

– Это как? – ещё не поняла, но уже что-то заподозрила Хафисова.

– У нас «картоночки», – протянул парень.

– Вот оно что! И за что отбываем, детишки? – без всяких церемоний спросила Хафисова.

Столько раз я «читала и слышала об этом», что нельзя задавать подобные вопросы осуждённым: мол, это не только неэтично, но и может озлобить... Однако Хафисова задала этот вопрос как нечто само собой разумеющееся: без высокомерия, с каким-то вполне равнодушным и деловым любопытством, словно это было частью её повседневной работы, а эта гопкомпания была тысяча первой только за сегодня. И пацаны расслабились, поняли, что их не погонят, не завизжат, не забьются в истерику от страха перед их судимостью.

Более того, они будто только и ждали этого вопроса: в момент выложили Хафисовой краткие версии своих злодеяний, достали «картоночки» и принялись с восторгом наряжаться в исторические костюмы. И никто шагу не заступил за половицу, обозначенную указательным пальцем Хафисовой.

Особенно запомнился Мишаня – самый младший и самый здоровый. Он явно что-то хотел спросить, но замялся. Хафисова заметила:

– Ты чего?

– А правда, что у вас будут «жмуриков» снимать повешенных? – садистски прочувствованно полюбопытствовал он.

– Правда, – кивнула Хафисова. – А тебе-то что?

– Да поглядеть на мертвяков охота...

– Так это ж чучела!

– Чучела? Жмурики не настоящие?! – вскинулся Мишаня, он был жутко разочарован, узнав, что «жмурики» в кино – это всего-навсего тряпичные чучела, а вовсе не посиневшие трупы с вывалившимися языками.

Короче, с этими ребятами проблем не было. Прошла неделя. Кончились съёмки, в которых они участвовали. Глянули мы, а на вешалке висит курточка Славика, да не первый день висит. Спрашиваем у ребят:

– Где Славик, не захворал?

– Да на зоне. Не удержался на химии...

СУД ЧЕСТИ ИЛИ ВСЁ ЖЕ БЕСЧЕСТИЯ?

Судили нашего шофёра Мишку Садыкова. Группа собралась в полном составе, включая всех народных и заслуженных. Должны мы были этого засранца Садыкова брать на поруки за «хулиганство с цинизмом». В чём суть его жуткого проступка, мы понятия не имели, а уж что скрывается за столь виртуозным названием статьи – тем более.

Меж рядов стульев, на которых мы сидели, шныряла его сожительница, реквизиторша Нинка, почему-то считавшая себя его законной женой и уже записавшая себя в декабристки. Она промокала невидимые слёзы мрачно-лильным цветастым фартуком, крепко зажатым в маленьком обветренном кулаке, и умоляла взять Мишку на поруки: по этой статье, как говорили, ему светило два года.

Тут поднялся человек в милицейской форме и доложил нам все обстоятельства. А обстоятельства, как выяснилось, были весьма неприятно-комического свойства, как всегда, бурда в одном флаконе. Уж не знаю, что возомнил о себе этот жалкий водила Садыков, для которого и реквизиторша Нинка была слишком хороша... Но, чтобы хоть как-то уравновесить своё мужское «я», вероятно, резко пошатнувшееся от скопления на маленьком провинциальном пяточке такого обилия звёзд советского кинематографа мужского пола, он вышел спозаранку на балкон и показал маляршам из соседнего общежития всё, что почему-то принято называть мужским достоинством.

То ли «достоинство» Садыкова оказалось столь неказистым, что ни на кого из малярш впечатления не произвело, то ли провинциальные девушки искренне возмутились хамством заезжих «столичных штучек» – сие осталось неизвестно; однако поскольку сами они по естественным причинам дотянуться до пакостника и надавать ему тумаков всласть для отвода души не смогли, то малярши не только завизжали на весь Переславль, но и вызвали милицию.

Милиция – тоже мужики и тоже всё время съёмки пребывали в некой перманентной ревности по отношению к «понаехавшим»: «Видали мы этих артистов!» Поэтому Мишка Садыков оказался для них чем-то вроде поощрительного приза, пусть и в самой неприглядной упаковке. Жаль было, конечно, что мужик всего-навсего оказался водилой грузовика, а не народным артистом, но тоже из московских, из самих мосфильмовских! Теперь-то, ясен пень, узнают москвичи, кто они есть и где их место!

И вот все мы – группа в полном составе – дружно сидим в душном зале, ржём в кулак, но при этом на полном серьёзе выслушиваем от милиционера, что и как показал Садыков с балкона целомудренным маляршам. Уж не знаю, во что бы это вылилось и как надолго бы затянулось, но когда до Нинки дошла суть проблемы, она взвилась до потолка и накинулась на Мишку так, что не оттащить. Впрочем, никто и не пытался. Вряд ли стоит повторять, что именно она орала в адрес своего «законного мужа», хотя что орут в таких случаях, вообразить нетрудно.

Короче, свои два года условно Мишка получил, и мы, съёмочная группа исторической киноэпопеи «Емельян Пугачёв», взяли это чмо на поруки, тем более что в вопросе надзора мы вполне могли положиться на реквизиторшу Нинку и её маленькие, но весьма тяжёленькие кулачки.

СМОЛЕВИЧИ. ВТОРАЯ КИНОЭКСПЕДИЦИЯ

За страну Белоруссию
Выпьем первый бокал,
С этой самой закускою,
Что союзник прислал...

Мы выгрузились из автобусов, побросали вещи в бараке и повели себя как обычные дачники, впервые за долгое время очутившиеся в лесу: принялись тут же оглядываться по сторонам в поисках грибочков. Дело было до Чернобыля, грибов была фантастическая прорва, особенно подосиновиков, лес был сказочный, ведьмины кольца огромных мухоморов вились по полянкам, но чем удивил белорусский лес – там не было ни одного цветочка. Но мы были в таком восторге от грибов! Если бы мы знали, что эти грибы, лапша и сухари станут нашей основной пищей на ближайшие месяцы...

Смолевичи – для нас это в первую очередь кинематографический полигон в 60 км от Минска, принадлежащий киностудии «Беларусьфильм», которую между собой все давно называли «Партизанфильм». Как и положено, полигон «Партизанфильма» нас встретил стрельбой, отголосками взрывов и доносившимся из-за пиротехнических дымов хриплым и надрывным «Ур-р-р-р-р-ра!». Точно не помню, но, по-моему, снимали «Чёрную берёзу».

И здесь до зимних холодов мы должны были успеть осуществить все натурные съёмки нашей героической киноэпопеи. Художник-постановщик Стален Никандрович Волков уже к нашему приезду выстроил на полигоне со своей бригадой роскошное бревенчатое городище и казачий хутор. Незадолго до нас на этом полигоне снимали «Красную шапочку» с Яной Поплавской, остался мосток, часть декорации жилища Волчек и брошенная операторская тележка, на которой стали кататься все кому не лень.

* * *

Чтобы хоть как-то заполнить широкоформатный экран, требуется человек 600, эффект при этом никакой. На съёмках нашей эпопеи была задействована Таманская дивизия, которая расположилась неподалёку от полигона и иногда подкармливала нас из солдатского котла; Алабинский (нынче – Президентский!) кавалерийский полк. А также спецпризыв в армию из Средней Азии, дабы получить войско Салавата Юлаева, сам «Салават Юлаев»

и его калмыцкие коллеги, которые в реале умели ставить калмыцкие юрты, играть на кумызе и т. д. (С гонором у калмыков всё было в полном порядке!) Но и это не всё! Ещё потребовалось 400 человек гражданской мас-совки, бригада наглых трюкачей-каскадёров во главе со своим «полковником», ну и около 70 актёров, включая Е. С. Матвеева и его ближайшее окружение. Ах да, забыла про верблюдов, которых привёз уголок Дурова. Оказалось, что они жутко боятся лошадей, и съёмки с ними, да ещё при горящих возах, – сущая мука.

И вот всё это «мамаево побоище» нужно было одеть ещё до рассвета, а после собрать раскиданные по полям и оврагам вещи, пересчитать и приготовить к завтрашнему утру. И эта героическая участь легла на плечи мои, Хафисовой и ещё двух молоденьких девчонок – помощников костюмера. Чапаева одевала только артистов, вовремя вспомнив, что по штатному расписанию художник у нас один – она.

Пришлось научиться сидеть в седле, объезжая с иголками и катушками азиатские войска, наглухо зашивая им ворот на время съёмки: у ребят были свои представления о прекрасном, и они непременно старались выпустить поверх исторической одежды голубые петлицы кавполка – чтоб родные увидели. Но истинная мука была обрядить Таманскую дивизию в солдатские костюмы времён Екатерины. В помощь мне был выделен лейтенант, два мегафона и трёхэтажный мат – это всё, что было в моём распоряжении. Вот уж где я с тоской вспомнила о «сене-солومه»!

Пересказать «коротенько» три года жизни на нашей пугачёвщине не получится никак. Поэтому я расскажу одну престранную историю, не намекая ни на что абсолютно, просто последовательность ряда событий.

Это было как раз то время, когда в газетах написали о странных неопознанных явлениях в небе над Петрозаводском. На то время я вообще ничего не слышала ни об НЛО, ни о прочих заморочках из этого ряда. И вот в один из вечеров – обычно мы собира-

лись вместе, слушали музыку, читали стихи, выпивать возможности особой не было (до ближайшего магазина 4 км лесом) – мы с Татьяной услышали странный разговор двух молодых здоровых парней, звуковиков. Один просил другого проводить его до барака, т. к. одному ему страшно. У нас глаза полезли на макушку от изумления: в этом бараке была наша костюмерная, и уж было не сосчитать, сколько раз мы бегали туда. Эта история нас так заинтриговала, что за завтраком мы под-сели к нахохлившимся ребятам; с ними явно было что-то не так. Внучка Василия Ивановича выдавила из них признание без особых усилий, а вот само признание нас здорово озадачило: парни рассказали, что уже несколько ночей по лесу бродят трёхметровые фигуры, одетые в странные одеяния наподобие длинных, расширенных книзу, едва светящихся плащей. Я не отреагировала на это никак, была не в теме, а вот Татьяна вечером подошла ко мне и жарко прошептала: «Я знаю, кого видели ребята!» – «Кого?» – на всякий случай полюбопытствовала я. «Инопла-нетян, вот кого!» – торжествующе прошипела Татьяна, оставив меня в полном недоумении.

Через пару дней мы снимали сцену «апофеоз Пугачёва», снимали в глубоком карьере днём, но под режим. Надо было одеть как можно больше народа и всем дать горящие факелы в руки, чтоб чадом заволокло небо и получилась... ночь! Оглядев мои труды, Стален Никандрович похвалил меня: «Сколько народу одеть умудрилась, вот только зачем ты ещё эти два манекена наверху приспособила? Видно же, что это не люди!» Какие ещё манекены, возмутилась я, глядя, куда он указывал. Вверху, на самом краю обрыва, стояли две странные высоченные фигуры в балахонах... Это точно были не люди, но и никаких манекенов я не обряжала – такая блажь мне просто не могла в голову прийти! Я хотела получше рассмотреть их, но чад от тысячи факелов так стремительно поднимался вверх, что сделать это мне не удалось...

По-моему, достойный конец рассказа о киноэпопее.

«БЕЛЫЙ СНЕГ РОССИИ», РЕЖИССЁР ВЫШИНСКИЙ

Я шла по заснеженному шоссе уже больше часа в направлении, указанном случайным встречным, зажав в варежке бумажку с адресом. Вдруг слева от шоссе появилось заснеженное озеро, а на той стороне его, на бугорке за берёзами, забрезжили кирпичные кладки каких-то домов. Увидев на льду следы чьих-то валенок, я не раздумывая ступила на лёд. С обочины шоссе озеро показалось мне небольшим, но я всё шла и шла по нему, а берег не приближался. На бугорке собралось несколько человек, явно наблюдавших за мной, но мысль о том, что я могу уйти под лёд под этим ярким, почти весенним солнцем, ни разу не пришла мне в голову. Мне надо было поскорее добраться до невысоких кирпичных домов – там умерла наша третья с Кристиной Николаевской подруга по весёлым вечерним одесским девичникам с «сухим бялым винком», Наташка Бакалясова. Я спешила проститься с ней, и ничто не должно было мне помешать.

Дверь крошечной квартирki мне открыла Наташкина мать, одновременно встречая меня и провозжая медсестру, приходившую сделать укол обезболивающего. Наташка лежала в забытьи, я села рядом в кресло, и смотрела на неё, и не могла поверить в происходящее. Ей не было и тридцати, и звонок незнакомой женщины, назвавшей её матерью и попросившей меня не откладывая приехать в район Подольска, мой поход через озеро и умирающая Наташка – всё это казалось какой-то сюрреалью. Веки у Наташки дрогнули, она увидела меня, что-то захотела сказать, но не сумела, и тогда вмешалась мать: «Оля, ты глянь, – затараторила она с неизживаемым хохлацким акцентом, – какое чудное платье – свадьбешнее! – я купила Наташке на похорон! – услышала я, и мне показалось, что у меня шевелятся волосы на голове, но мать продолжила: Это примета такая народная, коль на похорон купишь нарядное свадьбешнее платье, то незамужняя хворая ни в жисть не помрёт, да, Наташка?» Я поняла, что мать уже малёк не в себе от горя, а Наташка,

сквозь боль и муку, тоже всё прекрасно понимает. Она подала мне едва заметный знак, и я приблизилась к ней. «Оля, я тебя перед Кристиной оговорила, когда она приезжала в Москву уже после картины: сказала, что ты не хочешь с ней общаться... Это ревность... Ведь она захотела стать твоей старшей сестрой, а я так... хлоплушка...» – Наташка замолчала, совершенно обессиленная, а потом её перекорёжил очередной приступ боли. Мать бросила на диван «свадьбешнее» и в тапках помчалась по заснеженной колее – встречать медсестру. Когда Наташка забылась вновь, мать сказала, чтоб я уходила и звонка от неё не ждала: «Не к чему! И не вздумай идти через озеро – чудом прошла! Видать, ангел тебя хранил, чтоб ты с моей Наташкой попрощалась...» Я кивнула и поспешила одеться...

* * *

А начиналось всё так весело! Была весна 1978 года. Моей Катюхе было одиннадцать месяцев, когда мне позвонили со студии и стали уговаривать выйти на картину. Обещали энное количество загранпоездов, из которых я смогу привезти своей дочке кучу замечательных одежек. Я и купилась.

Однажды мне сказали, что на роль второй жены Алёхина, вдовы губернатора Марокко Грейс Висхар, приглашена польская актриса Кристина Николаевска и через час я смогу снять с неё мерки. Наш помреж Наташа Бакалясова привела её в актёрские комнаты, и мы троём пошли в цех снимать мерки. Под обаяние Кристины мы с Натальей попали с первой же минуты: её взгляд, какую-то кошачью игривость, тон общения, необычайную женственность, лёгкое лукавство и бесконечную доброжелательность по отношению ко всем невозможно ни забыть, ни спутать.

Оценив наши производственные возможности, Кристина, ничего не сказав мне, пошла прямым ходом к «пану директору» и «пану режиссёру» и предложила свой план: шить ничего не надо, для этой роли у неё всё есть в её личном гардеробе. Золото она тоже наденет своё, но я должна поехать с ней дня на три в Варшаву, чтобы отобрать необходимое. Тем

более что нужны меха, а она не может везти все свои шубы и шиншилловые горжетки через границу, иначе её примут за польскую спекулянтку. Ну, сделанные и выросшие в СССР должны понять комичность этого момента и с лёгкостью представить, как низко отвисли челюсти у «пана директора» и «пана режиссёра». Не знаю, что они уж бормотали ей в ответ, но Кристина решила, что я человек крайне занятой и недоверчивый. Тогда она предложила «пану директору» и «пану режиссёру» поехать вместе со мной – дорога, разумеется, за её счет – и тихонечко посидеть в её роскошном баре (где «ест вшистка – и винко, и виски!»), пока мы будем примерять «барахлё!» Объяснить ей процедуру оформления наших поездок за рубеж не смог бы даже лучший актёр польского телевидения того времени, сам первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек, поэтому мне просто приказали сидеть дома и не снимать телефонную трубку.

Наконец до Кристины что-то дошло, и, встретившись со мной, она подробно, до мелочей записала, что ей нужно привезти к каждой сцене. И привезла. И ничего не забыла! Вот это тот уровень профессионализма, который резко отличает зарубежных актёров от наших звёзд, звёздочек и звездушек. На прощание она зачем-то попросила меня примерить её туфли – оказалось, что у нас одинаковый размер. Она улыбнулась, и мы расстались.

* * *

В следующий раз с Кристиной мы встретились уже на съёмках в Одессе. До этого была вилла нашего посла в Венгрии, изображавшая парижский дом Алёхина, но, как обычно, «худкост» своё основное время проводит в пошивочном цехе, тем более что костюм нашей отечественной звезды приходилось расставлять или перешивать раз в месяц, а затем везти в Шереметьево – умолять передать с ближайшим рейсом. Да и то умудрилась все мои труды на нет свести, забыв надеть это удивительное платье с подлинной бисерной вышивкой времён модерна. Царские таможенные пломбы срезала – слёзы капали, но, как говорится, не тем помянута будет!

Кристина часто предлагала после съёмок зайти к ней (мы жили в разных гостиницах) и выпить шампанского, которое тогда в Одессе продавалось по «три рэ» с полтиной, но я отказывалась – было почему-то неловко, а Наталья шла к ней каждый раз. Иногда я ловила на себе её вопрошающий взгляд, но не понимала его, и это только усугубляло неловкость. Но как-то она не выдержала и спросила: «Тебе не понравились туфли?» – «Какие?» – не поняла я. «Ну разные, от комплектов...» И тут выяснилось, что из каждой поездки, в которую меня не брали, Кристина передавала мне роскошные подарки: верх, низ и туфли! Красоты необычайной! И всё итальянское! Но наши из элементарной зависти не отдавали мне эти презенты, а Кристине оставалось лишь удивляться моей странной неблагодарности. Хорошо, хоть вишнёвые ботиночки для дочки отдали! Со временем я получила все её подарки, но так было стыдно за своих... Тем более что всякими мелкими презентами Кристина одаривала абсолютно всю группу, после Куросавы не помню, чтоб кто-нибудь был так щедр.

Валерия АННЕНКОВА

Родилась 19 августа 2001 года в с. Хороль Хорольского округа Приморского края. С 15 лет писала стихотворения и рассказы, публиковала свои произведения на таких интернет-платформах, как «Книга фанфиков», *Руфта*, с 2020 года выпускала свой роман в жанре исторического триллера через электронное издательство «Литрес».

О чём поёт океан?

Ночь невидимой паутинкой оплетает город, щедро рассыпая по тёмному небосводу серебряные искры, так похожие на августовскую росу. Их блеск напоминает о детстве. До боли, почти до беззвучного хруста где-то меж рёбер, там, где спешно бьётся сердце, подобно трепету крыльев резвой белой чайки. А ведь уже начало осени и роса уже не такая сверкающая. Да и многое уже не такое, как в детстве.

Вода в чайнике закипает быстро, с оглушающим бульканьем возвращает к реальности, прогоняя жужжащие в голове мысли. Завтра волейбол. Она не может предать. Ни себя! Ни команду! Ни страну! Назад пути нет, только вперёд!

Усталый вздох. Скорее, даже болезненный. Осталось меньше суток до чемпионата – на душе неспокойно. Девушка, вновь поправляя выбившийся из небрежной причёски светло-русый локон, в сотый раз быстрыми шагами обходит небольшой столик, а через мгновение бессильно опускается в кресло. Бросает дрожащий от слёз взор на стол, где лежит недоеденное пян-се. Тонкую ленту бледно-розовых губ

пронзает судорожная улыбка. Она их редко ест: не положено по рациону, нет времени сбегать за ними в перерыве между тренировками. Но не сегодня.

Дедушка. Он так любил эти паровые пирожочки, что согревали его и без того всегда тёплые, расцелованные солнцем смуглые руки осенним утром, беспощадно скованным цепями владивостокского тумана. Он всегда покупал два пирожка. Себе и ей. Даже когда она говорила, что не хочет завтракать, он брал два, зная, что через час-другой она проголодается. Даже тем мрачным, последним утром год назад, когда ему едва хватало сил, чтобы идти, а не волочить ноги, он не изменял своей традиции.

Разбудил рано. Часов в пять утра, сказал собираться, но не брать с собой тяжёлую сумку, ибо «морю много не надо». Позже купил пян-се и попросил соседа отвезти в то место, о котором вчера договаривались. Неспешными шагами прошёл вслед за внучкой, покидая тёмную и тесную, словно большой спичечный коробок для людей, прихожую. Медленно, сдерживая трепет непослушных костлявых рук, дважды

повернул ключ в замочной скважине и вышел из подъезда.

Всю дорогу смотрел в окно на свинцовое августовское небо, иногда отвлекаясь на старые карманные часы, будто с ужасом ожидая, когда же лента отмеренного ему времени оборвётся. Спешить было куда.

Место она узнала сразу – мыс Тобизина. В последний раз они были там пол её жизни назад, когда она девочкой девяти лет беззаботно бегала в густой зелёной траве, то и дело останавливаясь и осторожно приближаясь к краю, чтобы посмотреть на изумрудные ленты шумного моря. Тогда скалы казались такими огромными, словно великаны из мифов и сказок. Теперь всё по-другому, только море всё такое же лазурное и шумное, будто полное жизни и юности, несмотря на пронёсшиеся под палёным солнцем сотни, тысячи лет. Только почему?

Шли долго. Местами дедушка останавливался, чтобы отдышаться, потом вовсе присел на камень, достал из старого тёмно-болотного рюкзака контейнер с пян-се, протянул один внучке.

– Знаешь, почему я всё это устроил? – спросил он своим тихим голосом и, встретив ответ в форме пожатия плечами, улыбнулся. – Через год ты поедешь на чемпионат, бельчонок!

Он всегда её так называл. Очень она напоминала ему бельчонок, которого дедушка встретил в период отдыха в санатории «Шмаковка». Такая же резвая и любопытная с детства.

– Деда, ну ты чего? – встрепенулась девушка. – Это ещё не точно...

– Поедешь! – в шутку строгим тоном приказал дедушка. – Ты столько лет к этому шла. Не бросать же мечту ради старика. – Задор, с которым он начал, быстро сошёл на нет, лицо его помрачнело, и дедушка торопливо откусил кусок пирожка. Прожевал и продолжил: – А потом... знаешь, я видел многое, что бывало с нашей страной: и хорошее, и плохое. Когда я был маленьким, мы с ребятами мечтали о так называемом светлом будущем, представляли, как здорово будет жить нам в зрелости и в ста-

рости. Из всего, что я понял за свою жизнь, – то, что живу я в великой стране, воспитавшей столько талантов, что, кажется, на небе звёзд меньше, чем имён на страницах летописи славы России, что пишет поэтесса-вечность. И я верю, что однажды твоё имя заслуженно займёт одну из строк. Хотел бы я быть рядом...

– Ты будешь... – ответила она, кусая пян-се, и вдруг, словно опомнившись, оробела.

«Ему жить не более двух месяцев» – слова, подобные оглушающему раскату грома, воскресли в памяти. Она же видела его анализы, разговаривала с доктором.

Опухоль. Она знала о ней, но дедушке не говорила. Так спокойнее. Легче жить, будто в сетях накликаемого на саму себя забвения, только бы не засыпать, уткнувшись носом в мокрую подушку. Но он сам догадался, что время скоро застынет для него, погрузив его разум в вечную тьму.

– Ты права... я буду. Всегда буду рядом. – Он осторожно коснулся точки меж рёбер. – Здесь. Всегда. Только пообещай мне, что ты не будешь бояться. Никогда.

– Это сложно.

– Всё в мире сложно, – он отвёл взгляд. – Но ты взгляни на море: ветер так рьяно кидается на него, желая иссушить, но ему удаётся лишь растормошить водную гладь. Глубину вечного океана мгновенному ветру не постигнуть. – Дедушка прищурился. – А ведь именно волнами море высекает на скалах послание небу, такому же вечному и умиротворённому. И мудрость в том, что море, частица океана, терпеливо, спокойно и уверенно, потому его письменам не страшны порывы воздуха. Так же и ты – имей терпение, не переживай и верь в свои силы. Ты – часть команды, страны. Так борись и не отступай!

Окинул беглым взглядом только что успокоившуюся водную гладь, которую восходящее солнце будто осыпало сверкающими самоцветами. Алая лента зари, подобно артерии, пульсирующей под матовой кожей, разорвала объятия тёмного океана и бледного небосвода. Так было и вчера, и десять, и сто, и тысячу лет назад. Так будет и после. Вечная песня прибора о любви ко

всему живому: к каждой травинке, до которой солёные капли так мечтают дотянуться, к каждой спрятавшейся в камнях змее (от юркого тигрового ужа до сонного щитомордника), к каждому рыжему пушистику-лисёнку.

– За твоей спиной будет не просто опыт и десяток лет тренировок. За твоей спиной будет маленький, но прекрасный мир, где прошёл этот десяток. За твоей спиной Россия!..

Его не стало через неделю. Казалось, ещё было много времени, впереди ожидали новые прогулки вдоль берега, очередное посещение в выходной маяка Токаревского, а в начале сентября – долгожданная поездка в Славянку, по плану минуя «Кедровую падь» и «Землю леопарда». Дорога долгая, но стоящая, чтобы через расступившуюся пелену дождя разглядеть хасанский скалистый берег. Так много планов о посещении мест детства.

Она обязательно ещё и посетит. А пока...

Вдох. Лёгкие наполняет прохладный воздух, не такой, как на побережье, но достаточный, чтобы вдохнуть полной грудью.

Мяч уже над головой. Сердце бьётся ровно, как волны, что только набирают разгон. Она спокойна, как океан. Она верит в свои силы, и урагану сомнений не сломить её волю.

Шаг. Назад отступить нельзя. За спиной – Приморье. За спиной – Россия.

Удар...

КОНВЕРТ

На пыльной полке,
Меж старых книг,
В седом осколке
Чужих интриг
Ненужный лист лежит.
Лежит он тенью лет былых,
Впитав слова с гранитных плит,
Улыбки, радость нулевых.
Конверты даты помнят:
Вот девять-ноль – Чечня, и Цой, и слёзы;
Вот восемь-ноль – Афган, успех и мишка;
Семь-ноль – кино, Вьетнам и грёзы;
Шесть-ноль – апрель, Гагарин – вспышка!

Пять-ноль – вдруг – Че, свобода, Куба!
Четыре-ноль – Рейхстаг, победа...
Конверт возьмёт негрубо
Мальчишка. Позовёт соседа.
Может быть, Саша,
Может быть, Вова,
Важно одно: уставши,
Прочтёт он два слова:
«Помнить» и «Верить», – понятные всем.
Но спросят их однажды:
«Уж ныне помнить-то зачем?»
Зачем? А чтобы жить мог каждый!

К ТЕБЕ

К тебе, святою кровью славы порождённой,
В час смуты русским воином защищённой,
Мои слова обращены к тебе,
Страна моя! Будь стойкою в борьбе!
Ты войн видала больше ста
И без трепета осеннего листа
Достоинно все невзгоды превзошла,
Мир поколениям нашим принесла,
Где место для сегодня-завтра есть,
Где предков подвигов не счесть,
Где шарик пёстрый держит детская рука,
Где вера в Родину для всех и свята, и крепка.
Кровь воинов наших сталь веками закаляла:
От битвы Невской до Полтавы,
От Бородинского сраженья до Брусилова
прорыва,
От Сталинграда до Берлина –
Нет битвы той, что русскому не взять.
Нет решенья, о котором не сказать.
Так пусть не меркнет солнце над тобой,
Россия, пепел с плеч стряхни – и снова в бой!
Вперёд за счастье, небо, детский смех!
Вот-вот настанет мир для всех.
Вперёд в «прекрасное далёко».
Оно придёт, оно не так жестоко...

Любовь ГЛУШАКОВА

Любовь Михайловна Глушакова родилась 11 декабря 1954 года в селе Занадворовка Хасанского района Приморского края.

ГЛУБИНКА ПРИМОРСКАЯ

Глубинка приморская, ты величава,
Красива во все времена.
Лесами богата, зелёные травы,
Ты жизни цветущей полна.
Весной первоцветом дышишь свободно,
А летом в саду аромат,
И осень нам дарит красок палитру,
В неё устремляем свой взгляд.
Зимой – свежий воздух и развлечения –
Санки, лыжи, коньки.
Глубинка приморская –
Ты лучшее место, что есть на свете,
Для жизни и для любви.

Ольга ГАУТДИ

Автор книжки с аудиOVERсией со стихами «Золотинки солнца», «Чёрный квадрат», «Жар-птица» на «Ридеро», «ЛитРес», «Озон», «Амазон», «Букмейт»; книг: «Её», «Радуга», «Железная леди», «ДУШАнбе», «Андерсен в юбке», «Берег счастливых людей», сборника рассказов «Чёрная рубашка», «Голая любовь». Публиковалась в журнале совета МВД СНГ «Содружество».

БЕРЁЗЫ

Берёзы сбросили одежду.
Нагие, белые стоят
И так проникновенно,
Тихонько с небом говорят.
Качаются, танцуют, баюкая тишину.
Они как будто машут: «До свиданья!» –
Птицам, улетающим на юг.

БЛАЖЕННАЯ КСЕНЬЮШКА

Дорога дальняя лежит пред нами,
И тут сестра зашла и попросила,
Что если уж летим на край Земли другой,
Записку передать для той,
Что ждёт всегда и всех
И в час лихой всем помогает.
Я отказать ей не посмела,
Уж больно светлой просьбушка была.

Дорога привела меня к Неве,
Где город славный утопал в сирени,

Где пели по ночам нам соловьи,
Где Невский нас водил кругами,
Шутил над нами и не пускал домой.

Час пробил, и она нас позвала...

Мы шли по тенистому лесу,
Где тени не живут,
А лишь приходят помолиться
К телам, лежащим тут.
Там ангелы слезами смывают скорбь с сердец,
Там склепы старые стоят
И смотрят чёрными глазницами на лес.
Здесь рукомойники стоят,
Что безвременно смывают грязь не с рук,
А с помыслов души.

Иду по лабиринту средь судеб пересеченья.
– Ну, где ты? Отзовись!
Откройся, площадь величавая, где ты почишь!
Проводник остановилась.
– Здесь.

Смотрю: часовня-невеличка скромная
и прямо средь могил стоит.
Ком к горлу подкатил нежданно и
немыслимо,
Дышать не можно... Села на приступку.
Косынку, юбку надевала и нужные слова
я вспоминала.

Вот позади три круга, последняя стена...
Я руку приложила и просила, знака я ждала.
Стою, а мне сорока в душу залетела,
Смеётся, глупая, трещит:
– Что, чуда ждёшь... ждёшь... ждёшь?
Тут ворон каркать начал.
Но разве это чудо?

Глаза открыла, обернулась и вижу:
Вот оно, ползёт!
Мальчишка светлый ползёт на четвереньках
И каркает, как птица, странные слова!
Я благодать твою ведь не ждала, родная...
Ведь я пришла к тебе незрячей,
А ты ждала, ты обняла, и пожалела,
И просьбы наши приняла.

Родился сын у нашей Ксеньи,
Бессонница манатки собрала
И съехала-то наконец от тётки,
А на Крещение, в лютые морозы,
Ты дочь в дом наш привела.
«Кто меня знал, да помянет во спасение
своей души...»

Аминь.

ЦЫГАНСКАЯ ДУША

Лошадь в бричку запрягу
И пойду искать по свету,
Где живёт цыганская душа, –
К небу, месяцу и ветру.

С ветром песню затяну.
Да чтоб так, чтоб по сердцу скрипело.
Месяцу костёр я разведу –
И чтоб искры к небу полетели.

Пусть сгорают в угольках костра
Все мои печали.
Месяцу я солнце покажу,
Пусть дивится – я плясать умею.

Юбка, словно бабочка в степи,
Весело вспорхнула, задрожала, полетела.
Я и грудью небу потрясу.
Пусть душа понежится немного.

И звон монет я не хочу уж слушать,
Уж больно тягостен на шее груз его.
Я сброшу бремя суеты в былое
И полечу беспечным ветерком.

Как пёрышко, я полечу по свету,
И лишь бы не запутаться опять в кущах.
На бричке облечу планету!
Пойду просить к закату в подарок
розового коня.

Я и шаль накину. Яркую такую!
Чтобы жизнь была моя полна
Красками восхода и заката
Посреди седого ковыля.

ГАДАНИЕ

Волна, рождённая в дали морской,
Несётся мне в объятья.
И разливаётся у ног моих прибоем,
Рисуя пенные картины на песке.
А может, что сказать мне хочет?
А может, просто жить не может море
Без пены белой на волне?..
А может, это сны,
Что море дарит мне,
Лениво убегая по песку
Под шум прибоя?

БЕРЁЗОВОЕ ЦАРСТВО

Я попала в гости к Берендею,
Белые девицы закружили меня в хороводе,
Ноженьки босые в зелень опустили,
Шёпотом листвы меня заполонили.
Распустили косы, раскудрились,
Чёрточки на сарафанах угольком нарисовали,
Руки запустили в космос,
Тишину закачивая в душу.
Я, как птица, присела на ветку,
Закружилась голова от счастья,
Тут появился муравей огромный и сказал:
«Уходи и сохрани в душе берёзовое царство».

ЗЕМЛЯ И НЕБО

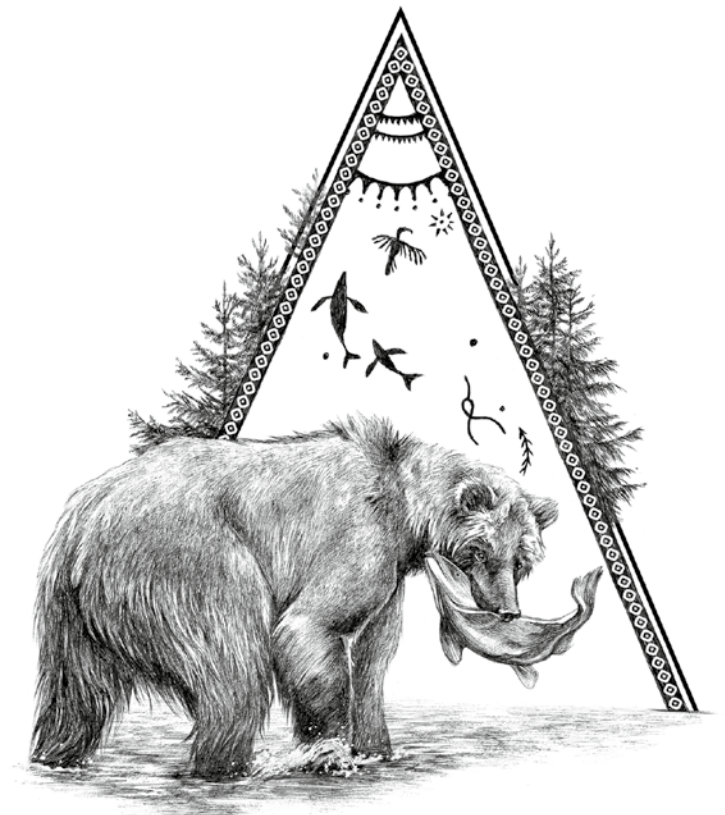
Звенящая тишина, и небо стартует в космос.
– Земля, лечу к Венере я!
– К Венере? Ведь я без тебя засохну, и стану
Венерой я.
Ковыль услышал, учащённо задрожал.
– О небо, не улетай! Не могу надышаться я.
Без тебя Венера обойдётся,
Но без тебя земля не наденет рябиновые бусы
И куст калины красной не зардеет для тебя.

АРФА

Перебираю струны арфы и погружаюсь
в мир иной.
Где звуки Средневековья витают надо мной.
Где трубадур, заочнев, раскрашивает в серый
И тетива уже давно познала муку,
Что вырвалась при выстреле мелодией
несмелой.

О чём мечтал волшебник тонкий,
Впуская звуки в тишину?
О кружке эля, корке хлеба,
А может, птицей взмыть хотел над миром?
Парить, кричать, как сокол в вышине?

А может, в музыке жила его душа?
Свободно и красиво?
А может, счастлив был, что теплится душа,
Что музыку рождает, которая переживёт века?
И ты, её послушав, всё поймёшь о нём:
Чего хотел, о чём мечтал, что чувствовал,
О чём просил у неба.

Эмма ГУСТАЙТИС

Родилась 17 февраля 1966 года в с. Спасское Спасского района Приморского края. Пенсионер МВД России, подполковник полиции в отставке. Имеет активную жизненную позицию, является членом Совета ветеранов МО МВД России «Спасский», свободное время посвящает поэзии.

НЕ ПРОШУ У СУДЬБЫ Я МНОГОГО

Не прошу у судьбы я многого,
не стою на коленях, моля,
Мне хватило богатого прошлого,
чтоб ошибки понять и себя,
Разбросала я шёлковой гладью
откровенность свою и любовь,
А собрала холщовую прядь,
только грубость, обиду и боль,
Ну как жизнь бы меня ни терзала,
как бы ни была доля трудна,
Так хочу, чтобы не растеряла
веры в силу любви и добра,
Чтоб не всё было в розовом свете,
но хоть что-то коснулось души,
И известные истины эти
были дороги мне и близки.

СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Со стороны так многим покажется:
Вот идёт очень сильная женщина,
Под мундиром фигура прячется,
На погонах звезды две светятся.

Обронила взгляд строгий прохожему.
Что ж! Привыкла к суровой профессии.
Всё должно быть спокойно в городе,
От статистики ей невесело...

Только что-то в глазах серых прячется,
Промелькнёт чуть заметная истина.
Очень хочется быть ей слабою,
В женском облике кем-то увиденной.

Жаль! Но кажется ей это роскошью
Неуместной и непозволительной.
Оглянется лишь вслед прохожему
И уйдёт в свою жизнь стремительно.

Мария ЕЖОВА

Родилась 28 января 1992 года в с. Дмитриевка Черниговского района Приморского края, в семье интеллигентов. В третьем классе впервые написала стихотворение собственного сочинения, после чего стихи стали частью её жизни, участвовала в различных поэтических конкурсах, имеет грамоты и благодарности.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Милая, хорошая, родная,
Тебе пишу я перед боем.
Ты у меня одна такая,
Ты всех сокровищ в мире стоишь!

Как тяжело здесь, моя хорошая,
Тут пули как в июне пух
Или внезапная пороша
Блестящих, сонных белых мух.

Твои глаза я вспоминаю,
И вижу я тебя во снах.
Ты знай, любимая, скучаю.
А скоро ведь уже весна.

Тебя не видел, моя милая,
Уже, наверно, года два,
А сердце рвётся от обиды –
То всё проклятая война!

Я скоро буду, жди, родная.
Мы всех фашистов переберём!

Я лишь хочу, чтобы ты знала,
Что скоро будем мы вдвоём.

На фото я смотрю всё наше,
Ты так прекрасна и мила.
Дождись меня, ты слышишь, Маша!
Для наших чувств ничто – война!

А завтра бой, суровый, страшный.
Ты помолись там за меня,
Сходи ты в церковь, в церковь нашу,
Проси, чтоб кончилась война!

Я в бой иду, и мне не страшно.
Вперёд! За мир! За нашу Русь!
Ради тебя, родная Маша!
Ты только жди, и я вернусь!

СЛЕДОВАТЕЛЯМ

В просторном кабинете
В поношенной рубаше
Сидела в кабинете
С душою нараспашку.

Допрос ведётся долго,
Никто не сознавался.
Такой злодей уж подлый,
Ещё и улыбался!

Однако по закону
Велось всё, беспристрастно.
Похитил он икону,
Что вдвойне ужасно!

И вот уж невезенье,
Настал век технологий.
Такое поведенье
Сейчас уж стало модно.

Не знал злодей, что в храме
Ведётся запись действий.
Не стыдно перед мамой
И будущих последствий.

На камере всё видно,
Как он ворует смело

И лыбится ехидно,
Он знает своё дело.

Потом он попытался
Продать икону людям.
Чего уж отпираться?
Они ведь лгать не будут.

Вопрос от адвоката:
«Когда изъята запись?
Быть может, предоплату?
А что это за надпись?»

Допрос всё длился дольше,
Вопросы, ходатайства.
И времени всё больше,
И слышатся злорадства.

Имелись отпечатки
На этой же иконе.
Поставлены печати
На следа упаковку.

Эксперт гласит, что это
Его ведь отпечатки.
Тогда поник он: «Как же!
Забыл надеть перчатки».

Защитнику уж стало плохо,
Ведь думал, невиновен.
Не чуял он подвоха,
А срок грозит условный.

Выходят уж совместно
На время, совещаться.
Как в комнате-то тесно,
Но надо оставаться.

Когда зашли, все тихо
Вину свою признали.
Зачем уж тут шумиха,
Позиции все сдали.

Все эти показанья
Бумага принимает.
Не будет оправданья!
Подписку избирают.

Когда ушли, просторно
Вдруг стало в кабинете.
Надо прочесть повторно,
Присев на табурете.

Злодей был верно пойман,
Ошибки быть не может,
Он был людьми опознан.
Но следователь встревожен.

И как могла подняться
Его рука на кражу?
Иконы не боятся!
Закон его накажет!

Закончив всю работу,
Встаёт уж за полночи
И в эту же субботу
В церковь сходить хочет.

Нелёгкая задача –
Расследовать деянья.
Поможет лишь удача
И собственные знанья.

Забудьте все невзгоды,
Смотрите вперёд смело.
Сдавайте эпизоды!
Любите своё дело!

ХОТИТЕ, РАССКАЖУ ВАМ...

Хотите расскажу вам,
Как служить в полиции?
Совет один я дам,
Не хмурьте свои лица!

С утра встаёшь ты бодро,
Спешишь ты на работу.
И спину держишь ровно,
Не глядя на невзгоды.

Закон ты защищаешь
И помогаешь людям.
И все статьи ты знаешь
И видишь, кто иуда.

Приходит заявитель:
«Тут мопед украли!»
А вы его спаситель –
Нашли, ему отдали.

Вот бабушка нечаянно
Все деньги потеряла.
И смотрит так печально,
Куда идти, не знает.

Тут успокоить нужно,
Зовёшь коллег в подмогу,
И все спешите дружно,
Как будто по тревоге.

Находите злодея,
Кто кражи совершает.
Он больше не посмеет
Чужого возжелать.

Звонят, бывает, люди:
«Мошенники лютуют!»
Искать их вместе будем!
Найдём – всех арестуем.

И кто б ни обратился,
Полиция на страже!
«У нас пожар случился!»
«А тут случилась кража!»

Всех граждан защищаем,
От мала до велика.
И санкции все знаем,
Ох, не будите лихо!

Полиция родная
Никем не пренебрегнет.
В ущерб себе, бывает,
К помощи прибегнет!

Хотите расскажу вам,
Как служить в полиции?
Поверьте уж словам
Сотрудника юстиции!

Лариса ЕЛИСЕЕВА

Лариса Елисеева родилась 4 апреля 1969 года в г. Корсакове Сахалинской области. С полутора до четырнадцати лет воспитывалась в детском доме, сначала в п. Правда Холмского района, а затем в п. Троицкое Анивского района Сахалинской области.

В свободное от работы время занимается вокалом, принимает активное участие во всех творческих конкурсах. Неоднократно становилась победителем и призёром смотра-конкурса самодеятельного художественного творчества «Щит и лира», а также литературного конкурса МВД России «Доброе слово».

КУКЛА

Ей хоть и было семь лет, но девочка уже понимала, почему именно её хотят удочерить эти тёти и дяди, которые приезжали в детский дом, чтобы выбрать себе ребёнка. Однажды она подслушала, как директор Иван Васильевич говорит: «Хорошая наследственность: родители не алкоголики какие-нибудь. Автокатастрофа... Как выжила в этом месиве железа эта кроха, вообще непонятно. Не иначе как ангел-хранитель прикрыл. Представляете, она даже не испугалась, сидела себе на заднем сиденье, играла со

своей куклой. Ей тогда не больше года было. “Головастик” растёт, сообразительная – страсть! Характер, правда, не мёд у этой малышки».

С тех пор «Малышка» так и прилипло к ней. Свою куклу девчушка никогда не выпускала из рук. Она была уже старая, потрёпанная, волосы всклокоченные, кружева на платьице оторваны, один глаз уже почти стёрся. Но это была любимая игрушка Малышки, с которой она не расставалась и проводила всё свободное время.

Каждое лето детский дом вывозили в пионерский лагерь, где делили на отряды. Вожатыми назначали детдомовцев-старшеклассников. И подростки отрывались на малышах по полной. Ситуация становилась всё хуже и хуже. Постоянные подзатыльники от старших стали настолько привычными, что на них уже не обращали внимания. Только при каждом приближении вожатого дитё старалось приготовиться к удару, спрятать голову в плечи – подзатыльник меньше чувствовался, а если повезёт, то вообще пройдёт по касательной.

Однажды наша Малышка не увидела, как вожатый подошёл сзади и так сильно ударил её по голове, что она очнулась только в кровати. Её лихорадило и тошнило. Она постоянно повторяла: «Кукла, где моя кукла» – и снова теряла сознание. Испуганный директор пионерского лагеря, воспитатель и вожатые носились с ней как с писаной торбой, говорили такие ласковые слова, которые та до этого и не слыживала. А тут и скорая приехала, увезли несчастную в больницу в город.

Положили беднягу в одну палату со взрослыми женщинами. У одной из них были сломаны обе ноги – она упала с лестницы. Её кровать стояла рядом. Девочка всё смотрела и смотрела на соседку глаза в глаза. А глаза у соседки синие-синие. Разве бывают такие синие? Такие глубокие и добрые? И девочка старалась привлечь её внимание, чтобы ещё раз увидеть эту синеву. К «синеглазке» приходили муж и две дочери.

Однажды соседка попросила дочерей подать ей костыли, чтобы она вместе с ними прогулялась, но они её не слышали. Тогда Малышка сама принесла ей костыли, помогла встать

и выйти на улицу. С этих пор она каждый день приносила костыли этой красивой женщине.

Девочка с соседкой подружились. Малышка рассказывала ей о жизни в детском доме, о том, что произошло в лагере, но больше всего ей было жалко свою любимую куклу. Женщина внимательно слушала девочку, не перебивала и не задавала вопросов. Её синие глаза становились почти чёрными, между бровей появлялась складка.

Через два месяца Малышку выписали из больницы, она вернулась в детский дом. Свою любимую куклу она так и не нашла.

В июле 1981 года, когда детский дом снова готовился к выезду в пионерский лагерь, её вызвал директор школы к себе в кабинет. Запыхавшись, девочка подбежала к двери, открыла её и с удивлением увидела ту самую красивую синеглазую соседку. Малышка даже поздороваться забыла. А та подошла к ней, обняла и сказала:

– Вот она, моя маленькая помощница. Я без неё ещё бы три месяца лежала. Она меня на ноги поставила и заставила ходить.

Девочка недоумевала, ведь она ничего такого не делала, только помогала подать костыли...

А Иван Васильевич вдруг спросил:

– Настя, а ты не хотела бы поехать на каникулах не в лагерь, а к ним в гости? Я знаю, что тебя там ещё две девочки ждут.

Настя растерялась:

– А можно?

– Ну конечно, можно, переоденься, и машина уже ждёт.

Так маленькая Анастасия оказалась в семье синеглазой соседки. Дом у них был каменный, двухэтажный, с большой верандой и уютным чердаком, переделанным под игровую комнату. Ей выделили комнату на втором этаже. Настя не знала, что надо делать, и поэтому была зажата, чувствовала себя неуверенно. Сёстры не особо уделяли ей внимания, поэтому Малышка большую часть времени проводила в комнате.

Через три дня на область обрушился тайфун «Филлис». Он был самый мощный за всю

историю. Дождь лил не переставая два дня, ураганный ветер сносил крыши с домов, валил деревья, переворачивал машины. Потоки рек с камнями, грязью, жижей сносили всё на своём пути. Деревянные дома рассыпались по брёвнам, и небольшие постройки плыли по этому потоку. Вся семья сидела дома на втором этаже, потому что первый этаж уже был залит водой. Страшно.

Вскоре вода начала спадать, и девочки вышли на крыльцо. Хозяйка дома запретила им спускаться со ступенек в воду. Картина, которая открылась, была ужасная. Воды всё ещё было выше колена, она текла грязная, с камнями и брёвнами, кусками шифера, вырванными кустами и смытым урожаем. По этой реке плыли поросята. Некоторые визжали, а многие были уже мёртвые. Мужики на самодельных плотках плыли за ними и баграми вытягивали на плоты. Плыли детские игрушки. Деревянная лошадка, мечта всех детдомовских ребят, цветные кубики, пирамидка, игрушечный автомат. Мальчишки бы за него душу продали... И тут Настя увидела, как по реке в грязи среди игрушек плывёт кукла. Большой пупс в чепчике, распашонке и штанишках. Она закричала, показывая рукой:

– Смотрите, смотрите, кукла! Я хочу её достать! Она большая, она моя! Чур она моя! Я её первая нашла! Чур она моя!

Несмотря на запрет, девочка вошла в эту вонючую реку и направилась к кукле. На куклу налетело бревно и проплыло дальше. Кукла

скрылась под водой, потом снова показалась. Девочка очень боялась упустить её из виду и прибавила шагу. Кусок шифера больно ударил по ноге, порезал, но она не заметила боли. Осталось ещё немного, и заветная кукла будет у неё. И тут она услышала пронзительный женский крик. Волосы у Насти на голове зашевелились от этого крика. Она обернулась. В это время муж «синеглазки» буквально зверем метнулся к ней с крыльца, подхватил Малышку на руки и понёс в дом. Настя вырывалась, кричала, она пыталась укунить мужчину, но он крепко прижимал её к себе и повторял одну и ту же фразу: «Всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет хо-ро-шо...» Он занёс Настю на второй этаж, вытер кровь с ноги и оставил в комнате. Ничего хорошо не будет. Ведь кукла уже скрылась под водой, и теперь её никогда не найти. Девочка рыдала. А кукла была так близко. Подбежав к окну, Настя пыталась разглядеть, может, всплывёт её кукла, надеялась, может, зацепится за что-нибудь, и тогда её можно найти. Девочка всё смотрела и смотрела в окно. Она видела, как совершенно седая растрёпанная женщина медленно и как-то безвольно идёт по этой грязной реке, устало поднимает ветки, переворачивает застрявшие брёвна, какие-то тряпки. Она что-то ищет, осматривает всё вокруг. Что она ищет в этом потоке? Тут женщина подняла глаза и посмотрела в окно, где стояла Настя. Их взгляды встретились, и Малышка с ужасом поняла, кого искала эта молодая мать.

Елена ЕРМОЛАЕВА

Елена Михайловна Ермолаева (Глушакова) родилась 12 декабря 1974 года в селе Михайловка Михайловского района Приморского края. Дочь ветерана ОВД Черниговского района – старшего участкового уполномоченного милиции, майора милиции в отставке Михаила Борисовича Глушакова.

Любовь к поэзии и желание писать собственные стихи появились ещё в раннем детстве, в юные годы они лишь укрепились. При вступлении во взрослую жизнь эта любовь не пропала, появилось свободное время и более сильная тяга к написанию собственных стихов. С 2005 года стала уделять этому любимому занятию больше свободного времени. В 2020 году награждена дипломом УМВД России по Приморскому краю за первое место в конкурсе «Доброе слово» в номинации «Поэзия».

ВЕСНА НАС УВЛЕКАЕТ ЗА СОБОЮ

Весна своей мелодией любви
Нас увлекает за собою следом.
Мы, ей навстречу душу растворив,
Надеждой, счастьем и любовью бредим.
Распустим крылья, что в себе храним,
И над землёй взлетим весне навстречу,
За горизонт далёкий улетим,
Порхая в небесах легко, беспечно.
Так хочется отдаться тишине
И зелень трав вдыхать в себя безумно!
И чтобы лёгкость светлая в душе
Во мне присутствовать могла ежесекундно.
Чтоб я могла взглянуть на этот мир,
Понять, что лучшего на свете не бывает,
И чтобы всем могла тепло дарить,
Дарить души частичку и не таять.

ОСЕНЬ

Настала осень, опали листья,
И яркость красок погасла вмиг.
И зябкий холод уже так близок,
Под плащ осенний ко мне проник.
И, обнимая меня прохладой,
В осеннем вальсе меня кружа,
Шептал так нежно: «Грустить не надо!
Пора осенняя нам всем важна.
Она даёт возможность людям
Чуть-чуть осмыслить жизнь свою.
И, может, трудно немного будет,
Ты не волнуйся, я помогу.
Осенним золотом окрашу землю,
А дождь исполнит свой вальс-бостон.
Как страж небесный, он не дремлет,
А ветер взвояет с ним в унисон».
Как зябко стало, пожухли листья...
Угасли краски осенних дней.
Но всё же где-то играет в мыслях
Осенний вальс души моей.

ДАВАЙ ПОМОЛЧИМ

Давай помолчим, ни о чём говорить
мы не будем.
Давай помолчим и послушаем шёпот листьев.
С тобой на мгновенье слова будто
все позабудем.
Ощутим наслаждение окутавшей нас тишины.
Я слышу дыханье твоё и сердцебиенье,
А ты, милый, конечно же, слышишь моё.
Тихонечко к нам подкрался миг откровения,
Впустив в тишину к нам нежное чувство своё.
Смотрю я в глаза твои, вижу в них звёзд
отраженье,
И блики луны, словно факелы, светят в ночи.
Вдали лишь едва слышно птицы
счастливое пение,
Как будто она посвящает нам песни свои.
Лети же скорей! Лети же, трель соловьиная,
И пусть та мелодия проникнет
в людские сердца.
Любовью своей, такой нежной, неумолимую,
До капли, до нотки эту песню допой до конца.

Татьяна ИВАНОВА

Татьяна Петровна Иванова родилась 25 февраля 1965 года, является инструктором отделения по работе с личным составом МО МВД России «Спасский» с 1 июня 2020 года. Председатель Совета ветеранов МО МВД России «Спасский» с 24 декабря 2020 года.

ЧТО ЗНАЕШЬ ТЫ, СЫНОК МОЙ, О ВОЙНЕ?

«Что знаешь ты, сынок мой, о войне?»
 На то старик не получил ответа.
 И в глубине души своей
 Обидно стало вдруг за это...
 Уж семьдесят семь лет Победе
 Для нас принёс цветущий май.
 Ликуй, народ! Встречай Победу!
 Фронтовиков не забывай!
 Так преклонимся пред солдатом,
 Который выстоял в бою,
 Он Родине нашей тогда, в сорок пятом,
 Защитником стал, не предав врагу!
 И мы живём теперь с тобой под мирным небом,
 Не нужно больше нам ни горя, ни потерь.
 Россия, сын мой, сильная держава!
 Прошу тебя, ты только в это верь!

ЛЮБИМОЙ БАБУШКЕ

Бабушка, бабуля, солнышко моё!
 Мне с тобою безмятежно, весело, тепло.
 Ты мне даришь детство,
 Лучшие деньки,
 И в моих глазёнках сияют огоньки.
 Мы с тобой танцуем,
 Весело поём,
 От души хохочем, иногда орём.
 Сказки мне расскажешь, блинчики спечёшь,
 Спросишь: «Что ты хочешь?»
 Всегда меня поймёшь.
 Пусть знают все на свете:
 Ты у меня одна,
 Милая, любимая
 Бабушка моя!

Светлана КАДАНЦЕВА

Светлана Александровна Каданцева родилась 25 июня 1961 года, образование высшее инженерно-экономическое, живёт и работает во Владивостоке. Авторское имя – Светлана Каданцева. Член Российского союза писателей с 2017 года. Номинант литературного конкурса «Поэт года», проводимого на портале «Стихи.ру», в номинациях «Дебют», «Лирика», «Русь моя», «Песни». Участник «Каталога современной литературы», представленного на 30-й Московской международной книжной выставке-ярмарке в 2017 году. В настоящее время публикуется в журнале «Приморские самородки», издаваемом музыкально-литературным обществом «Третья Пятница» города Владивостока, а также в литературном альманахе Дальневосточного федерального университета.

ВЛАДИВОСТОК

Есть город, что стоит у океана,
Встречая первым завтрашний рассвет,
В нём без туманов жить почти что странно,
А впрочем, странного в туманах тоже нет.

Приморский климат, ветреный и влажный,
Приносит к берегам сырой привет;
Владивосток далёкий, и отважный,
И нашенский вторую сотню лет.

Он видел многое: и взлёты, и падения –
И помнит всех, кто строил и любил,
Флотилий китобойных возвращения,
Когда весь город пел, гулял и пил.

На краешке земли маяк укажет,
Где берег ждёт и где родной причал,
И о тоске по Родине расскажет,
Ведь Родина – начало всех начал.

Владивосток всем встречам знает цену
И знает, как непросто провожать,
Он не прощает только лишь измену,
Но, как никто, Владивосток умеет ждать.

МИЛЛИОНКА

Снова туман висит
Белой косынкой тонкой,
Ветер ночной не спит
Над Миллионкой.

Старый китайский квартал
Городом в городе слыл,
Тайной легендой стал,
Я не забыл...

Сквозь временной портал
Переберусь в былое,
Соединил квартал
Сложное и простое.

В старом забытом окне
Прошлого льётся свет,
В сумрачной тишине –
Прошлого нет!

Здесь перемешан был
Запад с Востоком тонко,
Не улыбалась иным
Страшная Миллионка,

Словно бы содран бинт
Раненных в кровь дней,
Ожил ночной лабиринт –
Город теней.

Памяти аромат
Сладостью горькой вкусен,
Их имена звучат
Россыпью бусин.

По переулкам глухим
 Время, дежуря, бродит,
 Вместе брожу с ним,
 Боль не проходит.

Сколько минуло лет,
 С горем смешано счастье,
 Вновь надевает рассвет
 Красное платье.

И неразрывна связь
 Нынешних и былинных –
 Снова китайская вязь
 В стёклах витринных.

Белым цветёт сирень,
 Ветер – струной звонкой,
 Новый встаёт день
 Над Миллионкой.

ХОЛОДАЕТ

За тем, как движется листва,
 Смотреть ты можешь неустанно,
 Как жухнет осенью трава,
 Плывут по небу облака,
     меняя цвет и форму странно,

Так грустно всё! Дожди идут,
 И лужи дрогнут в непогоду,
 Костры цветов то там, то тут
 Свой яркий свет должны задуть
     ветрам неистовым в угоду,

И холодает... Зябнет день,
 Укутанный в шарфы из меди,
 Тебе с утра вставать уж лень,
 И хочется плотнее дверь
     прикрыть, чтоб не простыли дети,

Пришла осенняя пора –
 Как ни молись, но не посторишь,
 Уходит солнце со двора,
 А впереди – зима, зима!

...И ты свои молитвы вторишь...

СНЕГ ИДЁТ

Сочетание двух слов –
 Снег идёт...
 Как из старых добрых снов –
 Не умрёт!
 Будет падать белый снег
 И кружить,
 Несказанность милых нег
 Сторожить.
 Он ложится на дома,
 У ресниц...
 Как снежинка, я сама
 Лягу ниц.
 Фонарей неровный свет –
 Чудо-ночь!
 Ничего и проще нет...
 Мысли прочь!
 Лишь кружится
 И как будто поёт,
 Снег под ноги мне ложится,
 Идёт!..

АХ, ПУШКИН!

Ах, Пушкин! Сколько в вас огня!
 Нам за строкою не угнаться,
 Что мчится, рифмою маня...
 Как равнодушным тут остаться!

Ваш слог отточен, прост и чист,
 И в слове каждом – упоенье,
 Стихи бегут на белый лист,
 Перегоняя вдохновенье!

Они возвышенно легки,
 Наполнены мечтой и светом,
 И веет сказкой от строки
 И горькой правдою при этом.

Воспеты дружба и любовь,
 И длится чудное мгновенье,
 Коль перечитываем вновь
 И не скрываем восхищенья!

Анна КРЕКОТЕНЬ

Анна Дмитриевна Крекотень родилась 13 июля 1983 года в г. Спасске-Дальнем Приморского края, где и выросла. Капитан полиции. В свободное от службы время увлекается поэзией.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Тот день мне не забыть никогда,
шёл мокрый снег в то утро тогда.
Ты взялся на работу меня отвезти.
Как будто прощаясь...
свой взгляд ты не мог отвести.
И вот... раньше времени зазвонил телефон,
может, папа? Хм... на дисплее – нет, не он.
Как-то тревожно стало в груди,
мама невнятные речи кричит.
О Боже! Прошу, помоги ты беду отвести,
судорожно на всех телефонах набираю 03.
Поздно... там, наверху, всё решено,
а мне никак не верится, что это произошло.
Нет, ты не умер! Ты рядом! Ты здесь...
в наших сердцах.
Любить и помнить тебя будем,
пока не развеют наш прах.
Папочка милый, любимый, родной,
я знаю, всегда ты рядом со мной,
когда тяжело мне и сил нет идти,
ты топчешь дорожку для меня впереди,
с колен поднимая, укажешь мне путь,
помогая препятствия все обогнуть.
Я чувствую крылья за спиной у себя,
есть ангел-хранитель теперь у меня!

ДОНБАСС

Кругом кричат: «Донбасс! Война,
И виновата в ней Россия!»
Вот только в чём её вина?..
Что в Украине деспотия
И власть нацизму отдана?
Там геноцид, там люди гибнут,
Малые дети и старики
(О чём ведь СМИ совсем не пишут),
За то, что русские они!
Стоп! Хватит!
Молчи теперь, трусливая Европа!
Гонений по миру мы натерпелись сполна,
Из нас не сделаешь холопа,
Россия вступила в борьбу за права!
За право быть русским, где бы ни был,
За право гордиться своею страной,
Фашистов ждёт одно – погибель,
Не обойдём их стороной!
С мировым произволом сразимся,
Русофобию искореним,
И победой насладимся,
И мечты осуществим!

Николь ВОСКРЕСНАЯ

Настоящее имя – Анастасия Николенко. Родилась в 1990 году. Кандидат политических наук, доцент ВАК (научное звание). Член Союза писателей России. Автор нескольких книг: «Аква-рели», «Гранат», «Никтофобия», «Дагерротип», «Бес Содержания». Победитель конкурса «Петроглиф» в номинации «Поэзия», победитель VI Международной поэтической премии Боао в номинации «Молодой талант года», лауреат и дипломант многих литературных конкурсов и фестивалей. Отмечена грамотой митрополита Алтайского. Живёт во Владивостоке.

БАБУШКА

Бабушка дарит мне листки отрывного
календаря,

и я читаю их как молитвослов.

А утром сквозь занавески – заря,
тень кружева – расписание поездов.

Деревья, которые мы не помним,
и старые свечи развеванных звёзд,
тропинка ведёт туда, где шиповник
колючими ветками сквозь камни пророс.

Скучать по времени, которого никогда не было,
так слушают музыку через стену,
тот самый мотив, рассказ, в который я верила.
Седину, как пуховый дарёный платок,
однажды надену.

ЛАЗАРЬ

Солнце поило Лазаря
маковым молоком.
Всё, что погибло за зиму,
всё оживёт потом.

Все, что в ночи неприкаянно
бродят, как бродишь ты,
лёгкими каплями в мае
всходят, ростками светлы.

Многоязыкий грех,
чью красоту присваивать?
Перья ломают доспех,
чтобы впитать сияние.

* * *

Мне снятся птицы, голуби и воробьи,
да жернова, с которых сыплется им зерно,
и только старое зеркало удалось спасти,
уцелевший слепой калейдоскоп.

Душа шатается на ржавых болтиках:
картонный ярмарочный медведь.
И размалёванное добро в маске солнышка
на середине неба должно замереть.

К пустому колодцу за водой не пойдут,
лишь за надеждой, и то слепой,
то тихое воинство, ангелов семихвостый кнут,
и каждый выведет к Богу тропой.

* * *

Никто не ест счастливые билеты,
не остаётся ночевать в заброшенных домах.
Как рваные открытки короткие дни лета:
цветная, яркая трава,
левкой да чудотворный мак,
от солнца зарумянится вода,
покрывший всё на свете гладкий лак.
Ведущая невесть куда тропа,
как будто заблудились там, в теплице рая,
от прошлого даже печали нет,
и никого и никогда не утрекая,
не забывая старый дом и сохраняя билет.

Людмила ПАВЛОВСКАЯ

* * *

В каждой женщине есть актриса,
Даже, может быть, суперзвезда!
У одних она спит в закулисье,
У других же – на сцене всегда!

Я вчера повстречала подругу.
Та снимать начала сериал
Под названьем «Измена супругу».
Ну... вы знаете, так себе жанр...

Заодно поменяла причёску
И купила крутые очки,
Ходит в зал с тренажёром и броско
Применяет малиновый тинт...

Жаль, от зрителей нужно скрываться!
А ведь хочется ей иногда
От восторгов людских задыхаться
И от криков: «Браво, звезда!»

А другая подружка – из детства –
Роль примерила «мышки-норушки»:
Десять лет терпит мужа измены
И ночами рыдает в подушку.

Очень странно, но ей по кайфу
Быть простой номинальной жертвой,
И при этом очень гордится,
Что нельзя назвать её стервой...

А коллега моя, напротив,
Совершенно наоборот,
Тем горда, что в любовной охоте
Знает выход любой и вход...

И сейчас собирает резервы,
Разжигая страсти пожар,
Чтоб начальник, теряя нервы,
Под венец её скоро позвал...

Да... в ролях недостатка нету!
Выбирая, не торопись!
Но лучше, конечно, пополнить
Плеяду любимых актрис!

Я желаю удачи, девочки!
И пусть выбранный персонаж
Обязательно станет счастливым,
Невзирая на свой типаж!

Я желаю вам быть любимыми,
Даже если грустна ваша роль,
Пусть для каждой в жизни найдётся
Обожающий вас король!

* * *

Два подсолнуха шептались на рассвете.
«Я люблю тебя», – сказал один,
А другой с улыбкою ответил:
«А я солнышко всегда любил.
Жаркие лучи его впитаю
И надолго сохраню тепло,
Чтоб прохладными и тёмными ночами
Согревало нас с тобой оно,
Чтоб ни дождик, ни колючий ветер
Чувств моих к тебе не остудил...»
Два подсолнуха шептались на рассвете,
Солнца шар за речкою всходил...
И они тянулись дружно к солнцу,
Повторяя очертания светила,
Чтобы каждой семечкой дотронуться
До небесной лучезарной силы.
А потом её дарить друг другу,
Если тучи вдруг накроют мир,
Чтобы передать любовь по кругу,
Отдавая света жаркий пыл...

Нам бы научиться у подсолнухов
 Точно так заботою делиться
 И, когда сверкают рядом молнии,
 От людей свои не прятать лица,
 Ведь порой достаточно кому-то
 Подарить один лишь добрый взгляд,
 Жизнь счастливой делает минута,
 И её-то может не хватать.
 Нам бы научиться у подсолнухов...

* * *

Шёл тринадцатый лунный день,
 На пороге стояло утро...
 Козерога небесного тень
 Прикоснулась к земле как будто...

В этот миг укололась я
 Об осколок разбитой правды,
 Так свободу мне дал шутя
 Многоликий и мудрый Яхве.

С той поры язираю на мир
 Через ярко-розовый цвет
 И слышу звучание лир
 Пролетающих мимо комет...

По ночам сочиняю рассказ
 Из подаренных космосом слов,
 Выплетая кружево фраз
 На страницах бумажных листов...

Слышать мысли и голоса
 Научившись довольно рано,
 Вижу в каждом встречных глазах
 Я едва уловимые раны...

И поэтому добрый финал
 Создаю для любого сюжета,
 Чтобы каждый читатель знал:
 Нет победы у тьмы над светом...

И, замкнув напряженье в цепи,
 Разрывая чувствительность фаз,
 Продолжаю дальше плести
 Кружева из ритмов и фраз...

* * *

Одиночество приходит на завтрак,
 Тихонько стучится в закрытую дверь...
 Так было вчера и будет завтра,
 Оно не станет одной из потерь.
 Молча пьем чай, потом открываем книгу:
 Какой там сегодня написан рассказ?
 Фантастика? Мистика? Много интриги...
 Свет иллюстраций яркий для глаз.
 Меня эта гостья вначале пугала,
 Хотя, возможно, не гостья, а гость...
 Я утром музыку громко включала,
 Плясала, вращая арабскую трость.
 Ещё мне казалось, вокруг очень мало света:
 Я зажигала свечи с утра пораньше
 И отправляла старым знакомым приветы,
 Просила, чтоб мне они письма писали чаще...
 Но к одиночеству я постепенно привыкла
 И даже влюбилась в этого друга слегка...
 Оно так красиво умеет читать молитвы,
 Приносит раздумий спокойствие издалека.
 Оно так прекрасно в старенькой вязаной кофте,
 Рассказы о жизни его всё светлей и мудрей,
 От тишины я теперь не боюсь оглохнуть
 И жду ранний стук у своих закрытых дверей...

Надежда САВВАТЕЕВА

Надежда Михайловна Савватеева родилась 23 марта 1974 года в с. Большевик Ононского района Читинской области. Пенсионер МВД России, майор юстиции в отставке.

ЖЕНЩИНА СТОЯЛА ПОД ДОЖДЁМ

Женщина стояла под дождём,
Вдаль смотрела грустными глазами.
Ветер целовал её лицо,
Умывая горькими слезами.

Мимо Одиночество прошло,
В мгlistом и туманном покрывале.
Женщину увидев, подошло,
Руку протянуло: «Звали?»

Женщина, качая головой,
Прочь пошла, того не замечая,
Что взяла она его с собой,
В жизнь навсегда свою впуская.

Надежда ТОМЧУК

Коренная дальневосточница. Педагог. Увлекается фотографией и путешествиями по любимому Приморскому краю. Член Российского союза писателей.

Печаталась более чем в двадцати изданиях в Москве, Санкт-Петербурге, Туле, Владивостоке. Имеет ряд публикаций в альманахе «Власть книги» издательства ДВФУ (статьи). Автор семи личных сборников стихов и рассказов. С 2019 года является редактором и составителем литературно-художественного журнала «Приморские самородки».

РУСЬ

Величава ты, Русь моя славная,
В белом платъице простеньком ситцевом!
Люди крепкие с добрыми лицами –
То держава моя православная.

Ты морями кудрявишься синими.
Пароходы в дали бледно-розовой.
Светлолика красою берёзовой,
Полноводна ты реками сильными.

Океанами дышишь таёжными,
Широка ты полями раздольными,
Водишь дружбу с ветрами привольными,
И в землеце богатства залёжные.

Только ворог к Руси не подступится,
Без оглядки пусть прочь убирается.

Флаг свободной страны развевается.
Стар и млад за Отчизну заступится.

За родные места малой родины,
Где прошло его детство беспечное,
За леса и луга бесконечные,
Собирал где грибы и смородину.

Кто с мечом к нам придёт, тот покается,
Отсечём руки-крюки враждебные.
Не купить нас на речи хвалебные.
Русский дух от невзгод не ломается.

ВЕДЬМИН УЗЕЛ

Вновь масонские солисты
Клювы-когти наточили,
Взгляды хищны устремили
На Россию на пречисту.
Никудышные артисты.

Всё запутали вы в узел,
Пыль в глаза пустили ловко.
Бесполезные уловки
Шею давят тяжким грузом
Странам всем Евросоюза.

Не разжечь войны холодной!
В свои санкции уткнётесь,
Злостью чёрной захлебнётесь.
Не сломить вам дух народный
Пусть голодных, но свободных.

Костью в горле вам Россия,
Непокорная держава,
Незапятнанная слава,
Для планеты всей мессия.
Божий промысел и сила.

Голос правды мир услышит
Сквозь огонь и дым оружий.
Прочь безумье! Разум нужен!
Не огнём надежда дышит.
Жизнь людская всего выше.

ВЛАДИВОСТОК – НАШ ГОРОД ЗОЛОТОЙ

Владивосток – наш город золотой,
На дальнем берегу форпост России.
Ты реешь чайкой гордой над волной,
И нет тебя роднее и красивей.

В лучах рассветных плещется приборой,
Под звуки «склянок» город оживает.
Ты молод и богат своей душой,
Людских сердец бездонность золотая.

Наш добрый город славы боевой:
Орденосец, смелый буревестник,
Вперёдсмотрящий на передовой,
Хоть веку прошлому седой ровесник.

Бросаешь вызов ты лихим штормам.
Владивосток и море – симбионты.
Взобрался смело по крутым холмам,
Рассматривая даль за горизонтом.

В трудяге бухте Рого Золотом
Морских профессий здесь десятки сотен.
Вода и брег свиты морским узлом.
Царю морей порядок сей угоден.

Базируется здесь военный флот –
На Тихом океане мощь и сила.
Отсюда корабли идут в поход,
Несут охрану рубежей России.

Здесь тружеников моря – рыбаков –
Встречает город звуками оркестра,
Улыбками, букетами цветов.
Симфониям волны нет больше места.

Владивосток – наш город золотой,
С рождения норд-остами простужен,
И нам, владивостокцам, ты родной,
И всем приморцам очень-очень нужен.

Юлия ШАМЛОВА

Из города Владивостока. 43 года. По образованию переводчик с английского языка. Поэзией занимается со студенческих времён. Была лауреатом конкурса «Гул океанского прибора» в 2012 году. Публиковалась в журналах «Кают-компания» и других.

ПОДПОЯСАЛАСЬ УРАЛОМ

Подпоясалась Уралом,
Девка русская стоит.
За её красивым станом
С неба солнышко следит.

У неё глаза-озёра
Цвета северных морей.
Под ногой её опора
Из приморских крепостей.

Умывается в Байкале,
На Камчатке самовар,
А в холодном Магадане
Золотой хранит товар.

На плечах льняная кофта,
Вышитый в Торжке платок.
Сахалинская селёдка,
Кваса хлебного глоток –

Вот чем гостя угощает,
Если по сердцу ей гость.

Коль обидчика прощает,
Отсыпает шишек горсть.

Два ведра на коромысле,
В них амурская вода,
Полюби её за мысли
И за то, что молода.

Шею жемчуг обвивает
И из Балтики янтарь.
На щеках огонь играет,
Как на ликах киноварь.

В печке уголь из Кузбасса,
Из Башкирии медок.
На плечах льняная кофта,
Вышитый в Торжке платок.

НАРОД-ПОДСОЛНУХ

Народ-подсолнух к свету тянется,
В нём зреет истины зерно.
И даже если закачается,
Его не сломишь всё равно.

Короной жёлтою нарядится,
Наденет яркий ореол.
Издалека знакомым кажется,
Зелёный стебель, крепкий ствол.

Народ-подсолнух к свету тянется,
Из зёрен-братьев частокол.
Теплом и светом наполняется
И копит маслице на стол.

Есть что-то детское и чистое
В цветенье мощного цветка.
И что-то сытно-золотистое,
Картинка русского лубка.

Припев:

Я зёрнышко, я маленькое зёрнышко,
Я будущий, я радостный цветок.
К высокому макушка моя тянется.
Я зёрнышко, я маленький росток.

Учебными годами листья крепятся.
Я вырасту, и дайте только срок:
Подсолнухом – волшебным ярким солнышком –
Украшу я родимый уголок.

Подсолнухом – волшебным добрым
солнышком –
Я к небу протяну свой лепесток.

СВАРОГ

Воплощение истины и света,
Бог славянский – великан Сварог.
В ожерелье листьев бересклета
К нам идёт навстречу русский бог.

Сосны, как метёлки, раскачает,
Снег дыханьем выдувает с гор.
Нашу землю взглядом обнимает,
На работу землепашца скор.

Плуг – его любимая игрушка.
Без работы трудной не сидит.
Женщина, девчонка иль старушка
На него с любовью поглядит.

Кузницу углями раскаляет,
Плуги для крестьянина куёт.
Ремесло стихами воспевает.
Радостно, торжественно поёт.

Птицы разлетаются весною,
Поспешают детушек кормить.
Птенчики играют с бороδοю,
Но нельзя Сварога рассердить.

Бросит крошек маленьким цыплятам.
Воробья замёрзшего найдёт
И простым отзывчивым ребятам
Выходить задание даёт.

Зёрна в землю сеет и мечтает,
Как поднимет новый урожай.
А лицо на солнце загорает,
И улыбка светлая, как май!

СЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ

Здесь матросов встречали лесные палаты.
Здесь когда-то шумели озорные ручьи.
Спали дикие сопки, дремуче-горбаты,
И никто не тревожил их мирные сны.

Только русскому трону захотелось
форпоста,
Закрепить для России южный Дальний
Восток.

Губернатор одобрил сырой полуостров.
Так основан навеки город Владивосток.

* * *

Здесь шум и плеск возни утиных стай,
Здесь тигр беспокоил поселенцев,
Вонзился топора железный край
В растущий дуб, зашло в работе сердце.

Костёр горел, трещали топоры.
Был запах новый зверю непривычен.
Летели щепки белые коры.
Матроса говорок то глух, то зычен.

На грязь кидали крепкие мостки.
Понадобились люди на вербовку.
Тянули рельсы, новые пути,
Явили русские железную сноровку.

Воздвигли крепость, деревянный брус
Сменили материалы из бетона.
Так на восток простёрла свой зубец
Российская имперская корона.

Елена ПЕХ

Елена Владимировна Пех родилась 17 апреля 1978 года в п. Кировский Кировского района Приморского края. С 2019 года принимает участие в литературных конкурсах.

ЖЕНЩИНЫ В ПОГОНАХ

Не падает звезда на женщин с неба,
Они их носят на своих плечах...
Вот звёзды на погонах – значит, выбор сделан,
И этим женщинам неведом в жизни страх!

Женщина в погонах – это так прекрасно,
Женщина в погонах – это очень классно!
Женщина в погонах – это так красиво,
Женщина в погонах – это очень мило!

Красит форма женщин, всех она стройнит,
Не один мужчина взглядом одарит!
Улыбнитесь красавицам в форме, их в

полиции много, не счесть...

Проходя мимо женщин с погонами, вы,
мужчины, отдайте им честь!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ!

Мирное сейчас время,
За окном весна,
Солнце улыбается,
Просто красота!

День Победы – праздник –
Люди, улыбнитесь,
Ветеранам, люди,
Низко поклонитесь!

Мы не знали голода, холода, нужды...
Сколько лет прошло с тех времён войны!
И когда проходишь мимо ветерана,
То глазами видишь: кровоточит рана!

Ведь в глазах их видно горечь и тревогу,
Коротка осталась в жизни их дорога!
Рядышком присядьте, поблагодарите,
Хоть одну гвоздику просто подарите!

Ведь они бесстрашные, наши ветераны,
Жизни не жалея, получали раны!
Солнце ярко светит, за окном весна,
И смеются дети – просто красота!

Старикам в глаза
Гляньте вы с любовью,
Ведь далась Победа
Им немалой кровью!!!

Елена БОЛДИНА

Поэт, журналист, библиотекарь, автор проекта МБУК ВЦБС «Встречи у книжной полки» о поэтах и писателях Приморья <https://vladlib.ru/polka/>

* * *

Отёр свой посох старый пилигрим.
 Минута радости спокойной миновала.
 Он жестом подозвал своих детей,
 И время откровения настало.
 И ждали дети истины глагол.
 Отец молчал, смотрел на них и плакал.
 А дети удивлялись меж собой,
 Как поседел, ссутулился их папа.
 Он вытер слёзы грубою рукой.
 И, улыбнувшись, произнёс негромко:
 «Вы сильно выросли. Так хороши собой...
 Не видел, как росли вы. Очень горько.
 Дорожной пыли много истоптал.
 И выцвел плащ под жаркими ветрами.
 Я истину вдали от вас искал.
 Но истина под кровом дома, с вами...»

ДУША МОЯ ПРИМОРЬЕ

Душа моя Приморье...
 И в запахе морском
 Мне чудится раздолье
 В той бухте, где мой дом,

На крыльях белой чайки
 И в музыке дождя –
 Душа моя, Приморье,
 Свободная...

Чудесные пейзажи
 Суровой красоты
 Художники писали
 У моря и тайги.

Здесь ветры поднимали
 Хрустальную волну
 И с шумом разбивали,
 Со страстию.

Ну а когда всё стихнет,
 Уляжется прибой,
 Приморье улыбнётся
 Новою зарей.

К востоку простирает
 Утёс скалистый свой
 И в гости приглашает:
 «Открой меня, открой!»

В воде мерцают звёзды
 И плещется луна.
 Зовёт меня Приморье:
 «Стихия здесь твоя».

На этот зов откликнусь,
 Простором я дышу.
 Душа моя, Приморье,
 Я за тебя прошу:

«Любви и процветанья
 На сопках и в лесах.
 И каждому приморцу
 Хорошего в делах».

И зацветёт багульник
 И сакура весной.
 Душа моя, Приморье,
 Ты край любимый мой.

РОДИНА

Солнце светит так ярко в окно,
На душе так и ясно, и радостно.
Я спою вам сегодня про то,
Как чудесно жить и как сладостно.

Пробежусь по траве босиком,
Улыбнусь я берёзкам молоденьким.
Это Родина-Русь, это дом.
Стал мне местом родным и особенным.

Я из города еду в лесок.
Как свежо, как легко здесь дышится.
И я воздуха выпью глоток.
Голос Родины, кажется, слышится.

Шелест трав и журчанье ручья.
Я раскинул руки-объятия.
Здравствуй, Родина, вот и я.
Ты не только одно понятие.

Столько радости, столько тепла
На душе от природы появится.
Вот и степь бесконечная.
Красотою Русь-матушка славится.

«Здравствуй, Родина!» – прокричу.
И вспорхнёт стайка птиц встревоженно.
Чтобы лучшей была ты, хочу.
Русь заслушалась настороженно.

И надела одежды из трав,
И цветами веночек свой украсила.
И танцуешь среди дубрав,
Светом радости всё раскрасила.

А вокруг только мир и покой –
Для души городской лечение.
Здравствуй, Родина, я с тобой.
Ты в печали моей утешение.

Попрощался с полянкой лесной
И воды ключевой напился я.
Помни, Родина, я с тобой.
Навсегда в твой пейзаж влюбился я.

Солнце светит так ярко в окно.
На душе так и ясно, и радостно.
Я спою вам сегодня про то,
Как чудесно жить и как сладостно.

* * *

Распахнула душу мне навстречу
Русским полем Родина моя.
На любовь любовью я отвечу:
«Здравствуй, Русь! Пришла с надеждой я».

Знаю, встречу я тебя цветущей,
Плодоносной девицей-красой.
Будешь в мире местом самым лучшим,
Колосясь пшеницей золотой.

Как закат румянцем пламенеет,
Чтоб с восходом свежестью пленять,
С каждым утром молодеть умеет
Чародейка-Русь, ни дать ни взять.

Поцелую я глаза небесные,
Облака торопятся бежать.
Первая красавица известная,
Русь-девица и родная мать.

А судьба-судьбинушка нелёгкая –
Всё стерпела, стала лишь сильнеей.
Ночь пройдёт, досадная и горькая.
Что ж, вставай, родная, веселей!

Соловьиных трелей переливом
Зазвенишь ты в предрассветный час,
Над приморским, над морским заливом
Разлилась земная благодать.

И, вдыхая воздух твой солёный,
Я догнать пытаюсь горизонт.
Я сегодня тоже обновлённая,
Открываю свой духовный зонт.

Мне защитой станет от напастей,
Чистоту в душе я сохраню.
И в бурлящем океане страсти,
Русь, тебя опять боготворю.

* * *

Мой город, что лежит у океана.
Конечно, всех прекрасней на Земле.
Дарами моря сыплется здесь манна.
Такого не увидишь ты нигде.

Владивосток шумит морским прибоем.
Владивосток – восточный наш форпост.
И улицы наполнены историей.
Любимый город, как же ты подрос!

Красивый, юный город, ты свободен
С надеждой выбирать свои пути.
И лучшего сегодня ты достоин,
Мой город, где сбываются мечты!

Владивосток, смелей вперёд и с песней!
Ты не грусти, когда пришла беда.
Владивосток, ты знаешь, что мы вместе.
В моей душе любовь к тебе всегда.

Владивосток шумит морским прибоем.
Владивосток – восточный наш форпост.
И улицы наполнены историей.
Любимый город, как же ты подрос.

Красивый, юный город, ты свободен
С надеждой выбирать свои пути.
И лучшего сегодня ты достоин.
Мой город, где сбываются мечты.

МОСТЫ ВЛАДИВОСТОКА

Разлилось золото по крышам,
И засверкали купола.
Увидел я, чем город дышит,
Он, красотой любовь храня,

Моей души коснулся нежно,
И заиграл в душе мотив.
Мой город золотой, конечно,
Сегодня утром я увидел,
Как мой город был красив.

Мосты-мосты, мосты мечты
Нас поднимают вверх.
Мосты-мосты, и я и ты
Сегодня лучше всех.

Шепнёт мне серая волна:
«Люблю Владивосток...»
Я без туманов и ветров
Вдали бы жить не смог.

И окрылённый я лечу
Увидеться с тобой,
Мой друг любимый и родной,
Мой город золотой.

На сопках светятся огни,
А в море корабли,
Ждут возвращенья моряков
У пристани они.

Солёный ветер закружил
И растрепал мечты.
Мосты-мосты, я не забыл,
Какой красивый ты.

Я не забыл, как ты любил
И обнимал меня.
Водой морскою окропил,
И я шептал слова...

Мосты-мосты, мосты мечты
Нас поднимают вверх.
Мосты-мосты, и я и ты
Сегодня лучше всех!

И твой секрет я разгадал
Средь сопки и дорог –
Я верю, ждёт тебя успех
И охраняет Бог.

И я бегу, и я спешу
Увидеться с тобой,
Мой друг, любимый и родной,
Мой город золотой...

ВЕСНА С ЗАПАХОМ МИНДАЛЯ!

Анатолий ТРУБА

Как родившийся в Тамбовском крае, я привык воспринимать март только как месяц – предшественник весны. Вьюги метут сильнее. Зима борется с весной. Нет ощущения весны, и охватывает непомерная тоска.

В ту памятную весну четырнадцатого года в воздухе витала тревога, но безысходности не было. Неожиданно возникло ожидание чего-то нового, непонятного. Сам же март 2014 года в Тамбове преподнёс температурные качели. Днём температура едва переваливала за плюс, а ночью были сильные заморозки. Средняя температурная амплитуда достигала 15 градусов в сутки, что очень много. Приходило ощущение

того, что весь мир раскачивается и может либо остаться в вечной тьме и мерзлоте, либо выбраться, сбросить с себя ледяные оковы и засиять всеми красками Жизни. Настоящей Жизни и Красоты.

И это событие произошло. Крым встал на сторону Света. Для кого-то это событие – присоединение Крыма к России – возвращение к чему-то старому. Я же мыслю как мичуринец. Для меня это стало эволюцией и произрастанием совершенно нового. Молодого и сильного.

В мае 1944 года только одинокий миндаль с единственной живой веточкой выжил на выжженном склоне Малахова кургана. Но

именно он дал возможность своему зелёному потомству украсить героическую Севастопольскую землю и стать символом Победы.

Миндаль – первый вестник весны. Он во всём идеален! Цветки его дерева нежнейше-белые и чуть розоватые, аромат цветущего миндаля дивный, тонкий и притягательный, форма зерна идеально ровная, пропорциональная. Ещё до того как на его ветках набухнут почки, он весь одевается в прекрасный бело-розовый наряд из цветов. И ветки, и ствол его покрываются изумительно красивыми цветами, источающими тонкий аромат, похожий на запах роз.

Прекрасно миндальное дерево, стоящее в этом праздничном наряде среди остальных, ещё голых деревьев. Воздух вокруг него радостно звенит от золотистых пчёл, прилетающих пить нектар его цветов, а земля, словно лёгким снежком, усыпана лепестками.

Цветы миндаля появляются на дереве раньше листьев – сразу же с приходом весны. Миндаль является символом бессмертия. Увидеть во сне цветущий миндаль предвещает исполнение заветного желания. Его форма часто использовалась для поэтических сравнений – миндалевидные глаза воспел ещё Омар Хайям. Те, кто хотя бы раз в жизни видел цветущий миндаль, в своих воспоминаниях будут вновь возвращаться к этой чарующей картине.

Именно такой, покрытой миндалевым цветом, увидел пять лет спустя и я землю героев – Севастополь. Белый город в красивом белом наряде с пряным ароматом миндаля, саженцы которого мне посчастливилось привезти из Никитского ботанического сада и посадить в

парке Ахматовой в первый мой приезд в Севастополь. Символично, что именно 9 мая 2018 года появилась в Севастополе Звёздная аллея, высаженная русскими писателями и актёрами.

Ещё более символично то, что именно здесь я встретил своего давнего друга – Владимира Георгиевича Плетникова, с которым не виделся более десятка лет. Он уже освоился на Севастопольской земле и показал мне её красоту. И как много лет до этого ввёл он меня в «большую жизнь» производителя и создателя, так и теперь помог понять и полюбить нашу русскую землю. Землю героев – Севастополь.

И вот спустя ещё пять лет началась настоящая война. Как и в «сороковые, роковые», над Севастополем завывала воздушная тревога, полетели вражеские ракеты.

Мой друг Владимир Георгиевич Плетников, военный пенсионер, капитан третьего ранга в отставке, сразу запросился на фронт, добился своего и, как сотни и тысячи русских людей, встал на борьбу с фашизмом. Успешно бьёт врага.

И пришло твёрдое ощущение того, что весной 2014 года произошло нечто такое новое, сильное и справедливое, спустя десятилетие ставшее преградой на пути вселенского зла. Укрепилось на нашей святой севастопольской земле, пустило корни и дало ростки, которые невозможно сломать. И с этим возродится вся великая Россия!

Убеждён, что, как и десять, и восемьдесят лет назад, этой весной с запахом миндаля к нам придёт Победа!

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ СО СМИ

Союз писателей России направлен на всемерную открытость и наглядность работы со всеми средствами массовой информации, включая различные телевизионные общественные площадки. Как убедительное доказательство этому и пример популяризации масштабной деятельности СПР можно назвать участие 10 февраля нашей литературно-космической команды «Пора в космос» под руководством члена правления СПР Анатолия Трубы в популярной телевизионной программе «Сто к одному».

В литературно-космический «экипаж» входили: заместитель председателя правления СПР Нина Попова; специалист авиационного управления НИИ «Центр подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина» Анна Артемьева; литератор, режиссёр и физик Екатерина Чекановская и Кирилл Труба – будущий космонавт, студент МГТУ им. Н. Э. Баумана, направленный на обучение в Центр подготовки космонавтов.

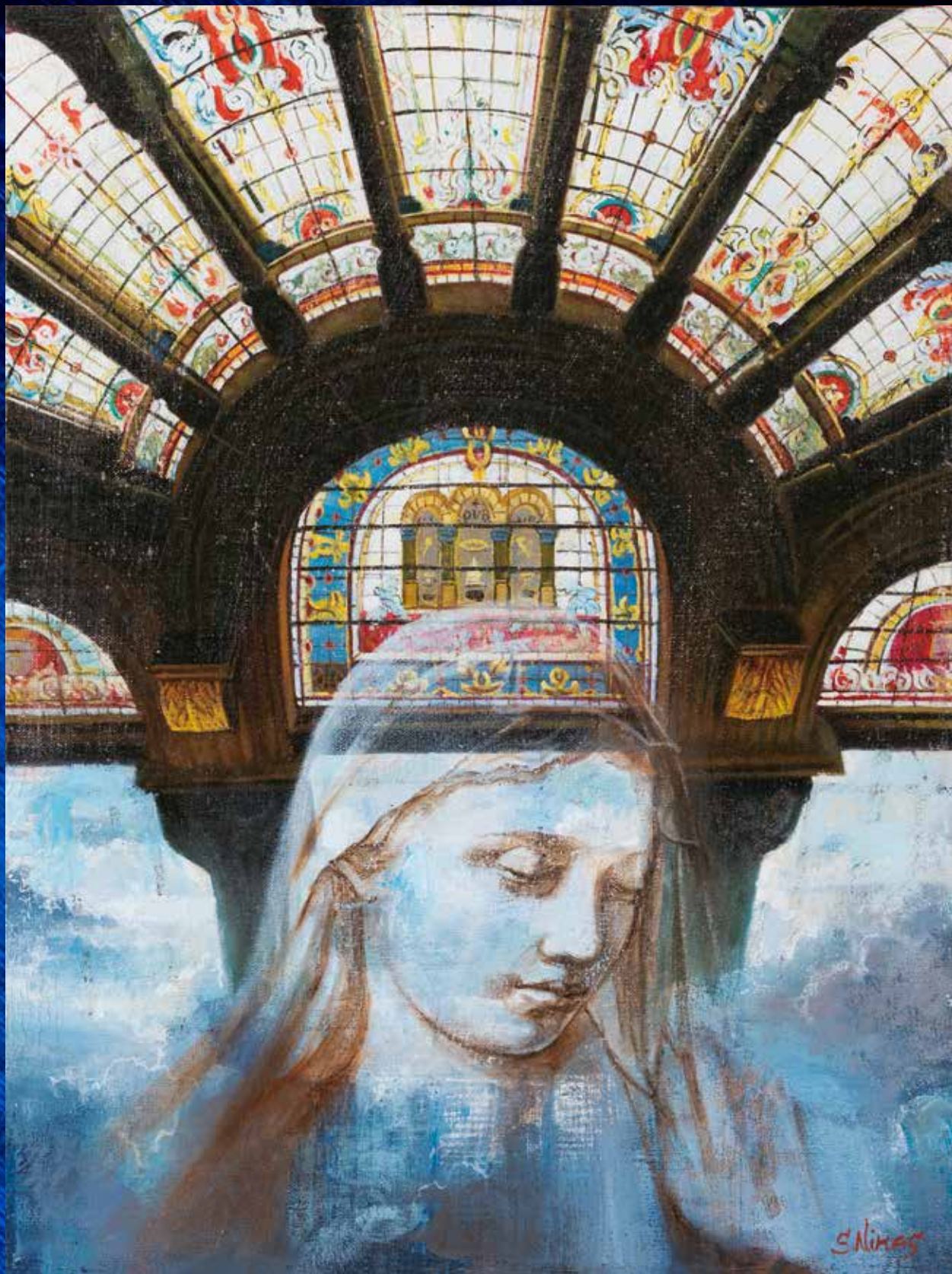
А вот кто болел за нас в зале – это отдельная тема! Нашим главным болельщиком стал Герой России, космонавт, член нашего Союза – Олег Артемьев, потому что мы и пришли на эту программу с целью рассказать о космическом векторе нашей работы. Включая и то,

что Олег Германович во время полёта на МКС по программе освоения околоземной орбиты выполнял и ещё одно важное задание: собирал свою часть творческого материала для будущей книги Союза писателей России «Пора в космос», что и подтверждало командировочное удостоверение! А вместе с российскими космонавтами пилотируемого корабля «Союз МС-21» на орбите 195 суток побывал и флаг Союза. И именно эта книга, где представлены произведения членов СПР, объединённые одной общей темой – космонавтикой – и всем, что связано с покорением космического пространства настоящими героями нашего времени, и была подарена телепрограмме «Сто к одному».

И ещё одним важным итогом участия нашей команды в этой познавательной программе-игре стало обретение новых друзей из команды соперников из Музея космонавтики. Сплочённые общей темой, мы успели обговорить возможность целого цикла взаимопользованных совместных мероприятий. Таким образом, творческий космос можно отыскать везде, было бы устремление и желание, и не только отыскать, но и создавать собственными трудолюбивыми руками и умами!

Нина ПОПОВА

Никас Сафронов. Ангел света или Явление Мадонны в храме. Х., м. 40 x 30 см. 2017

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru